

Per. A-1169
-287

Tööd NLPK ajaloo ajalo

IX

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 287 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

TÕID NLKP AJALOO ALALT
ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ КПСС
IX

ТАРТУ 1971

Per. A-1169
-287

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS
TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 287 ВЫПУСК

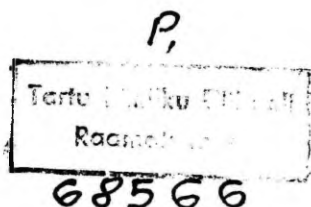
ОСНОВАНЫ В 1893 г.

**TÖID NLKP AJALOO ALALT
ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ КПСС
IX**

Тарту 1971

Redaktsioonikolleegium:
J. Ant, F. Kinkar (toimetaja), L. Raid
Редакционная коллегия:
Ю. Ант, Ф. Кинкар (редактор), Л. Райд

Kujundanud H. Pilter

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ КПСС

IX

На эстонском, русском и английском языках
Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Vastutav toimetaja F. Kinkar
Korrektorid A. Norberg, N. Tšikalova ja O. Mutt

Ladumisele antud 27. IV 1971. Trükkimiseks lubatud 14. X 1971. Trükipoognaid 10,75.
Arvestuspoognaid 11,43. Trükiarv 500. Kohila Paberivabriku trükipaber nr. 3. 60×90:1/16
MB-07520. Tell. nr. 2536. Hans Heidemanni nim. trükikoda, Tartu, Ülikooli 17/19. 111.

Hind rbl. 1.—

1—5

ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОДБОРА, РАССТАНОВКИ И ВОСПИТАНИЯ КАДРОВ

О. Рождественский

«В. И. Ленин говорил, что социализм — живое творчество народа, когда трудящиеся сами строят новую жизнь, своим опытом решают труднейшие вопросы социалистической организации¹». В этом — реальный демократизм социализма. Социализм поднимает к активной общественно-политической жизни миллионы рабочих и крестьян, создает широкие возможности для их участия в управлении общественными делами, обеспечивает материальные и политические гарантии прав и свобод трудящихся.

Проблема руководящих кадров была в центре внимания В. И. Ленина уже в период борьбы за создание революционной партии рабочего класса России. Успешное развитие революционного движения было возможно лишь под руководством политических деятелей нового типа — профессиональных революционеров, самоотверженных борцов за дело рабочего класса.

В декабре 1900 года В. И. Ленин в программной статье «Насущные задачи нашего движения» писал: «Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им».²

В. И. Ленин тогда в качестве одной из важнейших задач революционных марксистов России выдвинул задачу подготовки политических руководителей, способных в сложных условиях руководить пролетарским движением.

В 1902 году в своей работе «Что делать?» В. И. Ленин писал: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!».³

¹ «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Постановление ЦК КПСС, М., Политиздат, 1968, стр. 12.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 4, стр. 375.

³ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 6, стр. 127.

Марксизм-ленинизм доказал не только решающую роль народных масс в истории, но и необходимость руководителей, которые организуют и направляют ту решающую деятельность масс, без которой немислимо преобразование общества, невозможен социальный прогресс.

Незадолго до Октябрьской революции буржуазно-монархическая газета «Новое Время» писала: «Допустим на минуту, что большевики победят. Кто будет управлять нами тогда? Может быть повара, эти знатоки котлет и бифштексов? Или пожарные? Конюхи, кочегары? Или, может быть, няньки побегут на заседание Государственного Совета в промежутке между стиркой пеленок? Кто же? Кто эти государственные деятели? Может быть слесари будут заботиться о театрах, водопроводчики — о дипломатии, столяры — о почте и телеграфе? ... Будет ли это? Нет! Возможно ли это? На такой сумасшедший вопрос большевикам властно ответит история». ⁴

История не замедлила с ответом. Уже первые месяцы Советской власти доказали, что народ способен с успехом, лучше и умнее, чем это делали помещики и капиталисты, управлять государством, руководить народным хозяйством и создавать новую культуру.

После Октябрьской революции в своих выступлениях и обращениях к народу Ленин призывал трудящихся взять управление государством в свои руки, сплотиться вокруг Советов, укреплять их, проявлять инициативу и самостоятельность. «Социализм, — разъяснял Ленин, — не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс.» ⁵ В. И. Ленин призывал во что бы то ни стало разбить дикий и гнусный предрассудок, будто управлять государством могут только так называемые «высшие классы», только богатые или их прислужники. Он подчеркивал, что организаторская работа полезна и рядовому рабочему и крестьянину, обладающему грамотностью, знанием людей, практическим опытом. Вселяя в массы веру в свои способности, Владимир Ильич говорил: «На первых шагах могут встретиться трудности, может сказаться недостаточная подготовленность. Но нужно практически учиться управлять страной, учиться тому, что составляло раньше монополию буржуазии». ⁶

После победы Великой Октябрьской социалистической революции вопрос о руководящих кадрах партии и государства приобрел особенно важное значение, поскольку партия стала правя-

⁴ Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. четвертое, М., 1970, стр. 465.

⁵ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 35, стр. 57.

⁶ Там же, стр. 114.

щей. Ее кадры стали руководящим ядром, организующим и направляющим всю государственную и хозяйственную жизнь страны.

При капитализме подбор кадров — зачастую сугубо частное дело.

В социалистическом обществе выдвижение и расстановка кадров в интересах общества — дело большой государственной важности и решается в первую очередь Коммунистической партией, которая руководит всеми государственными, хозяйственными и общественными организациями. Политика партии претворяется в жизнь трудящимися массами в результате их творческой деятельности под руководством организаторов, возглавляющих тот или иной участок, как уполномоченные партии и государства. Поэтому подбор и расстановка этих руководителей в условиях социалистического строительства является неотъемлемой составной частью государственной политики, так как «теперь «хозяином» является рабоче-крестьянское государство, и оно должно поставить широко, планомерно, систематично и открыто дело подбора наилучших работников по хозяйственному строительству, администраторов и организаторов специального и общего, местного и общегосударственного масштаба».⁷

От кадровой политики Коммунистической партии в значительной мере зависят успехи социалистического строительства всегда. Но особенно важно правильно решать задачи подбора кадров в начальный период социалистического строительства, когда остро ощущается нехватка способных руководителей нового типа. Поэтому В. И. Ленин, выступая в 1922 году на XI съезде партии говорил, что гвоздь положения — в людях, в подборе людей.⁸ Это было сказано в условиях, когда на первый план выдвигались задачи руководства экономикой.

На различных этапах развития советского социалистического государства те или иные задачи приобретали первостепенное значение.

В работе «Как нам реорганизовать Рабкрин» В. И. Ленин в 1923 г. писал: «Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны? Мы сосредотачивали лучшие наши партийные силы в Красной Армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры».⁹ Таким образом, В. И. Ленин не только учил сосредоточить основные силы на решающем в данной ситуации направлении борьбы, но и находить все новые и новые кадры в рядах рабочего класса.

⁷ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 43, стр. 280.

⁸ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 45, стр. 113.

⁹ Там же, стр. 383.

После победы Советской республики над объединенными силами иностранных интервентов и внутренней контрреволюции на первый план все больше выдвигались экономические задачи, имевшие решающее значение для построения фундамента социализма, а также для укрепления обороноспособности страны Советов. Разрабатывая план социалистического строительства в нашей стране, В. И. Ленин еще в 1918 году подчеркивал, что после установления диктатуры пролетариата все большее значение приобретает развитие производства, а это в свою очередь обуславливает необходимость квалифицированного руководства экономическим строительством. В работе «Очередные задачи Советской власти» он писал: «Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом».¹⁰

В первые годы Советской власти, когда еще было очень мало высококвалифицированных специалистов из рабочих и крестьян, привлечение старых специалистов было совершенно необходимо для успешного развития экономики и культуры. В связи с этим В. И. Ленин писал: «Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах».¹¹

Однако старых специалистов, которые могли быть привлечены к активному участию в социалистическом строительстве, было сравнительно мало. Огромные масштабы экономического и культурного строительства при переходе к социализму требовали многочисленных высокообразованных руководителей, беспредельно преданных Коммунистической партии. Задача заключалась в том, чтобы вырастить такие кадры из рабочих и крестьян в самые сжатые сроки. В. И. Ленин выразил уверенность в том, что рабочий класс, глубоко осознавая свою руководящую роль в социалистическом обществе, справится с этой задачей, что рабочие проявят рвение, тягу к получению образования, что они «ни на минуту не забудут, что им нужна сила знания».¹² В 1919 г. Ленин писал, что «руководить работой строительства социализма могут и должны во все большем числе рядовые рабочие и крестьяне — труженики».¹³ Он указывал, что «наш долг теперь уметь найти эти таланты и приставить их к работе».¹⁴ При этом Владимир Ильич неоднократно подчеркивал значение максималь-

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 36 стр. 178.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 38, стр. 55.

¹² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 35, стр. 198.

¹³ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 39, стр. 226.

¹⁴ Там же, стр. 235.

ного привлечения передовых рабочих к управлению социалистическим обществом для укрепления диктатуры пролетариата. Вместе с тем он указывал, что выдвижение рабочих и крестьян на руководящие посты является одним из важных средств использования преимуществ социализма в интересах трудящихся, в интересах экономического и культурного расцвета общества. Ведь среди трудящихся очень много талантливых людей, способности которых не могли быть развиты и применены в условиях капитализма. В социалистическом обществе раскрываются все способности людей труда, в том числе организаторские. В работе «Как организовать соревнование?» В. И. Ленин писал, что «организационных талантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, браться самостоятельно за строительство социалистического общества».¹⁵ Анализируя опыт первых лет социалистического строительства, В. И. Ленин пришел к выводу, что «из массы рабочих, крестьян, интеллигентов выдвигается немало способных и честных беспартийных людей, которых надо ставить на более крупные посты по хозяйственному строительству...».¹⁶ По мере все более широкого развертывания социалистического строительства нужны были новые и новые хозяйственные работники, способные возглавить ответственные участки, а также советские руководители, умелые воспитатели и организаторы масс. Владимир Ильич учил максимально использовать все имеющиеся резервы для выдвижения новых руководителей, соответствующих своему назначению. Одним из неисчерпаемых резервов были трудящиеся женщины, которым социализм обеспечил возможность занять любой руководящий пост. Еще в 1919 году Ленин подчеркнул важное политическое и практическое значение выдвижения женщин на руководящую работу. В статье «Великий почин» В. И. Ленин писал: «Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, организаторских талантов, людей, обладающих умением наладить практическое дело».¹⁷

Анализ ряда высказываний Ленина о качествах, которыми должны обладать руководящие кадры, показывает, что Владимир Ильич придавал большое значение, в частности, организаторским способностям руководителей, их деловым качествам. В органическом сочетании с необходимыми политическими качествами они обеспечивали соответствие тем требованиям, которые Коммунистическая партия предъявляла руководителям. Партия всегда рассматривала политические и деловые качества работников не изолировано друг от друга, а в их диалектическом

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 35, стр. 198.

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 43, стр. 280.

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 39, стр. 24.

единстве. В этом отношении характерна оценка В. И. Ленина политических и деловых качеств М. И. Калинина при обсуждении его кандидатуры на пост Председателя ВЦИК в марте 1919 года. В. И. Ленин говорил: «Это товарищ, за которым около двадцати лет партийной работы; сам он крестьянин Тверской губернии, имеющий тесную связь с крестьянским хозяйством и постоянно обновляющий и освежающий эту связь. Петроградские рабочие сумели убедиться, что он обладает умением подходить к широким слоям. ... В настоящий момент все это особенно важно».¹⁸ В этой речи Владимира Ильича указаны те качества, которые очень важны для советского руководителя. Во-первых, это зрелость политика, приобретенная зачастую именно на партийной работе, в течение многих лет. Во-вторых, это глубокое понимание жизни и труда рабочих и крестьян, которое обуславливается и социальным происхождением, и пройденным трудовым путем, и постоянной тесной связью с трудящимися. В-третьих, это чрезвычайно важное умение найти правильный подход к широким массам, в том числе дифференцированный подход к различным социальным группам.

Говоря о деловых качествах работников советского государственного и хозяйственного аппарата, В. И. Ленин уделял большое внимание умению руководить по-деловому, расчетливо спланировав большой коллектив для решения общей задачи. При этом следует учесть, что управление определенным объектом требует специфических качеств, что не может быть «руководителя вообще», работника пригодного для любого поста. Ленин учил, что расставлять работников надо таким образом, чтобы каждый из них чувствовал себя на месте, чтобы порученный участок работы соответствовал способностям и знаниям выдвинутого на ответственный пост. В то же время Владимир Ильич указывал на необходимость не только изучать конкретные возможности людей, до их выдвижения на руководящую работу, но и проверять их на этой работе, чтобы в дальнейшем лучшим поручать все более ответственные обязанности. В работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин писал, что надо «как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации. Только таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая их от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления».¹⁹ Харак-

¹⁸ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 38, стр. 224.

¹⁹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 36, стр. 193—194.

терно, что В. И. Ленин в данном случае говорит о том, как важно, чтобы в руководящих кадрах сочетались необходимые политические качества (преданность социализму) и деловые качества (практическая сметка и др.). И в дальнейшем Ленин неоднократно уделяет внимание сочетанию политических и деловых качеств. Так, например, в 1921 году, интересуясь одним работником, В. И. Ленин просил сообщить, насколько он подходит «... а) с точки зрения добросовестности, б) с политической позиции, в) знания дела, г) администраторских способностей...».²⁰ Из этого документа видно, что Владимир Ильич, при оценке пригодности работника учитывал, с одной стороны, его желание честно работать, его политические взгляды, от которых в большой мере зависит преданность делу. А с другой стороны, — степень квалификации в своей отрасли и способности руководить. Исходя из этого В. И. Ленин считал, что для успешного решения задач социалистического строительства надо, чтобы на решающих участках «стояли люди не только, несомненно, преданные, но люди действительно образованные и с громадными способностями... талантливые люди».²¹

Рассматривая Ленинские указания о выдвижении и расстановке кадров, следует отметить также, что Владимир Ильич считал необходимым, чтобы среди руководителей рабочего класса были и умудренные опытом, закаленные в борьбе революционеры и молодые, способные кадры, полные энергии и легко воспринимające то новое, которое становится неизбежным в новой обстановке. Еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин резко критиковал нежелание некоторых руководителей выдвигать молодых работников. Таким руководителям он рекомендовал «...лучше уйти на покой, очистить место молодым силам, у которых энергия возместит с лихвой обычную и заученную рутину».²² Владимир Ильич подчеркивал в данном случае не только энергию молодых, но и их восприимчивость к новому, неприязнь к консерватизму, рутине. Отмечая стремление молодежи самоотверженно бороться за новое, более прогрессивное, В. И. Ленин писал: «Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь».²³

Возлагая большие надежды на молодежь, всегда охотно выдвигая молодых на ответственные посты, Владимир Ильич в то же время особенно высоко ценил старых, опытных работников,

²⁰ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 53, стр. 97.

²¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 45, стр. 105.

²² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 9, стр. 306.

²³ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 14, стр. 163.

которые доказали свою преданность интересам рабочего класса многолетней самоотверженной деятельностью и отличались той революционной стойкостью и непримиримостью к классовым врагам, которая свойственна старой большевистской гвардии. Ленин считал, что партия должна держать курс на сочетание старых, опытных кадров и молодых работников, обязательно соблюдать преемственность руководства. В. И. Ленин писал, «что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей». ²⁴ Преемственность необходима и в советском государственном и хозяйственном аппарате. Старые руководители, передавая свои знания и опыт молодым, учат их умению управлять, учат их ленинской принципиальности, непримиримости к врагам, всему тому, что молодые кадры могут обрести лишь в результате многолетней практической деятельности и при помощи старших товарищей по партии.

Среди других вопросов, связанных с выдвижением и расстановкой руководящих кадров, В. И. Ленин уделял большое внимание выращиванию национальных кадров. В своей работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации»», написанной в декабре 1922 г., В. И. Ленин подчеркивал, что по отношению к ранее угнетенным национальным меньшинствам нужна «сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость... потому, что ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость...». ²⁵ Ленин отметил, что нам нужно не только формальное равенство наций, а необходимо обеспечить максимум доверия Коммунистической партии со стороны трудящихся национальных меньшинств. А для этого нужно было создать все более благоприятные условия для поступательного развития всех наций страны Советов, в т. ч. — обеспечить подготовку национальных кадров, которые могли бы активно участвовать в управлении социалистическим обществом.

Выращивание национальных кадров имело важное значение и потому, что местным товарищам было легче изучать специфику конкретной ситуации, настроения и стремления людей, среди которых они работали, которыми они руководили. Ленин в первые годы Советской власти уделял большое внимание тому, чтобы политика партии в национальных республиках соответствовала местным условиям.

Обращаясь в апреле 1921 года к коммунистам Закавказских республик, В. И. Ленин писал, что важнее всего, «чтобы коммунисты Закавказья поняли своеобразие их положения, положения их республики в отличие от положения и условий РСФСР,

²⁴ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 6, стр. 124.

²⁵ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 45, стр. 360.

тельно относятся к мнению и настроениям трудящихся масс, что общими усилиями они находят наиболее правильное решение того или иного вопроса, дают правильное направление в работе.

Исключительно велика роль критики в воспитании кадров. Многие тысячи воспитанных партией талантливых, преданных делу коммунизма руководителей, самоотверженно трудятся, отдавая свои силы, знания и опыт на благо народа. Партия и народ им многое доверили, но и многое с них спрашивают, контролируют их, руководствуясь ленинским принципом — проверять людей и проверять фактическое исполнение дела, не скрывать ошибок руководителей, критиковать их неправильные действия и тем самым помогать им.

Жизнь показывает, что если руководитель всё время твердит об успехах, то он перестает замечать недостатки, перестает искать, застывает на одном месте, считает, что достигнутое и есть верх возможного. Партийные организации обязаны поправлять таких руководителей, используя для этого прежде всего оружие критики.

Ленинское положение о критике как методе воспитания кадров получило свое отражение и закрепление в Уставе КПСС. Устав обязывает коммуниста развивать критику и самокритику, смело вскрывать недостатки, выступать против любых действий, наносящих ущерб партии и государству, и сообщать о них в партийные органы вплоть до ЦК КПСС.

Возрастающие масштабы и сложность задач коммунистического строительства предъявляют более высокие требования к подбору, выдвижению и воспитанию кадров. Партия требует, чтобы на руководящие посты выдвигались работники, преданные идеям коммунизма, хорошо знающие свое дело, постоянно связанные с массами, умеющие организовать их на выполнение стоящих задач.

Высокий теоретический уровень — важнейшее средство против идейного оскудения, превращения работников в узколобых деляг, невидящих перспектив. Глубокие теоретические знания в сочетании с практической деятельностью — могучая сила. КПСС требует от партийных организаций постоянно улучшать марксистско-ленинское образование кадров, их идейную закалку. Высокие требования предъявляются к идейно-политической подготовке руководящих кадров, призванных стоять на уровне задач современного этапа коммунистического строительства.

поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий». ²⁶ При этом Владимир Ильич подчеркивал, что политику, осуществленную в прошлом, нельзя механически, буквально перенимать, а надо «самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917—1921 годов». ²⁷

Деятельность кадров по научному руководству обществом немислимо без обобщения опыта масс — подлинных творцов истории.

Партия призвана не только учить массы, но и учиться у них. Опыт народных масс, накапливающийся в процессе их трудовой и политической деятельности, — драгоценнейшее достояние. Без учета этого опыта, без опоры на него немислимо правильное руководство. Творчество масс Ленин считал решающим фактором общественного развития. Поэтому он призывал руководителей всегда быть в гуще масс, знать их нужды и запросы, их чаяния и устремления, памятуя, что без самого прочного союза с широчайшими массами народа коммунисты не смогли бы сделать и шага вперед в деле революционного преобразования общества.

В. И. Ленин придавал исключительное значение развращению критики и самокритики как испытанному методу выявления и исправления ошибок и недостатков, правильного воспитания кадров, членов партии и всех трудящихся. Он добивался, чтобы вся деятельность партии была проникнута духом смелой, принципиальной критики и самокритики недостатков в работе, ошибок и неправильных действий её деятелей. «Отношение политической партии к её ошибкам, — писал В. И. Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», — есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею и в деле её обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть её причины, проанализировать обстановку, её породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение класса, а затем и массы». ²⁸

Эти основополагающие указания В. И. Ленина о критике и самокритике остаются по сей день живыми и актуальными.

Без критики и самокритики не может быть и настоящей коллективности в руководстве. Весь смысл коллективности в том и состоит, что руководители выборного органа, обмениваясь мнениями, предостерегают друг друга от ошибок, что они внима-

²⁶ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 43, стр. 198.

²⁷ Там же, стр. 200.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 40—41.

KAADRI KASVATAMISE, VALIKU JA PAIGUTAMISE LENINLIKUD PRINTSIIBID

O. Roždestvenski

Resümee

Artiklis käsitletakse kaadri valiku, ettevalmistamise ja paigutamise põhilisi leninlikke printsiipe nii majanduse kui ka poliitika valdkonnas.

V. I. Lenin püstitas nõukogude juhtiva kaadri suhtes kõrged nõuded. Ta rõhutas vajadust silmas pidada kaadriga tehtava töö järjekestuse printsiipi. V. I. Lenin tõstis esile teistesse rahvustesse kuuluva kohapealse kaadri väljakujundamise inimestest, kellel on juhtimistöö kogemusi.

Artiklis rõhutatakse leninlikku nõuet naiste edutamisest juhtivale tööle. Samuti käsitletakse kriitika ja enesekriitika küsimust kaadri ettevalmistamisel, valikul ja paigutamisel.

Artikkel toetub V. I. Lenini pärandile, kommunistliku partei otsustele ja dokumentidele.

LENIN'S PRINCIPLES OF TRAINING SPECIALISTS, SELECTING AND PLACING OF PERSONNEL

O. Rozhdestvensky

Summary

The article deals with Lenin's principles of training, selecting and placing executive personnel on the basis of political and business qualifications.

Lenin made high demands of executive personnel members. He stressed the necessity of enlisting work old persons as well as young ones, possessing the sense of novelty. He put forward the idea of training indigenous (aboriginal) personnel and enlisting people of other nationalities, having an experience of executive work.

The article touches upon Lenin's demand for promoting women to leading posts, and on the problems of criticism and selfcriticism.

Lenin's works, the Communist Party resolutions and present-day party documents on the problem are widely used in the article.

О МАРКСИСТСКИХ КРУЖКАХ В ТАРТУ В 1890-Е ГОДЫ *

С. ИСАКОВ

Первый марксистский кружок в Тарту, как мы помним, был создан в 1888 г. польским студентом М. Лесником. Видимо, летом 1892 г. он прекратил свое существование. Но уже в конце 1892 г. в Тарту возникает новое марксистское объединение — кружок К. К. Чекеруль-Куша и И. А. Давыдова.¹

К этому времени и К. К. Чекеруль-Куш и И. А. Давыдов были уже известны как активные участники первых марксистских кружков в Москве.² Студент Московского университета Константин Константинович Чекеруль-Куш в 1890—1891 гг. входил в кружок Г. М. Круковского и Г. Н. Мандельштама, в котором выделилось марксистское крыло и члены которого занимались изучением трудов К. Маркса и русской экономики. В конце 1891 г. кружок, правда, распался, но уже в начале следующего, 1892, года был создан новый, чисто марксистский, в который вошли А. Н. Винокуров, Г. Н. Мандельштам, Н. Н. Шагерников, К. К. Чекеруль-Куш и его супруга А. Н. Чекеруль-Куш (урожд. Барабаш).³ Члены кружка поселились вместе, «коммунной», на

* Публикуемая работа является продолжением нашей статьи «О первом марксистском кружке в Тарту» (Ученые записки ТГУ, вып. 261, 1970, стр. 3—27).

¹ Х. Моосберг считает этот кружок продолжением предыдущего и датирует начало его деятельности 1893 г. (см. H. Moosberg. Marksistlikud ringid Tartu Ülikoolis ja Veterinaaria Instituudis XIX saj. 80.—90. aastatel. — TRÜ Toimetised, v. 114, 1961, lk. 219—220). Это неверно. Кстати, Х. Моосберг упорно именует основателя кружка Черекуль-Кушем (эта ошибка проникла даже в «Историю Эстонской ССР», т. II, Таллин, 1966, стр. 216).

² См. об этом. На заре рабочего движения в Москве. Воспоминания участников Московского рабочего союза (1893—95 гг.) и документы, М., 1932, стр. 31—41, 52, 132—137, 148—149, 155 и др.; С. И. Мицкевич, Революционная Москва. 1888—1905, М., 1940, стр. 131—138.

³ По некоторым сведениям, К. К. Чекеруль-Куш и его супруга участвовали и в деятельности Екатеринославского землячества, в котором также весьма рано выделилась левая революционная группа («На заре рабочего движения в Москве», стр. 31).

Плюшине, и их общая квартира стала местом средоточия московских марксистов. К ним вскоре примкнули С. И. Мицкевич и М. Н. Мандельштам (позднейшая партийная кличка М. Лядов).

И. А. Давыдов был связан с другой группой московских марксистов. Сын отставного солдата Иосиф Александрович (Мордухович) Давыдов в 1889 г. поступил на медицинский факультет Московского университета и почти сразу примкнул к нелегальному рязанскому землячеству, одному из самых передовых в Москве. Землячество, правда, придерживалось народнических взглядов, но вскоре в его среде появились первые марксисты А. И. Рязанов и другие. В 1890 г. Давыдов становится сторонником марксизма. Он принял активное участие в студенческих волнениях в марте 1890 г., за что был уволен из университета. Впрочем, осенью того же года Давыдова приняли обратно. Первое исключение не охладило его пыла, он продолжал работать в нелегальных студенческих кружках. В 1891 г. И. Давыдову в числе 11 студентов за крайне «вредное» влияние на товарищей московским генерал-губернатором было воспрещено жительство в Москве и по распоряжению министра народного просвещения он был исключен из Московского университета с правом поступления в другие высшие учебные заведения страны.⁴ Впрочем, попытка И. Давыдова стать студентом Харьковского университета закончилась неудачей, и лишь в начале 1892 г. он смог поступить в Тартуский университет. Несмотря на то, что ему было запрещено жительство в Москве, Давыдов очень часто выезжал туда из Тарту и подолгу жила там, принимая самое деятельное участие в подпольной работе московских марксистов. При его непосредственном участии в начале 1892 г. из рязанского землячества выделяется марксистский кружок, в который вошли А. И. Рязанов, В. А. Жданов, Д. П. Калафати и др.

Между кружками А. Н. Винокурова и А. И. Рязанова существовали тесные связи, они работали рука об руку, хотя между ними были и некоторые отличия: второй кружок носил более теоретический характер и работал прежде всего в среде интеллигенции, в то время как первый стремился к практической деятельности среди рабочих. Эти кружки, начиная с 1892 г., развернули большую работу. Члены их занялись переводом на русский язык марксистской литературы и за несколько лет перевели большое число книг и брошюр, в том числе «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, работы К. Каутского, В. Либкнехта, А. Бебеля, П. Лафарга, брошюры из популярной немецкой серии «Рабочая библиотека» и т. д. Члены кружков повели пропаганду марксистских идей как в среде интеллигенции, где им пришлось вести энергичную борьбу со сторонниками народничества, так и в среде

⁴ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1891 г., ед. хр. 674, лл. 1—2.

рабочих. К. К. Чекеруль-Куш, его супруга⁵ и И. Давыдов принимали самое активное участие во всех этих мероприятиях московских марксистских кружков.

Осенью 1892 г. К. Чекеруль-Куш вынужден был покинуть Московский университет и вслед за И. Давыдовым отправился в Тарту, где сначала стал вольнослушателем университета, а с января 1893 г. студентом юридического факультета.

Знакомые еще по Москве К. К. Чекеруль-Куш и И. А. Давыдов решили продолжить в Тарту работу по пропаганде марксизма и в конце 1892 г. с этой целью создали небольшой марксистский кружок, в который входили А. Н. Чекеруль-Куш, студенты Ветеринарного института Н. Г. Байздренко и А. Е. Скворцов, студент университета Н. И. Адамович и слушательница акушерских курсов Е. Н. Адамович. Заседания кружка посещал также студент университета Е. В. Деген. С членами кружка были связаны Д. В. Исаев, М. П. Косач, И. Я. Федоров и, видимо, А. Д. Богоявленский.⁶

Благодаря тому, что кружок был раскрыт жандармами и по делу о нем велось следствие, в нашем распоряжении имеется довольно много данных о его деятельности.⁷ Кстати, после обнаружения в 1885 г. тайной народовольческой типографии это едва ли не единственный случай в конце XIX в., когда жандармам удалось раскрыть в Тарту нелегальное революционное объединение: деятельность народнического кружка конца 1880-х гг., имевшего свой типографский станок, также как и марксистского кружка, организованного М. Лесником, и более поздних социал-демократических объединений осталась жандармам неизвестной. Да и в данном случае тартуские жандармы смогли напасть на след марксистского кружка лишь благодаря указаниям своих московских «коллег». Дело в том, что московская охранка внимательно следила за деятельностью И. А. Давыдова и К. К. Чеке-

⁵ Анна Николаевна Барабаш (Чекеруль-Куш) стояла «во главе образовавшейся в среде слушательниц различных женских курсов в Москве «Центральной женской кассы» (ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1897 г., ед. хр. 395, л. 3—3 об.).

⁶ В жандармском следствии по делу о кружке А. Д. Богоявленский, правда, не упоминается, но в нашем распоряжении имеется ряд косвенных данных, заставляющих предполагать, что он был связан с кружком К. К. Чекеруль-Куша и И. А. Давыдова. Из данных полицейского наблюдения известно, что Давыдов был дружен с Богоявленским, некоторое время даже проживал с ним вместе на квартире. А. Н. Чекеруль-Куш показала на следствии, что в Тарту через Давыдова она познакомилась со студентами Федоровым, Богоявленским, Дегеном и Скворцовым (ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1891 г., ед. хр. 958, лл. 2, 41—46, 66; ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. 1, ед. хр. 973, л. 235 об.).

⁷ Все приводимые ниже сведения о кружке (за исключением отмеченных особо) позанимствованы нами из официального жандармского доклада по делу об участниках кружка (ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1897 г., ед. хр. 395). Чтобы не загромождать работу большим количеством сносок, мы не приводим ниже во всех случаях ссылок на этот архивный документ.

руль-Куша, перлюстрировала их переписку и без труда установила, что они продолжают и в Тарту поддерживать связи с московскими марксистами, как раз в конце 1892 — начале 1893 г. приступивших к социал-демократической пропаганде среди рабочих.

Вследствие этого 19 февраля 1893 г. на квартире Чекеруль-Кушей в Тарту, где происходили заседания кружка, был произведен обыск. Нужно отметить, что руководители кружка чувствовали жандармскую слежку и ожидали обыска, поэтому они около 30 наиболее «опасных» заграничных изданий, в том числе сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, Ф. Лассалья, Г. Девиля и других, перенесли в корзине на квартиру Адамовичей. В день обыска корзина была с помощью студента И. Я. Федорова перенесена отсюда на квартиру Д. В. Исаева, а затем М. П. Косача, в это время в Тарту отсутствовавшего. Тем не менее, полиция у Чекеруль-Кушей захватила достаточно богатую «добычу» в виде запрещенных революционных изданий на русском, польском и немецком языках. Здесь были найдены работы К. Маркса и Ф. Энгельса, в частности «Коммунистический манифест» (на польском языке) и «Развитие социализма от утопии к науке»,⁸ труды немецких популяризаторов марксизма, «Социализм и политическая борьба» Г. В. Плеханова и некоторые другие издания группы «Освобождения труда», а также группы Б. Кричевского. Особенно поражает обилие захваченной у Чекеруль-Кушей при обыске польской социал-демократической литературы, как варшавской (легальной и нелегальной, литографированной), так и, главным образом, эмигрантской, в том числе комплекты журналов «Walka Klas», «Przedświt» и «Pobudka». Вскоре после обыска супруги Чекеруль-Куши были арестованы и началось следствие по делу о кружке.

10 апреля 1893 г. жандармы произвели обыск у И. Давыдова, 22 мая — у Н. и Е. Адамовичей, наконец, 16 декабря — вновь у Чекеруль-Кушей, освобожденных в апреле из-под ареста, у Давыдова и Адамовичей, а также у Е. Дегена, Н. Байздренко и А. Скворцова, причем двое последних и Давыдов были заключены под стражу. При этих новых обысках у членов кружка опять была найдена марксистская литература и, главное, рукописи переводов ее на русский язык. Так, у И. Давыдова 10 апреля 1893 г. жандармы нашли перевод на русский язык нескольких

⁸ В жандармском «деле» названия книг и рукописей, отобранных у членов кружка при обыске, часто даются неточно или сокращенно, что очень затрудняет их определение. Среди отобранных у Чекеруль-Кушей изданий числятся брошюра Энгельса «Социализм» и литографированная брошюра «Научный социализм». Вероятно, под одним из этих названий скрывается очень популярная у первых русских марксистов работа Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», выходившая под разными заголовками.

глав работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а 16 декабря — сочинения К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (оригинал и перевод) и «Эрфуртской программы» К. Каутского (оригинал ее был найден 22 мая у Адамовичей), причем рукопись перевода последней заканчивалась словами А. Бебеля: «Задача сводится к тому, чтобы получить в свои руки политическую власть и добиться таким путем экономической организации». У Давыдова 16 декабря 1893 г. был обнаружен и ряд других немецких изданий, в том числе 4 номера теоретического органа германской социал-демократической партии журнала «Neue Zeit». У Е. Дегена в Тарту был найден конспект одной работы Ф. Энгельса, «темою ее служит будущий политический переворот, виновником которого явится пролетариат, имеющий завладеть государственной властью, средствами и орудиями производства»⁹ (по-видимому, речь опять же идет о работе «Развитие социализма от утопии к науке»). Поскольку Е. Деген отправился на каникулы в Киев, то 10 января 1894 г. у него и там был произведен обыск, причем жандармы нашли обширный каталог для чтения, включавший работы Н. Г. Чернышевского, Н. Н. Зиберы, Ф. Лассалья, «Капитал» К. Маркса и другие труды.

На следствии жандармам в значительной мере удалось выявить круг занятий членов кружка и его историю.

Как выяснилось, члены кружка с конца 1892 г. столовались у Чекеруль-Кушей и проживавшего вместе с ними И. Давыдова. По вечерам они собирались на квартире Чекеруль-Кушей, читали и обсуждали марксистскую литературу и занимались ее переводом на русский язык. Евгения Адамович позже вспоминала: «Только в 1892 году в Дерпте я встретила группу первых марксистов <...> Они познакомили меня с учением Маркса, дав прочесть первый том «Капитала». Тут у меня открылись глаза. Помню то радостное состояние прозелита, нашедшего твердый путь, тот подъем и окрыление, которые переживали многие. Мы горячо взялись за дело: собирались, читали и спорили. Едва одолев первый том «Капитала», я принялась за первые страницы «Эрфуртской программы».¹⁰

Н. И. Адамович показал на следствии, что главным занятием членов кружка был перевод на русский язык сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля и известного популяризатора марксизма, французского социалиста Г. Девиля. Причем в кружке были распределены обязанности: «Анна Николаевна Куш, хорошо владеющая русским языком, держала корректуру; Константин Куш переводил сочинения Бебеля и Девиля, Иосиф Давыдов

⁹ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1897 г., ед. хр. 395, л. 7.

¹⁰ Е. Адамович. Старые встречи. — «Коммунист» (Харьков), 14. III 1923, № 56, стр. 8.

«18 брюмера» Маркса, Скворцов и Байздренко переводили с польского языка. Евгения Адамович, не знавшая иностранных языков, участвовала в корректировании и однажды написала под диктовку Скворцова перевод статьи из какого-то польского журнала».¹¹

После того как в конце февраля 1893 г. Чекеруль-Куши были арестованы, деятельность кружка на некоторое время замерла. Но как только они были выпущены в апреле из-под ареста, работа в кружке возобновилась, тем более, что членам его удалось сохранить наиболее ценные издания, спрятанные в корзине на квартире Адамовичей и затем Исаева и Косача.

«Цель образования этого кружка, — говорилось в жандармском докладе, — достаточно выясняется результатами произведенных у обвиняемых обысков и состояла, как следует заключить по данным дознания, в подготовке переводов на русский язык иностранных запрещенных в России изданий — для революционной пропаганды, преимущественно среди рабочих, так как большинство найденных у обвиняемых изданий имеет своим предметом изучение рабочего вопроса, значения пролетариата в будущем экономико-политическом перевороте, установление международного праздника рабочих на 1 мая и т. п.»¹² Эта характеристика кружка в общем верна с той лишь оговоркой, что членам и этого марксистского объединения все же не удалось установить каких-либо контактов с местным пролетариатом и их деятельность также носила более теоретический характер.

Члены кружка наладили весьма широкие связи с революционными группами и организациями других городов Российской империи, а также с заграницей. Жандармы напали на след некоторых из этих связей, но раскрыть их до конца так и не сумели.

Естественно, особо тесные связи у кружка были с московскими марксистами. Как мы уже отмечали, И. Давыдов часто наезжал из Тарту в Москву и жил там подолгу, останавливаясь у своей сестры, в это время жены руководителя одного из московских марксистских кружков А. И. Рязанова. И. Давыдов сохранил все свои старые связи в среде московских марксистов, продолжал принимать самое активное участие в их деятельности, выступал на студенческих вечеринках и собраниях, участвовал в дискуссиях с народниками и был, по словам А. Винокурова, «серьезным возбудителем марксистской мысли» в Москве.¹³ В. Чернов в своих воспоминаниях даже считает И. Давыдова «теоретическим главой московского марксизма».¹⁴ О революцион-

¹¹ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1897 г., ед. хр. 395, л. 8 об.

¹² Там же, лл. 9 об. — 10.

¹³ Сб. «На заре рабочего движения в Москве», стр. 39.

¹⁴ В. Чернов, Записки социалиста-революционера. Кн. I, Берлин — П. — М., 1922, стр. 158.

ной деятельности тартуского студента в Москве знала и местная охранка, весьма тщательно следившая за каждым его шагом и характеризовавшая московскую квартиру Давыдова как «школу экономического материализма».¹⁵ В донесении начальника Московского охранного отделения в январе 1894 г. отмечалось, что во время пребывания в Москве Давыдов вращался только среди политически «неблагонадежных» лиц.¹⁶

В этот же свой приезд в Москву, если верить данным московской охранки, И. А. Давыдов 9 января принял участие в бурной дискуссии в квартире Е. Н. Залесской с известным теоретиком народничества В. В. (В. П. Воронцовым). Она примечательна тем, что среди ее участников был и В. И. Ленин, выступивший в защиту Давыдова после того, как В. В. принудил последнего своей аргументацией замолчать.¹⁷

И. А. Давыдов вообще играл роль связного между московскими и тартускими марксистами.¹⁸ Благодаря ему и Чекеруль-Кушу между Москвой и Тарту происходил обмен нелегальной литературой. Известно, что тартуский кружок получал кое-какую литературу из столицы, в то же время тартуские марксисты посылали в Москву польские социал-демократические издания. При обыске у Чекеруль-Кушей в Тарту жандармы обнаружили письма к ним из Москвы от Александра и Пелагеи Винокуровых, в одном из которых была фраза «польские книги получены». Относительно ее Чекеруль-Куши и Винокуровы дали противоречивые показания, но жандармы выяснили, что как раз в это время Давыдов ездил в Москву, где встречался с Винокуровым и, вероятно, передал ему пакет с революционными польскими изданиями.¹⁹

Остается открытым вопрос, откуда тартуские марксисты получали польские издания. Вполне возможно, что им удалось установить контакт с польскими марксистами — «кухарками», членами предыдущего марксистского кружка (напомним, что И. А. Давыдов, Н. И. Адамович и А. Е. Скворцов прибыли в Тарту еще тогда, когда этот кружок функционировал, а Е. В. Де-

¹⁵ Л. Меньшиков. Охрана и революция, ч. I, М., 1925, стр. 245.

¹⁶ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1891 г., ед. хр. 958, л. 26.

¹⁷ Там же, л. 26—26 об. Ср. А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче. — Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I, М., 1968, стр. 41—42; С. И. Мицкевич. В. И. Ленин и первая московская марксистская организация 1893—1895 годов. — Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2, М., 1969, стр. 57—58. Сам И. А. Давыдов в своих написанных через много лет после описанных событий воспоминаниях отрицал этот факт (см. сб. «На заре рабочего движения в Москве», стр. 151—152), но, по всей вероятности, это нужно отнести за счет провалов в памяти мемуариста.

¹⁸ Крупный деятель Московского рабочего союза С. И. Мицкевич прямо пишет, что союз поддерживал связь с дерптской группой марксистов через И. А. Давыдова (сб. «На заре рабочего движения в Москве», стр. 28).

¹⁹ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1897 г., ед. хр. 395, лл. 4 об. — 5 об.

ген и М. П. Косач были даже хорошо знакомы с Б. А. Кистяковским). Между прочим, жандармы подозревали связь кружка К. К. Чекеруль-Куша и И. А. Давыдова с кругом лиц, причастных к этому «сообществу». Они пытались через полицию выяснить, не были ли Чекеруль-Куши знакомы со С. Стемповским, С. Чекановским или другими «известными лицами польского направления» и владеют ли они польским языком. Но тартуская полиция не располагала никакими сведениями на этот счет.²⁰ В нашем распоряжении также, к сожалению, нет данных, подтверждающих непосредственную связь кружка К. К. Чекеруль-Куша и И. А. Давыдова с кружком, основанным М. Лесником, хотя личное знакомство некоторых членов этих объединений друг с другом и отдельные контакты между ними сомнению не подлежат и известная преемственность в их деятельности была.

Впрочем, как можно предполагать, у кружка Чекеруль-Куша-Давыдова имелись и иные линии связи с Польшей, в частности с Варшавой. 8 июня 1893 г. московский обер-полицеймейстер доносил в Департамент полиции: «Винокуровы поддерживают сношения как с местным, так и Варшавским польским кружками, получая от них запрещенные издания для чтения среди рабочих, при чем проживающий в г. Юрьеве студент университета, апостол социал-демократии в Рязанском землячестве Иосиф Мордухов Давыдов является посредником в сношениях Москвы с окраиной».²¹ Известно также, что с Давыдовым был связан студент Варшавского университета Шумов, приезжавший в Москву и привлеченный к жандармскому дознанию о хранении и распространении в Варшаве «социально-революционных изданий».²² Наконец, из воспоминаний Е. Адамович известно, что она по поручению К. К. Чекеруль-Куша, кстати, данному во время обыска у него, тайно ездила в Варшаву, чтобы предупредить мать Чекеруль-Куша о его аресте.²³ Это явно было сделано для того, чтобы мать успела спрятать или уничтожить все компрометирующие материалы на случай обыска, и подтверждает связи тартуского кружка с Варшавой.

И. А. Давыдов также очень часто выезжал на свою родину, Рязань, где он поддерживал самые тесные сношения с местными «неблагонадежными» лицами и с рабочими, преимущественно Раменской мануфактуры. Известно и о связях Давыдова с петербургскими революционными кругами. В жандармских документах отмечается, что он в Тарту получал корреспонденцию из Москвы, Петербурга и Варшавы.²⁴

²⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. I, ед. хр. 984, лл. 449—450 об.

²¹ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1893 г., ед. хр. 1149, л. 15—15 об.

²² ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1891 г., ед. хр. 958, л. 1 об.

²³ «Коммунист» (Харьков), 14. III 1923, № 56, стр. 8.

²⁴ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1891 г., ед. хр. 958, лл. 1 об.—2 об., 16.

Очень важные связи с заграницей установились у кружка благодаря Н. Г. Байздренко. Николай Георгиевич Байздренко, будучи студентом Харьковского ветеринарного института, в 1890 г. ездил за границу, во Львов, где наладил связи с местными радикальными деятелями и русскими эмигрантами, в частности с П. Б. Аксельродом. По возвращению в Харьков он организовал здесь нелегальный революционный кружок. В 1892 г. Н. Байздренко перевелся в Тартуский ветеринарный институт, поселился вместе с Чекеруль-Кушами и вошел в состав марксистского кружка. В середине января 1893 г. ему был разрешен месячный отпуск за границу с целью лечения. Н. Байздренко сначала остановился во Львове, а затем отправился в Вену. Здесь он вел переговоры с И. Я. Франко об издании с его помощью за границей общественно-политического и научного журнала, которому не угрожала бы царская цензура. В этих переговорах Н. Байздренко выступал как представитель молодого поколения украинских литераторов и общественных деятелей, и, насколько можно предполагать на основе переписки И. Я. Франко с М. П. Драгомановым, он действительно имел для этого известные основания, будучи как бы связным между Харьковом, Киевом и Тарту, с одной стороны, и Западной Украиной, Австро-Венгрией, с другой.²⁵ Можно не сомневаться, что, как обычно, важной темой этих переговоров был и вопрос о транспортировке запрещенных социал-демократических изданий из-за границы в Россию. Это, в известной мере, подтвердил и обыск у Байздренко. У него на квартире были найдены листы бумаги из-под бандеролей, которыми на почте обвертывают книги, с австрийскими почтовыми марками и штемпелем «Lemberg» (Львов). Байздренко вернулся из-за границы лишь 2 марта 1893 г.²⁶ В августе 1893 г., тотчас после возвращения с каникул из Харьковской губернии, Байздренко был арестован и привлечен к жандармскому следствию по обвинению в водворении из-за границы революционной литературы для кружка украинской молодежи в Харькове.²⁷ Видимо, основанием для ареста послужил отправленный в Харьков при участии Н. Г. Байздренко женой И. Франко, Ольгой Франко, транспорт с литературой группы «Освобождения труда», включавший работы Г. В. Плеханова «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», «Русский рабочий в революционном движении» и прочие издания группы. Часть этой литературы была распространена в Саратове, Орле, Херсоне и других городах России, возможно, и в Тарту. Кстати, в том же 1893 г. с помощью Ольги Франко из Львова в Варшаву на имя тамошнего марксистского кружка был отправлен другой транс-

²⁵ Иван Франко. Твори, т. XX, Київ, 1956, стр. 477, 479, 485, 710.

²⁶ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1897 г., ед.хр. 395, лл. 6, 7—7 об., 10.

²⁷ Там же, л. 11 об.—12. ЦГИА ЭССР, ф. 404, оп. I, ед.хр. 982, лл. 15—16, 20—21.

порт с литературой группы «Освобождения труда».²⁸ В конце сентября 1893 г. Н. Г. Байздренко был освобожден из-под стражи под залог и, возвратившись в Тарту, опять активно включился в деятельность местного марксистского кружка.

Связи с Украиной кружок мог поддерживать и через Евгению Николаевну и Николая Исидоровича Адамовичей.

Николай Исидорович Адамович еще на гимназической скамье организовал нелегальный кружок учащихся, который вел пропаганду среди рабочих г. Златополя. Став студентом Киевского университета, Н. И. Адамович вошел в Киев в нелегальный студенческий кружок А. Горба и А. Флерова. Он вел работу среди киевских ремесленников, руководил кружками портных и деревообделочников, в 1889 г. был арестован по делу Э. Абрамовича и А. Горба, выслан из Киева и подчинен надзору полиции. Проработав некоторое время учителем в деревне, Н. И. Адамович в 1891 г. поступил в Тартуский университет. В это время он уже был марксистом, в 1892 г. вошел в кружок К. К. Чекеруль-Куша, с которым у него, однако, были некоторые разногласия по мировоззренческим вопросам. По некоторым сведениям, именно Н. И. Адамовичу принадлежал перевод нескольких глав «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, найденных при обыске у И. А. Давыдова. По окончании в 1894 г. университета, Н. И. Адамович переехал в Петербург, где вскоре был арестован за участие в деятельности группы марксистов-технологов.²⁹

Двоюродная сестра Н. И. Адамовича Евгения Николаевна Адамович в 1888—1889 гг., учась в Кременчугской гимназии, входила в нелегальный кружок, в работе которого участвовали высланные студенты (в том числе А. Горб) и рабочие. При арестах в Киеве в 1889 г. жандармы обратили внимание на ее переписку и генерал Новицкий даже назвал ее девицей, «приправленной социал-демократизмом». С марксизмом Е. Н. Адамович познакомилась в Тарту. Позже она принимала деятель-

²⁸ Г. Жушков. Группа «Освобождения труда», М., 1962, стр. 108—109. Между прочим, в Тарту получали издававшийся И. Франко во Львове журнал «Життя і слово». Неполный комплект этого журнала за 1895—1897 гг. до сих пор сохраняется в Научной библиотеке Тартуского университета. Это представляет интерес хотя бы потому, что в 1896 г. в этом журнале была опубликована статья Г. В. Плеханова «Рабочее и революционное движение в России». В ней, в частности, рассказывалось о деятельности созданного и руководимого В. И. Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В статье излагалось содержание брошюры В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» и приводились кое-какие данные о великом вожде.

²⁹ Об Н. И. Адамовиче см.: Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь, т. 5, вып. 1, М., 1931, стлб. 29; ЦГАОР, ф. ДП. 4-е делопр., 1889 г., ед.хр. 97, л. 53, ф. ДП. 3-е делопр., 1897 г., ед.хр. 395, л. 5 об.; ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед.хр. 65 и 66 (личное дело).

ное участие в социал-демократическом движении в Харькове, Москве, Екатеринославе, Калуге, Петербурге, неоднократно подвергалась арестам, была в ссылке, а в октябрьские дни 1917 г. работала в Смольном.

В жандармских делах сохранились и, правда, очень смутные и нуждающиеся в дополнительной проверке данные о связях тартуских марксистов в 1892—1893 гг. с рижским марксистским кружком.³⁰

Наконец, через А. Е. Скворцова кружок мог установить кое-какие контакты с Таганрогом, Ростовом и, может быть, Казанью.³¹ Кстати, Лифляндское губернское жандармское управление имело сведения, что А. Е. Скворцов, «бывая в гор. Таганроге, вращался исключительно в среде лиц, неблагонадежных в политическом отношении».³²

Обыски и аресты, следовавшие один за другим на протяжении чуть ли не всего 1893 г., конечно, очень затруднили деятельность кружка, но, видимо, все же не прекратили ее полностью, заставив лишь членов группы быть максимально осторожными. О последующей деятельности кружка мы знаем мало. Некоторые участники его заседаний отошли от кружка и уехали из Тарту (как, например, Е. Деген, который в своих написанных через несколько лет воспоминаниях уже больше сочувствует народникам). Другие выпущенные до окончания следствия из-под стражи члены объединения все же продолжали что-то делать. Из данных полицейского надзора за И. А. Давыдовым за 1894—1895 гг. известно, что он продолжал поддерживать дружеские отношения и встречаться с Чекеруль-Кушами, Байздренко, Богоявленским, по-прежнему часто бывал в Москве, где опять же вращался в среде марксистов.³³

И. А. Давыдов не приостановил в Тарту пропаганды марксизма. Летом 1894 г. он написал нелегальную брошюру «Отношение социал-демократов к русской действительности», которая затем была размножена друзьями автора на пишущей машинке. В нее И. А. Давыдов включил ряд данных из известной ему в рукописи работы В. И. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни (По поводу книги В. Е. Постникова — «Южно-русское крестьянское хозяйство»).»

Эта статья В. И. Ленина, как известно, была написана весной 1893 г. В. И. Ленин послал ее в журнал «Русская мысль», но либерально-народническая редакция отклонила работу. Из редакции ленинскую рукопись забрал по просьбе автора

³⁰ ЦГАОР, ф. ДП. 7-е делопр., 1893 г., ед.хр. 220, т. 2, лл. 8 об.—9.

³¹ См. об этом в нашей цит. выше статье «О первом марксистском кружке в Тарту», стр. 18—19.

³² ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1897 г., ед. хр. 395, лл. 5 об.—6.

³³ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1891 г., ед. хр. 958, лл. 42—46, 67—90.

С. И. Мицкевич, видный деятель московской социал-демократической организации. У него рукопись была отобрабана жандармами при обыске 3 декабря 1894 г. и обнаружена лишь в 1923 г. в архиве Московской судебной палаты.³⁴ И. А. Давыдов, бывая в Москве, поддерживал тесные контакты с С. И. Мицкевичем и благодаря этому обстоятельству смог познакомиться с рукописью статьи В. И. Ленина. Напомним, что в 1894 г. И. А. Давыдов неоднократно и на весьма длительное время останавливался в Москве. Кстати, брошюра И. А. Давыдова — первый известный нам случай использования ленинских работ в Тарту.

Осенью 1894 г. работа И. А. Давыдова была прочитана в виде доклада на собрании студенческого общества «Конкордия». Как вспоминает И. А. Давыдов, столовая «Конкордии» была битком набита студентами университета и Ветеринарного института. Из соображений конспирации (Давыдов находился под следствием и строгим полицейским надзором) доклад читал не автор, а студент Ветеринарного института В. Н. Малянтович, активный участник следующего по счету марксистского кружка в Тарту. На следующий вечер состоялись прения, где главным оппонентом Давыдова и марксистов выступил народник В. А. Вартамянц.³⁵

И. А. Давыдов и К. К. Чекеруль-Куш вообще играли важную роль на «субботних чтениях» и собраниях в обществе «Конкордия» и своими выступлениями там помогли политическому воспитанию следующего «поколения» тартуских марксистов.³⁶

И. А. Давыдов использовал для пропаганды марксизма даже свои учебные занятия. В основу курсового сочинения «К вопросу о норме прибыли», представленного в конце 1894 г., он положил учение К. Маркса о прибавочной стоимости. В работе много ссылок на «Капитал» К. Маркса.³⁷ Фактически этим учебным сочинением И. А. Давыдов принял участие в полемике вокруг основных проблем марксизма в России в тот период. На следствии он показал, что написал эту работу еще летом 1893 г. и хотел напечатать ее в «Экономическом журнале», но за преобразованием его статья осталась неопубликованной. Тогда И. А. Давыдов по предложению тартуского профессора Н. А. Карышева послал ее «Русскому богатству», но орган народников, естественно, отказался ее печатать.³⁸

³⁴ С. И. Мицкевич, В. И. Ленин и первая московская марксистская организация 1893—1895 годов. — Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2, М., 1969, стр. 59—60; В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, М., 1958, стр. 568.

³⁵ И. А. Давыдов. Из воспоминаний о далеком прошлом. — «Красная летопись», 1926, № 6 (21), стр. 23—25.

³⁶ В. М., Дерптская группа марксистов 1894—1896 гг. и В. Шанцер. — «Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 598.

³⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед.хр. 8270, лл. 13—28.

³⁸ ЦГАОР, ф. ДП. 7-е делопр., 1894 г., ед.хр. 314, т. 1, л. 143.

В июне 1895 г. И. А. Давыдов вновь был арестован и привлечен к следствию по делу московских социал-демократов (Московского рабочего союза). При обыске у него нашли тетради с выписками из работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и с изложением основ политической экономии по Смиту, Рикардо, Миллю, Зиберу и Марксу, а также две тетради с переводом труда К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бунапарта», причем И. А. Давыдов на допросе отметил, что остальные части перевода, отобранные у него при обыске в Тарту, должны храниться в Лифляндском губернском жандармском управлении.³⁹ Это показывает, что Давыдов да, вероятно, и другие члены тартуского марксистского кружка и после обысков 1893 г. продолжали заниматься изучением работ основоположников марксизма и переводом их на русский язык.

Все эти разрозненные факты дают известное основание предполагать, что деятельность кружка К. К. Чекеруль-Куша и И. А. Давыдова или, по крайней мере, его наиболее активных членов не прекратилась в 1893 г., а продолжалась и далее.

Следствие по делу о кружке длилось долго, и приговор по нему был утвержден императором лишь 12 июля 1895 г. Поскольку в процессе следствия жандармам не удалось собрать данных, которые подтверждали бы участие обвиняемых в революционной агитации, то им инкриминировалось только хранение запрещенной литературы и «приготовление к пропаганде». Согласно приговору Н. Байздренко был подвергнут тюремному заключению на 6 месяцев, а Константин и Анна Чекеруль-Куши на 4 месяца с последующим подчинением их гласному надзору полиции на два года вне столиц и университетских городов. Более суровый приговор Байздренко объяснялся тем, что ему была вменена в вину и революционная деятельность в Харькове. И. Давыдов получил три года гласного надзора с запретом жительства в столицах и университетских городах. Дело Николая и Евгения Адамовичей, а также А. Скворцова было прекращено в связи с манифестом 14 ноября 1894 г., а дело Е. Дегена — за недостаточностью улик. Срок гласного надзора Н. Байздренко впоследствии был сокращен на один год, а приведение в исполнение приговора И. Давыдову было отложено в связи с привлечением его к новому «дознанию».⁴⁰ По делу о московских социал-демократах он был выслан на 3 года под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию; этим приговором были разрешены оба дознания — и тартуское, и московское.

Кстати, по делу о московских социал-демократах привлекался и еще один тартуский студент — Яков Львович Гинцбург

³⁹ Там же, лл. 142—143.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1897 г., ед. хр. 395, лл. 11—12, 15—16, 22—22 об.

(Гинзбург), видный член и в 1894 г. председатель Общества русских студентов. Правда, следствием не было «добыто достаточных оснований к обвинению его в государственном преступлении» и он после почти двухмесячного заключения был выпущен из-под стражи с подчинением «особому надзору полиции». Я. Л. Гинцбург и ранее неоднократно находился под следствием, у него производились обыски и он числился под надзором полиции, но за участие в позднем народническом движении — за связь с В. Черновым, партий «Народного права» и ее смоленской типографией.⁴¹ Привлечение его к делу Московского рабочего союза было ошибкой, вызванной тем, что Я. Гинцбург был довольно близок с Давыдовым и также часто ездил в Москву.

В 1899 г. И. А. Давыдов ходатайствовал, чтобы ему после отбытия срока ссылки разрешили держать выпускные экзамены при Тартуском университете, но министр народного просвещения отказал ему в этом.⁴² И. А. Давыдов и в дальнейшем принимал активное участие в революционном движении.

В непосредственной связи с кружком И. А. Давыдова и К. К. Чекеруль-Куша стоит следующий, уже третий по счету известный нам марксистский кружок в Тарту, основанный в конце 1894 г. и возглавлявшийся позже В. Л. Шанцером. Члены этого кружка сами признавали роль И. А. Давыдова и К. К. Чекеруль-Куша в становлении своего марксистского мировоззрения, хотя и отмечали, что последние стояли несколько в стороне от них.⁴³ Но в любом случае симптоматично, что в последний год пребывания в Тарту И. А. Давыдов был дружен с членами нового кружка В. Н. Малянтовичем и З. Г. Френкелем⁴⁴ и завел знакомство с В. Л. Шанцером, с которым он через несколько лет, в 1901 г., вновь встретился в Москве и вместе с ним продолжал участие в революционной борьбе.⁴⁵

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению деятельности нового марксистского кружка, нам надо хотя бы вкратце остановиться на дискуссиях марксистов и народников в Тарту в начале 1890-х гг., в которых приняли активное участие члены первых марксистских кружков и которые привели лучшую и значительную часть тартуского студенчества на позиции нового учения.

Как нам неоднократно приходилось отмечать, до начала 1890-х гг. в среде передового тартуского студенчества преобладали сторонники народничества, марксистов было мало и это

⁴¹ ЦГАОР, ф. ДП. 7-е делопр., 1894 г., ед. хр. 314, т. I, лл. 37—37 об., 40—42, 108; т. III, лл. 11 об. — 12, 17, 22 об.

⁴² ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1900 г., ед. хр. 169, ч. I, лл. 23, 30—30 об.

⁴³ «Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 598.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1890 г., ед. хр. 1037, лл. 60, 62; 1891 г., ед. хр. 958, лл. 41, 42.

⁴⁵ ЦГАОР, ф. ДП. Особый отдел, 1901 г., ед. хр. 399, лл. 42, 69—72.

были, в основном, поляки. Правда, поляки-«кухари», как показывает хотя бы пример С. Стемповского, не изолировали себя от студенческой массы, общались с русскими и еврейскими студентами и принимали участие в деятельности «Конкордии» и Общества русских студентов, где группировалась демократическая тартуская учащаяся молодежь. Поляки — члены марксистского кружка, основанного М. Лесником, и Б. А. Кистяковский были первыми, кто развернули пропаганду марксизма в среде прогрессивного тартуского студенчества. Затем их усилия поддержали члены кружка И. А. Давыдова и К. К. Чекеруль-Куша, а также молодые прозелиты нового учения вроде Н. В. Водовозова, Л. Я. Александрова⁴⁶ и других.

Решающую роль в переходе большей части передового тартуского студенчества на позиции социал-демократии сыграли ожесточенные споры и дискуссии марксистов и народников в Тарту в 1891—1893 гг., очень ярко, хотя и не вполне объективно описанные Е. Дегеном в его воспоминаниях. Предметом этих дискуссий, в первую очередь, стал вопрос о судьбах капитализма в России, об экономическом развитии страны, путях перехода к социализму, об отношении к общине. «Молодые русские студенты сначала не имели определенных взглядов по данной категории вопросов, но явно симпатизировали деревне и вообще всем страждущим и угнетенным, — вспоминает Е. Деген. — Однако за очень короткое время, в какие-нибудь два-три года настроение русского студенчества радикально изменилось. «Семидесятники» (т. е. сторонники народничества — С. И.), конечно, остались верными себе, но молодежь от них отхлынула. Решив самостоятельно разобраться в столь запутанном споре, она принялась изучать Маркса и примыкающую к нему немецкую литературу. Это изучение стало настоящей эпидемией».⁴⁷

Вскоре в Тарту появились страстные почитатели «Капитала» К. Маркса, которые могли цитировать наизусть целые отрывки из него и со всем жаром души вступали в полемику с народниками. Е. Деген вспоминает обычный ход этих споров. Один из сторон-

⁴⁶ Леонид Яковлевич Александров, студент Московского университета, был в конце 1880-х гг. членом нелегального нижегородского земляческого кружка и принимал участие в студенческих волнениях в Москве. За участие в «беспорядках» 7 марта 1890 г. он был исключен из Московского университета. В конце того же года Л. Я. Александрову удалось поступить в Тартуский университет. В Тарту за ним немедленно был установлен полицейский надзор (ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. 99, 1891 г., ед.хр. 1, лл. 40 об. — 41). В Тарту же в начале 1890-х гг. он стал марксистом (С. И. Мицкевич, Революционная Москва, стр. 47). После окончания в 1894 г. университета Александров работал во владимирском земстве, принимал участие в деятельности социал-демократического «Северного рабочего союза», в 1902 г. был арестован и сослан на 3 года в Архангельскую губернию. Умер во время I Мировой войны.

⁴⁷ Е. Деген. Воспоминания дерптского студента (Из недавнего прошлого). — «Мир божий», 1902, март, стр. 95.

ников народнических идей неизменно носил с собой истрепанный экземпляр «Судеб капитализма в России» В. В. и любил читать из него отдельные пассажи. Это незамедлительно вызывало отпор, вновь и вновь «развивалась схема диалектического материализма, никогда не обходилось без упоминания письма Маркса к Н. К. Михайловскому, воздух наполнялся словами: «денежное хозяйство», «обезземеление», «форма производства», «экономическое понимание истории» и пр. и пр. Схватка прекращалась обыкновенно, как настоящее сражение, — «с наступлением темноты» <...> с тем, чтобы при первой встрече сцепиться снова».⁴⁸

Оппонентами марксистов в этих спорах выступали Н. Ф. Омиров (один из руководителей народнического кружка в Тарту в конце 80-х гг.), старые народовольцы Р. В. Эрнст и С. К. Шарый, С. И. Крашенинников, братья Владимир и Виктор Черновы,⁴⁹ позже В. А. Вартамянц⁵⁰ и Ф. И. Гурвич.⁵¹ В числе защитников

⁴⁸ Там же, стр. 96.

⁴⁹ Владимир Михайлович Чернов в 1890—1891 гг. учился в Тартуском ветеринарном институте, а в 1891—1892 гг. — на юридическом факультете Тартуского университета, после чего перешел в Московский университет. Будущий вождь эсеров Виктор Михайлович Чернов (1876—1952) в 1891—1892 гг. учился в Тартуской гимназии, где он организовал нелегальный кружок учащихся, который представляет известный интерес в виду того, что в нем участвовали и эстонцы и пропагандировалось развитие эстонской национальности (В. Чернов, цит. соч., стр. 55). Братья Черновы принимали участие в деятельности Общества русских студентов.

⁵⁰ Василий Аракелович Вартамянц в 1888—1892 гг. учился в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве и был одним из самых активных участников московского студенческого движения. Он входил в несколько нелегальных студенческих кружков, в том числе в 1891—1892 гг. в центральный «Русско-кавказский кружок», который сделал попытку объединить все местные революционные силы и наладил широкие связи с другими организациями. Кружок этот находился на народнических позициях, хотя отдельные его члены интересовались марксизмом и вели пропагандистскую работу среди рабочих. В 1893—1896 гг. Вартамянц учился в Тартуском ветеринарном институте. В Тарту за ним было установлено строгое негласное наблюдение полиции, что не помешало ему активно включиться в общественную деятельность и поддерживать связи с московскими революционными кругами. Позже В. А. Вартамянц принимал участие в социал-демократическом движении на Кавказе (ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1892 г., ед.хр. 1161, лл. 1—43; Л. Меньшиков, цит. соч., стр. 151—154).

⁵¹ Федор Ильич Гурвич (Дан; 1871—1947) учился на медицинском факультете Тартуского университета в 1889—1895 гг. Оппонентом марксистов его называет В. Маянтович («Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 599). По-видимому, это относится к первым годам его пребывания в Тарту. в конце тартуского периода жизни Ф. И. Гурвич уже не был противником нового учения — по крайней мере, во всех справочниках он числится участником социал-демократического движения с 1894 г. По окончании университета Ф. И. Гурвич отправился в Петербург, где вошел в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в августе 1896 г. был арестован и выслан на 3 года в Вятскую губернию. Позже — один из лидеров меньшевизма, ярый враг Советской власти.

марксизма на этих дискуссиях, кроме уже упомянутых выше членов марксистских кружков, С. Стемповский вспоминает еще Ф. Андерса, А. Дунаевского, С. Поляка, Рабиновича и В. Тварьяновича.⁵² Ведущими ораторами в лагере марксистов были вначале Б. А. Кистяковский и Б. Кулаковский, а позже И. А. Давыдов и К. К. Черкуль-Куш.

Иногда полемика принимала литературную форму. С. И. Крашенинников сочинил полубеллетристический памфлет на марксистов, где был выведен современный Панглос, который доказывал, что за человека работает диалектика истории и что все к лучшему в этом лучшем из миров: и обезземеление крестьян, и кулачество, и голод, ибо все это ведет к развитию капитализма, а следовательно, и к разрушению его. В памфлете, между прочим, Панглос хотел дать сыну «научно-эволюционное воспитание», проведя его через каменный, бронзовый и железный век, через «охотничий», «пастушеский» и т. п. быт, так как только пройдя все стадии «истинного», «имманентного» диалектически-правильного развития может получиться современный «культурный» человек.

Б. Кулаковский не без остроумия ответил С. Крашенинникову «Мыслями русского Панглоса», где он подобрал из сочинений высоко ценимого народниками А. И. Герцена места, в которых разочарованный в общественном и политическом строе Западной Европы писатель в каждом ухудшении жизни с радостью усматривает близость конца и критикует субъективистов. По замыслу Б. Кулаковского, сторонники народничества должны были выступить против положений его работы и, таким образом, получилось бы, что «своя своих не познаша», но оппоненты догадались о подвохе.⁵³

Распространению идей марксизма в Тарту способствовало и наличие большого числа социал-демократической литературы,

⁵² S. Stempowski. Pamiętniki (1870—1914), Wrocław, 1953, стр. 123. Эти сведения относятся к 1890—1892 гг. Фридрих Андерс в 1888—1894 гг. учился на медицинском факультете Тартуского университета; видимо, из прибалтийских немцев. Александр (Хон) Дунаевский, еврей из Курска, в 1889—1894 гг. учился на том же факультете. Викентий Тварьянович, сын крестьянина из Литвы, в 1885—1890 гг. обучался в Тартуском ветеринарном институте. Между прочим, вместо традиционного обязательного сочинения по литературе он написал социологический реферат «Личность женщины в русской литературе как продукт общественного строя России» (ЦГИА ЭССР, ф. 404, оп. I, ед.хр. 3485, лл. 24—25 об.). Уточнить личность Рабиновича не представляется возможным, ибо в рассматриваемое время в университете училось много студентов с этой фамилией. Можно предполагать, что этот же Рабинович был в одно время контролером кухмистерской «Конкордии» (ф. 404, оп. I, ед. хр. 4017, л. 31 об.).

⁵³ S. Stempowski, цит. соч., стр. 122—123; Е. Деген, цит. соч., стр. 96; В. Чернов, цит. соч., стр. 60—61.

при этом не только русской, но еще в большей мере немецкой и польской. Как вспоминают современники такого богатого выбора марксистских изданий не было почти нигде в России. Эта литература проникала в Тарту разными путями. Кое-какие немецкие издания тартуанцы могли нелегально покупать и на месте. В 1897 г. при производстве одного дознания власти установили, что «юрьевские студенты и в прежнее, и в настоящее время имеют широкую возможность приобретать в местных книжных магазинах запрещенные немецкие издания за несколько возвышенную плату». ⁵⁴ Однако полицейское следствие по этому делу не дало ощутимых результатов.

Дискуссии между марксистами и народниками происходили как на частных квартирах студентов и представителей передовой тартуской интеллигенции, так и на собраниях существовавших уже в ту пору среди студентов и учащихся кружков (чаще всего организационно неоформленных) и, в особенности, легальных студенческих организаций — Общества русских студентов, «Конкордии», «Социетас», Научно-литературного общества латышских студентов. Особенно важное значение имели дискуссии в просторном помещении столовой общества «Конкордия», которое уже с 1880-х гг. стало основным местом сборищ радикального тартуского студенчества. Здесь же, между прочим, спорадически, по мере необходимости, функционировало так называемое «общестуденческое собрание», которое выполняло роль студенческого суда чести.

Постепенно происходит своеобразная дифференциация тартуских студенческих организаций, каждая из которых приобретает определенную общественно-политическую окраску. Общество русских студентов еще с 1880-х гг. было основным оплотом народничества в Тарту и легальным прикрытием нелегального народнического кружка. В 1890-е гг. оно становится приютом той части радикальной молодежи, которой были близки идеи позднего народничества, склонявшегося к либерализму. ⁵⁵ Правда, в обществе до 1895 г. принимали участие и марксисты, которые пытались использовать его заседания для пропаганды марксистских идей. Среди членов общества мы видим Б. А. Кистяковского (1891—1892 гг.), Н. В. Водовозова (1891—1892 гг.), З. Г. Френкеля (1892—1893 гг.), Н. И. Адамовича (1892—1893 гг.), А. Крогнуса (1893—1894 гг.), К. И. Левицкого (1893—1894 гг.), Л. Я. Александрова (1894 г.), М. А. Дьякова (1894 г.), Е. А. Панова (1894 г.), а среди гостей и некоторых других тартуских марксистов. ⁵⁶ Но они не играли руководящей роли в об-

⁵⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. I, ед.хр. 989, л. 163—163 об.

⁵⁵ «Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 598.

⁵⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед.хр. 190, лл. 33—51 об.

ществе. Во втором семестре 1894 г. почти все марксисты выбыли из организации.⁵⁷

Зато показательно, что почетным членом общества был избран Н. А. Карышев (1855—1905), в 1891—1893 гг. профессор политической экономии и статистики Тартуского университета, один из идеологов либерального народничества, который в своих многочисленных работах по экономике и статистике отстаивал общинное землевладение, промысловые артели и «хозяйственного мужика».

З. Г. Френкель вспоминает, что в начале 1890-х гг. заправилами в Обществе русских студентов были Р. В. Эрнст и С. К. Шарый, которые высмеивали тех, кто серьезно и упорно изучал К. Маркса и Ф. Энгельса. Эрнст даже воспрепятствовал попыткам марксистов прочитать в обществе доклады про начавшиеся в эти годы перехода от народничества к марксизму споры на философские и социально-экономические темы. З. Г. Френкелю пришлось перенести два или три доклада об «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса, о «Коммунистическом манифесте» и Парижской коммуне из Общества русских студентов в «Конкордию», где они вызвали большой интерес у молодого студенчества.⁵⁸ Зато маститые народники, сгруппировавшиеся в обществе, благожелательно прослушали доклад Виктора Чернова, в ту пору еще зеленого юнца, гимназиста, о философских основах субъективизма, где он в идеалистическом духе излагал проблему свободы и необходимости, вопрос о роли личности в истории.⁵⁹

Заправила Общества русских студентов отрицательно относились и к радикально-социалистическому движению на Западной Украине, которое возглавляли И. Франко и М. Павлик. В связи с этим З. Г. Френкель и даже Е. В. Деген, которому, видимо, не чужды были некоторые народнические идеи, в 1893 г. вышли из общества.⁶⁰

Но в плане нашей работы важно, что и Общество русских студентов стало в 1891—1894 гг. ареной ожесточенной борьбы марксистов и народников. Деятельность общества на протяжении 1890-х гг. неоднократно привлекала к себе самое пристальное внимание жандармов.⁶¹

⁵⁷ В архивных документах имеется указание, что в этом семестре из числа членов общества выбыли М. Дьяков, А. Крогиус, Е. Панов и К. Левицкий (ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед.хр. 190, л. 51 об.). Не связано ли это с тем, что как раз в конце в 1894 г. был основан новый марксистский кружок, в который вошли все перечисленные выше лица?

⁵⁸ Захар Френкель. З спогадів про роки студентського життя в Дерпті (1890—1895). — Леся Українка. Публікації. Статті. Дослідження III, Київ, 1960, стр. 353.

⁵⁹ В. Чернов, цит. соч., стр. 61.

⁶⁰ З. Френкель, цит. соч., стр. 353.

⁶¹ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1893 г., ед. хр. 417, лл. 1—17 об.; ЦГИА ЭССР, ф. 325. оп. I, ед. хр. 984, лл. 251—252, 475—476, 480, ед. хр. 990, л. 264.

Общество «Социэтас», если верить В. Н. Малянтовичу, стало в 1890-е гг. цитаделью левых народников, многие из которых позже стали эсерами.⁶² Оплотом же марксистов были «Конкордия», где группировалось, в основном, русское, частично и еврейское студенчество, и Научно-литературное общество латышских студентов (так называемая Пипкалония).⁶³ Много способствовали распространению идей марксизма в Тарту «субботние вечера» в обществе «Конкордия», на которых устраивались дискуссии, зачитывались рефераты на злободневные темы и часто выступали марксисты с изложением основ нового учения. В середине 1890-х гг. во главе общества стоял один из видных деятелей нового марксистского кружка В. Н. Малянтович.⁶⁴

Общество «Конкордия» в 1890-е гг. вообще было очагом всевозможных антиправительственных акций. Так, 19 ноября 1894 г. на торжественном заседании в актовом зале Ветеринарного института при чтении «высочайшей» телеграммы на имя министра народного просвещения раздались свист и шиканье. «Главными виновниками этого прискорбного происшествия, — писал попечитель Рижского учебного округа Н. Лавровский директору института, — считают членов общества «Конкордия», известного своим, по отзыву жандармского начальства, неблагонадежным направлением, ибо помещение этого общества является местом всевозможных сходов, благодаря существующим там студенческой кухмистерской и библиотеке, не состоящим под чьим-либо контролем».⁶⁵

3 декабря 1894 г. в обществе «Конкордия» имело место очень важное собрание представителей тартуского студенчества, на котором обсуждался вопрос о подаче петиции императору с просьбой об изменении университетского устава. На этом собрании следует остановиться особо, поскольку, на наш взгляд, оно неверно освещено в цитированной выше статье Х. Моосберг.

Смерть Александра III в октябре 1894 г. вызвала в определенных кругах интеллигенции и студенчества надежды на нового царя и реформы. В связи с этим среди петербургского и московского студенчества возникает мысль о подаче Николаю II петиции от имени всех студентов Российской империи с просьбой вернуться к более либеральному университетскому уставу 1863 г. В Петербурге и Москве происходят нелегальные собрания студентов, на которых обсуждается проект петиции. При этом во круг вопроса о петиции разгорается весьма ожесточенная борьба. Академисты предлагают подать петицию с исключительно

⁶² «Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 598.

⁶³ См. очень характерную тематику докладов в Пипкалонии: Sergejs Isakovs, Alfons Vilsons, «Pipkalonijas» arhīvs. — «Karogs», 1968, nr. 6, стр. 151—160.

⁶⁴ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1890 г., ед.хр. 1037, лл. 20—20 об., 66; ЦГИА ЭССР, ф. 404, оп. I, ед.хр. 4011, л. 67.

⁶⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 404, оп. I, ед.хр. 4011, л. 74.

академическими требованиями. Более радикально настроенные студенты предлагают включить в нее также политические требования — свободы слова, конституции и т. д. Наиболее же революционные группы студенчества вообще отрицательно относятся к самой идее подачи петиции, считая наивной иллюзией надежды на царя и требуя политической борьбы с самодержавием. В ноябре 1894 г. был выработан текст петиции, включавший лишь академические требования: университетского самоуправления, признания студенческих организаций, доступа в университеты реалистов, допущение женщин в высшие учебные заведения, отмены национальных ограничений и т. д. Руководитель московских студенческих кружков и организаций — Союзный совет развернул большую работу по сбору подписей под петицией: в другие города были отправлены представители совета, а также разосланы письма с призывом присоединиться к петиции.⁶⁶

В середине ноября 1894 г. в Тарту также приезжает представитель московского студенчества, личность которого жандармам и полиции установить не удалось. Его попытка найти поддержку у корпорантов успехом не увенчалась,⁶⁷ но в определенных кругах русских студентов он встретил большее сочувствие. Одновременно все основные тартуские студенческие организации получили из Москвы литографированный текст петиции с призывом подписаться под ним. Видимо, и в Тарту вопрос о петиции стал объектом горячих споров.

3 декабря 1894 г. в помещении «Конкордии» решено было устроить собрание представителей местного студенчества для обсуждения вопроса о петиции. На собрании присутствовало примерно 40 студентов университета и Ветеринарного института, председательствовали В. А. Вартанянц и В. Н. Малянтович. В архивных документах приводятся противоречивые данные об этой сходке. Согласно одной версии, на ней было избрано 6 человек для собирания подписей под петицией и решено было одного из этих лиц отправить в Москву с собранными подписями для подготовки подачи прошения царю. Однако присутствовавшие на собрании корпоранты и студенты-поляки отказались принимать участие в сборе подписей.⁶⁸ Согласно другой версии, участники сходки после длительных прений большинством голосов постановили отвергнуть петицию и текст воззвания московских студентов уничтожить.⁶⁹ Х. Моосберг, приводя лишь последнюю вер-

⁶⁶ П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века, М., 1958, стр. 211—213.

⁶⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. 99, 1894 г., ед.хр. 31, л. 1—1 об.

⁶⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 404, оп. I, ед.хр. 4011, л. 75—75 об.

⁶⁹ Там же, лл. 77—79 об. ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. 99, 1894 г., ед.хр. 31, лл. 2—3.

сию, объясняет решение сходки тем, что тартуские марксисты, руководившие «Конкордией», в это время стояли далеко от студенческого движения и не считали необходимым принимать участие в конкретных акциях молодежи.⁷⁰ Думается, что такое объяснение несколько упрощает суть дела. По-видимому, наиболее революционная часть тартуских студентов, действительно, отвергла петицию, однако не в силу принципа невмешательства в студенческие дела, а по той же причине, по какой против идеи подачи петиции выступили московские социал-демократы: петиция — это не более как проявление либеральных иллюзий, нужны не прошения, а политическая борьба.

Более умеренные слои тартуского студенчества, связанные с поздним народничеством, наоборот, идеи петиции не отвергли. В распоряжении Лифляндского губернского жандармского управления были сведения, что, например, В. Вартанянц принимал деятельное участие в собирании подписей под петицией.⁷¹ Известно также, что во второй половине декабря 1894 г. Я. Л. Гинзбург ездил в Петербург и Москву по делам, связанным с петицией.⁷² По-видимому, он выступал там как представитель тартуского студенчества.

Дискуссии между народниками и марксистами, о которых мы говорили выше, собственно, не прекратились после 1893 г. Они были достаточно оживленными и в середине 1890-х гг. «В помещении общестуденческой столовой, — вспоминает один из очевидцев, — происходили бесконечные споры марксистов и народников. Многие студенты до крайности увлекались марксизмом или народничеством и кроме Маркса, Туган-Барановского, Н.-она, П. Струве, Бельтова и т. п. ничем другим не интересовались. У них настольными книгами были: «Критические замечания к вопросу об экономическом развитии России» П. Струве, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Бельтова, «Капитал» Маркса и т. п.»⁷³ Но к середине 1890-х гг. сложилась уже иная обстановка: большая часть передового тартуского студенчества стала марксистской, марксисты стали заметной силой в тартуской студенческой жизни и оказывали в той или иной форме влияние на ее ход. Правда, нельзя не отметить, что это увлечение марксизмом нередко носило более внешний характер.

⁷⁰ Н. Моосберг, цит. соч., стр. 221. Х. Моосберг, вероятно, основывается на словах В. Маянтовича, что тартуские марксисты до приезда В. Шанцера не принимали участия в общей студенческой жизни и стояли в стороне даже при обсуждении таких вопросов, как поддержка студенческих забастовок в других городах («Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 599).

⁷¹ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1892 г., ед.хр. 1161, л. 3 об.

⁷² Л. Меньшиков, цит. соч., стр. 238; ЦГАОР, ф. ДП. 7-е делопр., 1894 г., ед.хр. 314, т. I, л. 42.

⁷³ П. Красовский. Юрьев и Юрьевский университет. Очерки, заметки и воспоминания юрьевского студента. Рига, 1904, стр. 358—359.

Многим тартуским его сторонникам ближе был легальный, нежели революционный марксизм, что впоследствии дало себя знать.

О деятельности следующего марксистского кружка в Тарту нам известно по давно уже многократно использованным исследователями воспоминаниям В. Малянтовича и Е. Левицкой.⁷⁴ Сведения, приводимые в них, не отличаются полнотой да и особой точностью, но, поскольку других данных в нашем распоряжении очень мало, приходится довольствоваться ими.

Кружок, если верить В. Малянтовичу, был создан в конце 1894 г. Задачей кружка молодые его организаторы считали «распространение идей марксизма среди студенчества и укрепление своего мировоззрения путем чтения соответствующей литературы и длительных дискуссий <...> Никаких связей у нас с рабочими не было да и не могло быть, — вспоминает В. Малянтович. — Мы вырабатывали свое миросозерцание и вели борьбу со своими идейными противниками не в салонах. Для этого мы пользовались квартирами наших студенческих обществ». ⁷⁵ В первую очередь, члены кружка использовали для этой цели общество «Конкордия» и упоминавшиеся выше так называемые «субботние чтения» в нем с дискуссиями и рефератами на злободневные темы.

Однако вначале члены кружка стояли несколько в стороне от студенческой массы. Их авторитет признавали, с ними считались, но, вместе с тем, их несколько чуждались, как «теоретиков» и «ригористов».

Перелом в деятельности кружка произошел после того, как в марте 1895 г. в Тарту появился В. Л. Шанцер (Марат) ⁷⁶ и вступил в его состав. «По своему образованию, темпераменту, ораторскому таланту он сразу занял одно из первых мест среди нас и всего студенчества в Дерпте, — вспоминал В. Малянтович. — Не прошло со дня приезда Виргилия и несколько недель, как он приобрел авторитет, далеко выходящий за пределы узкого кружка марксистов и им сочувствующих, и сделался популярным среди

⁷⁴ В. М. Малянтович. <Дерптская группа марксистов 1894—1896 гг и В. Шанцер. — «Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 597—600; Евг. Левицкая, Памяти старого друга. — «Пролетарская революция», 1922, № 8, стр. 3—7.

⁷⁵ «Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 598.

⁷⁶ В. Л. Шанцер был зачислен в число студентов юридического факультета Тартуского университета 14 марта 1895 г. Университетское начальство, видимо, забыло о давнем секретном предписании министра народного просвещения от 18. VII 1887 г. за № 281, по которому выпускник Николаевской гимназии В. Шанцер, «ныне арестованный и привлеченный к дознанию по обвинению в сношениях его с лицами, политически неблагонадежными, лишен права на поступление в какое-либо учебное заведение» (ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед.хр. 154, л. 107 об.).

всего дерптского студенчества». ⁷⁷ Деятельность кружка теперь приобрела более разносторонний и, главное, более практический характер. В. Шанцер, В. Малянтович и Е. Панов решили не ограничиться лишь участием в «субботних чтениях» в «Конкордии», а превратить это общество в своеобразную «школу марксизма». Они стали активно выступать на его заседаниях с марксистскими рефератами и участвовать в обсуждении всех вопросов студенческой жизни. В. Шанцер подготовил реферат «О «Нищете философии» и научном социализме», о котором даже высоко эрудированный член кружка З. Г. Френкель заметил, что «по глубине раскрытия темы» ему не было равных на заседаниях объединения. ⁷⁸

В. Шанцер и К. Левицкий стали писать по вопросам марксизма в провинциальных газетах «Орловский вестник» и «Самарский вестник», которые, находясь вдали от бдительного ока столичных цензоров, в эти годы представляли свои страницы марксистам. ⁷⁹ Так, в «Самарском вестнике» появилась статья В. Шанцера «К вопросу о кустарных промыслах в России», где он полемизировал с В. В., Сергеевым и другими народниками. В «Орловском вестнике» (1895, № № 273—275, 279) К. Левицкий опубликовал большую статью «Ремесленник и пролетарий (Несколько мыслей, вызванных «Очерками из орловской жизни» П. Кречетова)». Она была как бы продолжением тартуских дискуссий, потому что направлена против работы тартуского студента П. И. Кречетова, писателя-дилетанта, члена Общества русских студентов, не сочувствовавшего марксизму. ⁸⁰ Статья К. Левицкого — по существу, марксистский труд, объективно приводящий читателя к революционным выводам. Автор очень смело говорит об исторической роли пролетариата, делает на основе учения К. Маркса некие обобщения о судьбе ремесленников и выражает уверенность, что из противоречий капитализма вырастет новое общество. В этой связи он оспаривает пессимизм П. Кречетова, который видит лишь отрицательные стороны капитализма: обнищание и деградацию рабочего люда.

Члены кружка, как и участники предыдущих марксистских объединений, имели связи с революционно настроенными лица-

⁷⁷ «Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 599.

⁷⁸ Борис Костюковский, Семен Табачиков. Русский Марат. Повесть о Виргилии Шанцере. М., 1969, стр. 96.

⁷⁹ «Пролетарская революция», 1922, № 8, стр. 4, 1923, № 14, стр. 600. О «Самарском вестнике» см.: А. Санин, «Самарский вестник» в руках марксистов (1896—1897). — «Пролетарская революция», 1924, № 12 (35), стр. 248—282. Между прочим, в «марксистскую» редакцию газеты входили брат бывшего тартуского студента И. В. Португалова — В. В. Португалов и «ревельский гражданин» Р. Э. Циммерман, только что возвратившийся из ссылки в Восточной Сибири.

⁸⁰ О П. И. Кречетове см.: Д. А. Общество русских студентов в Юрьеве, СПб., 1910.

ми и организациями в других городах. Из письма студента Московского университета И. А. Чистякова известно, что В. Шанцер должен был выслать ему из Тарту портреты Маркса, Энгельса и Лассалля. В свою очередь Чистяков, в случае необходимости, обещает послать из Москвы в Тарту работы Маркса, Энгельса, Плеханова, Аксельрода, научно-популярные статьи по рабочему вопросу.⁸¹

В состав кружка входили К. И. Левицкий, В. Н. Малянтович, З. Г. Френкель (видимо, именно они были его организаторами), В. Л. Шанцер, Е. А. Панов, М. А. Дьяков, А. А. Крогиус, А. С. Ширский, А. Н. Шатилов, немецкий рабочий А. Мюллер, Ротштейн, К. А. Попов⁸² и некоторые другие лица. В таком составе (за малым исключением) кружок просуществовал до конца 1896 — начала 1897 г.

Что собой представляли участники кружка?

Константин Иосифович (Осипович) Левицкий (1868—1919), еще учась в Нежинской гимназии, был организатором и активным членом нелегального кружка гимназистов. Этот кружок поддерживал сношения с киевскими нелегальными организациями, получал от них запрещенную литературу. Члены кружка занимались также сбором денег для ссыльных. Все эти факты вскрылись при расследовании в 1889 г. жандармами дела о киевских революционных кружках А. Горба, А. Флерова и Э. Абрамовича; К. И. Левицкий был заключен в тюрьму и мерой наказания в апреле 1890 г. ему был признан арест сроком на один месяц с последующим надзором полиции.⁸³ На некоторое время Левицкому пришлось отложить мысли о продолжении образования. Лишь в 1892 г. ему удалось поступить на юридический факультет Тартуского университета, который он закончил в мае 1896 г. со степенью кандидата прав. К. И. Левицкий и в дальнейшем принимал участие в революционном движении, примыкая к большевикам. В первые годы текущего столетия К. И. Левицкий («Осип») был одним из руководителей одесской социал-демократической организации (в нее, между прочим, входил некоторое время и В. Н. Малянтович). Вместе с Д. И. Ульяновым, Р. С. Землячкой он осуществил разгром «экономистов» и добился объединения всех социал-демократических сил Одессы на ленинско-искровской основе. К. И. Левицкий переписывался с В. И. Лениным, который оказывал большую помощь одесским коммунистам. В

⁸¹ Б. Костюковский, С. Табачников, цит. соч., стр. 97.

⁸² Первые одиннадцать изображены на фотографии, помещенной в цитированной выше статье В. Малянтовича («Пролетарская революция», 1923, № 14). О принадлежности К. А. Попова к кружку см.: С. Виноградов, Его звали Маратом, М., 1967, стр. 43.

⁸³ ЦГАОР, ф. ДП. 4-е делопр., 1889 г., ед.хр. 97, лл. 122 об., 227 об. 237 об.

годы раскола партии именно одесская организация стала оплотом большевизма на юге. В 1904 г. в Одессе было создано Южное бюро ЦК, в которое вошли К. И. Левицкий, В. В. Воровский и И. Х. Лалаянц, Оно возглавило социал-демократическое движение на юге России. К. И. Левицкий принял активное участие в революционной борьбе 1905—1907 гг.⁸⁴ «В течение целого ряда лет он был живой традицией Одесской большевистской организации; бывали времена, когда он оставался на своем посту почти один, исполняя обязанности и пропагандиста, и организатора, и агитатора. За все приходилось ему отвечать. Благодаря определенному общественному положению ему удавалось довольно благополучно выходить из различных столкновений с полицией, о чем в организации ходили настоящие легенды».⁸⁵ Принципиального и строгого к себе и другим К. И. Левицкого даже прозвали «твердокаменным» большевиком. Кстати, эти качества проявлялись в нем уже и в тартуский период его жизни. К сожалению, после 1907 г. К. И. Левицкий от непосредственной революционной деятельности отошел. После Октябрьской революции он был в Москве членом Финколлегии и ВСНХ.^{85а}

Владимир Николаевич Малянтович, учась в конце 1880-х гг. в Смоленском реальном училище, вошел в состав местного негального кружка (в жандармских делах — Смоленский преступный кружок), имевшего свою библиотеку и проектировавшего создание подпольной типографии. Малянтович участвовал в сокрытии типографского шрифта. Между прочим, в организацию входил и наборщик Я. Звирин, получивший политическое воспитание в минских социал-демократических кружках Э. Абрамовича. В 1889 г. смоленский кружок был раскрыт жандармами и все члены его арестованы. Прокурор требовал для В. Малянтовича ссылки на три года в Сибирь, но власти, учитывая его молодость и сравнительно небольшую «вину», ограничились более мягким наказанием: три месяца тюремного заключения с последующей отдачей под негласный надзор полиции.⁸⁶ В 1892 г. В. Н. Малянтович поступил в Тартуский ветеринарный институт, который окончил в мае 1897 г. Тотчас по прибытии в Тарту за ним был установлен негласный полицейский надзор, продолжавшийся до конца пребывания здесь.⁸⁷ Тем не менее, Малян-

⁸⁴ О деятельности К. И. Левицкого в Одессе см.: Из истории Одесской партийной организации. Очерки, Одесса, 1964, стр. 39, 43, 47, 50, 53, 61, 64, 86, 105.

⁸⁵ Евг. Левницкая. Из жизни одесского подполья (Из воспоминаний 1901—1907 гг.). — «Пролетарская революция», 1922, № 6, стр. 142.

^{85а} См. Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг. Изд. 3-е, М.-Л., 1925, стр. 340—341.

⁸⁶ ЦГАОР, ф. ДП. 7-е делопр., 1889 г., ед.хр. 119, лл. 48, 145—150, 263—267 об., 297—297 об.; 3-е делопр., 1890 г., ед.хр. 1037, лл. 2—3.

⁸⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. 99, 1892 г., ед.хр. I, л. 157; ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1890 г., ед.хр. 1037, лл. 20—139.

тович принял самое активное участие в общественной жизни тартуского студенчества: в 1894 г. был председателем «Конкордии», заведывал столовой и библиотекой общества и даже некоторое время проживал в его помещении. Из данных полицейского наблюдения известно, что он все время общался с политически «неблагонадежными» людьми, часто выезжал в Москву, Петербург, Смоленск, критиковал Я. Л. Гинцбурга за его «изолированность». Жандармы характеризовали В. Н. Малянтовича как «личность крайне вредную и вполне сомнительных политических воззрений».⁸⁸ Он был известен как один из лучших тартуских ораторов и часто выступал на общестуденческих собраниях и сходках. Сохранились, например, сведения о речи Малянтовича 18 октября 1895 г. на суде в столовой «Конкордии» над одним студентом-ветеринаром, совершившим неэтичный поступок. Малянтович говорил, что поступок студента позорит честь студенчества и настаивал на исключении его из института.⁸⁹ Как мы увидим ниже, тартуские марксисты вообще неустанно вели борьбу против аморализма и разгульного образа жизни определенной части местных студентов и высоко держали честь русского студенчества, что имело важное значение в сложной обстановке многонационального Тарту, где в известных кругах откровенно недоброжелательно относились ко всему русскому. По окончании института В. Н. Малянтович работал ветеринарным врачом в Сергиевском Посаде, Екатеринодаре, Мценске и Одессе. В Одессе он входил в искровскую группу социал-демократов, однако позже примкнул к меньшевикам.

Захарий Григорьевич Френкель (1869—1970) окончил с золотой медалью ту же Нежинскую гимназию, где учился и К. И. Левицкий, и был связан со знакомым нам уже нелегальным кружком учащихся, читал труды революционных демократов. В 1889 г. поступил в Московский университет и тотчас вошел в киевское землячество, члены которого изучали К. Маркса, в частности читали и обсуждали «Капитал».⁹⁰ В марте 1890 г. З. Г. Френкель вместе с И. А. Давыдовым был исключен из Московского университета за участие в сходке, причем в решении об этом отмечалось, что он был причастен и к прежним студенческим «беспорядкам».⁹¹ В октябре 1890 г. Френкель поступил на медицинский факультет Тартуского университета, который закончил в декабре 1895 г. По окончании университета он работал санитарным врачом в ряде местностей России, первое время продолжал поддерживать сношения с тартуским марксистским кружком (в Новой

⁸⁸ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1890 г., ед.хр. 1037, л. 60.

⁸⁹ П. Красовский. Юрьев и Юрьевский университет, стр. 359.

⁹⁰ «Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 52; С. И. Мицкевич. Революционная Москва, стр. 76.

⁹¹ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1890 г., ед. хр. 126, т. I, лл. 78—79.

Ладогe у него бывал в гостях В. Л. Шанцер); позже был членом I Государственной думы, с 1910 г. занялся преподавательской деятельностью, одновременно много времени уделяя научной работе. З. Г. Френкель — крупный советский ученый-гигиенист. автор свыше 250 научных работ по социальной и коммунальной гигиене, демографии и санитарной статистике, в том числе ряда монографий («Общественная медицина и социальная гигиена», 1922, 1923, 1926; «Продление жизни и активная старость», 1940, 1945, и др.). Он был действительным членом Академии медицинских наук СССР, заслуженным деятелем науки РСФСР.

Личность В. Л. Шанцера вряд ли есть смысл характеризовать здесь более подробно, ибо она достаточно известна.⁹²

Евгений Алексеевич Панов в 1889—1891 гг. учился на медицинском факультете Московского университета. Он участвовал в студенческих волнениях в марте 1890 г., за что был арестован и временно исключен из университета.⁹³ За участие в так называемой Шелгуновской демонстрации на Тверском бульваре в апреле 1891 г. Е. А. Панову было запрещено московским генерал-губернатором жительство в Москве и университетских городах и он был вновь исключен из учебного заведения.⁹⁴ Тем не менее, в октябре 1891 г. Панов сумел поступить в Тартуский университет; за ним был установлен полицейский надзор. Однако в мае 1892 г. выяснилось, что ему запрещено жительство в Тарту, и он был эксматрикулирован. Все же Панову удалось добиться от Департамента полиции разрешения продолжать учебу в Тартуском университете,⁹⁵ который он и окончил в апреле 1896 г. Во все время обучения Е. А. Панов очень нуждался, представлял начальству свидетельство о бедности и просил об освобождении от платы за обучение. По окончании университета он работал врачом, позже был меньшевиком.

Михаил Александрович Дьяков (1869—1920) в 1889 г. поступил в Московский университет и вошел в тверское землячество, где выделялся своим революционным настроением и костюмом под фабричного рабочего.⁹⁶ В марте 1890 г. за участие в студенческой сходке он был исключен из университета и по распоряжению московского генерал-губернатора ему было запрещено

⁹² См. цит. выше книги С. Виноградова, Б. Костюковского и С. Табачникова, а также: В. Кордес, В. Л. Шанцер-Марат, М., 1928. Нельзя не отметить, что в документальной повести Б. Костюковского и С. Табачникова «Русский Марат» в разделе, посвященном тартускому периоду жизни В. Л. Шанцера, содержится много неточностей, больших и малых.

⁹³ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1890 г., ед. хр. 126, т. I, лл. 24, 80, 217—218 об.

⁹⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 154, л. 169, ед. хр. 284, л. 148—148 об.

⁹⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. I, ед. хр. 1165, лл. 1—22.

⁹⁶ С. И. Мицкевич. Революционная Москва, стр. 76.

жительство в Москве и Московской губернии.⁹⁷ М. А. Дьяков отправился на родину, в Тверь, где за ним было установлено «бдительное негласное наблюдение». Здесь он «обращал на себя внимание постоянными сношениями с лицами политически неблагонадежными, как проживающими в г. Твери, так и в других местностях губернии».⁹⁸ В октябре 1890 г. с разрешения министра народного просвещения М. А. Дьяков поступил на медицинский факультет Тартуского университета, который закончил в 1896 г. Из данных полицейского надзора известно, что в 1891 г. среди его хороших знакомых был И. Енохин,⁹⁹ как мы помним, правая рука Э. Ноневича и в то же время близкий к члену первого марксистского кружка в Тарту С. Стемповскому. Это дает основание предполагать, что М. А. Дьяков вскоре после приезда в Тарту установил связи с левыми, революционными кругами местного студенчества. Известно также, что он был некоторое время кассиром столовой «Конкордии». По окончании университета М. А. Дьяков работал земским врачом, принимал участие в социал-демократическом движении, был большевиком и умер на Кубани.

Александр Николаевич Шатилов (1868—1951), грузин по национальности, несмотря на свою русскую фамилию, в 1887—1891 гг. учился в Московском университете, откуда был исключен за участие в студенческих волнениях в марте 1891 г. В сентябре того же года А. Н. Шатилов был принят на медицинский факультет Тартуского университета, который закончил в начале 1897 г. Во все время обучения в университете он очень нуждался и даже неоднократно бывал исключаем из числа студентов за невзнос платы за обучение. Вернувшись на родину, А. Н. Шатилов работал врачом в Тбилиси, тотчас после создания РСДРП в 1898 г. стал членом тбилисского комитета партии. В 1901 г. его направили в Батуми для борьбы с эпидемией чумы, там он остался надолго. А. Н. Шатилов принял активное участие в революционном движении, много сделал для распространения образования в массах (был одним из руководителей Народного университета в Батуми), несколько раз подвергался арестам. Среди его друзей и соратников по подпольной работе были Л. Кецховели, И. Сталин, Камо и другие выдающиеся революционеры. В 1912 г. Шатилов был арестован во время конспиративной сходки и должен был быть сослан в Сибирь. В советское время он стал видным ученым-офтальмологом. Пятнадцать лет он заведывал кафедрой глазных болезней Тбилисского медицинского института. Проф.

⁹⁷ ЦГАОР, ф. ДП. 3-е делопр., 1890 г., ед. хр. 126, т. I, лл. 80 об., 217—218 об.

⁹⁸ Там же, л. 247—247 об.

⁹⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. I, ед. хр. 973, лл. 227 об. — 228.

А. Н. Шатилов создал целую школу грузинских окулистов, его перу принадлежит много научных работ по офтальмологии.¹⁰⁰

Август Адольфович Крогиус после окончания Первой петербургской гимназии в 1889 г. поступил в Николаевское инженерное училище, но незадолго до окончания последнего в 1892 г. военное начальство получило из Департамента полиции сведения о том, что он связан с политически неблагонадежными лицами, причастными к какой-то революционной партии, и что последние возлагают особые надежды на Крогиуса как будущего офицера. Вследствие этого он, по приказу военного министра, после окончания училища был уволен в запас.¹⁰¹ В 1893 г. А. А. Крогиус поступил на медицинский факультет Тартуского университета, который закончил в 1898 г. Позже работал врачом-психиатром.

А. С. Ширский обучался в 1895—1896 гг. в Тартуском ветеринарном институте, в 1896 г. он был секретарем общества «Конкордия». К. А. Попов, родом сибиряк, учился в Красноярской, Тобольской и Омской гимназиях. В 1894 г. поступил на юридический факультет Тартуского университета, который окончил в 1898 г. со степенью кандидата прав. К. А. Попов пожелал продолжать образование на физико-математическом факультете, но уже в январе 1899 г. был уволен из числа студентов за невзнос платы за обучение. Из архивных документов известно также, что у К. А. Попова 6 марта 1895 г. был совершен обыск и по его результатам он был арестован и препровожден под конвоем в Ригу, впрочем, в конце месяца он был освобожден из-под стражи.¹⁰²

Об А. Мюллере речь пойдет ниже.

Упоминаемый В. Малянтовичем Ротштейн — видимо, Давид Моисеевич Рутштейн, который в 1889—1892 гг. учился в Венском университете, а в 1892—1896 гг. на медицинском факультете Тартуского университета.¹⁰³ Известно, что им интересовались жандармы, тоже, кстати, величавшие его Ротштейном.¹⁰⁴

О конкретных мероприятиях нового марксистского кружка мы знаем мало. В литературе обычно связывают с деятельностью кружка знаменитое собрание студентов университета и Ветеринарного института в помещении столовой «Конкордии» 28 октября

¹⁰⁰ И. Татишвили, Т. Деканосидзе. Московский университет и грузинская молодежь. Тбилиси, 1960, стр. 77—78; А. П. Цулукидзе. Врачи-грузины XIX столетия. Тбилиси, 1961, стр. 86—88 (обе на грузинском языке); Р. Д. Сурманидзе. Грузинские врачи-революционеры — воспитанники Тартуского университета, в сб. «Материалы VIII конференции по истории науки в Прибалтике», Тарту, 1970, стр. 149—150.

¹⁰¹ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 309, л. 9—9 об.

¹⁰² О К. А. Попове см.: ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. I, ед. хр. 21192 (личное дело), ф. 402, оп. 7, ед. хр. 345, лл. 29, 31, ед. хр. 454, л. 237.

¹⁰³ См. его личное дело: ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 21031.

¹⁰⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. I, ед. хр. 984, лл. 533, 536 об. — 537.

1896 г., на котором обсуждались аморальные поступки членов «обществ» «Зеленого змия» и «Белого слона». На этом эпизоде опять же стоит остановиться особо, поскольку он неверно освещен в статье Х. Моосберг.

«Тайное» общество (точнее, кружок) «Зеленый змий» было организовано в 1894 или 1895 г. Позже (видимо, в 1896 г.) оно было «преобразовано» в общество «Белый слон»; по другим сведениям, последнее было младшим собратом «Зеленого змия», существовавшим параллельно или слившимся с ним. Во главе этих обществ стояли Н. Сви́дерский и П. Изма́йлов. Члены названных организаций, подражая корпорантам, открыто культивировали разврат и пьянство. Их постоянные «занятия» заключались в пристаивании к женщинам, откровенном хулиганстве, возведенном в культ пьянстве. Члены обществ «Зеленого змия» и «Белого слона» любили, например, неожиданно появляться перед людьми в одеянии Адама, разъезжать по улицам города с поросятами. Иногда их поступки носили и не столь невинный характер: они натравливали собак на женщин, громили публичные дома и т. д. После этого не может не вызвать удивления предположение Х. Моосберг, что Н. Сви́дерский вместе с братом Ф. Э. Дзержинского — Казимиром Дзержинским принимал участие в нелегальной революционной работе и в дискуссиях марксистов.¹⁰⁵

Передовое тартуское студенчество давно уже возмущалось действиями «белых слонов», которые позорили в глазах тартуанцев русских студентов и отвлекали их от серьезных общественных проблем. В октябре 1896 г. общества «Коллегиум», «Конкордия» и «Социэ́тас» решили организовать общую сходку студентов университета и Ветеринарного института для обсуждения поведения членов организаций «Белый слон» и «Зеленый змий». Активное участие в подготовке и проведении этой сходки принимали и члены марксистского кружка. Внешним поводом для ее созыва послужил неэтичный поступок Н. Сви́дерского, который, фактически спровоцировав столкновение студента института К. Дзержинского с доцентом Александровым, в решающий момент, когда студент поднял руку на доцента, выступил в защиту последнего. Н. Сви́дерский при этом цинично заявил, что он не против рукоприкладства, но в данном случае ему выгоднее было выступить в благородной роли защитника Александрова, поскольку предстояло сдавать экзамен доценту (кстати, действительно, доцент Александров вслед за тем выставил Сви́дерскому хорошую оценку без экзамена).

¹⁰⁵ Н. Moosberg, цит соч., стр. 223. Это предположение тем более удивляет, что Х. Моосберг знакома с архивным делом о собрании 28 октября 1896 г., на котором достаточно полно был выяснен облик Н. Сви́дерского.

Собрание состоялось 28 октября 1896 г. в «Конкордин». На нем присутствовало примерно 175 человек и председательствовали вначале А. Попов, затем В. Малянтович и, наконец, В. Аргутинский-Долгоруков (смена председателей была вызвана крайне недисциплинированным поведением членов обществ «Белого слона» и «Зеленого змия», которые пытались сорвать собрание и в конце-концов демонстративно покинули его). Выступавшие в прениях единодушно осуждали поведение «белых слонов», называя его позорным. С яркой речью на собрании выступал В. Шанцер, отметивший, что позорные поступки «белых слонов» «не могут не вызвать чувства гадливости во всяком порядочном человеке».¹⁰⁶ «Не помню, — вспоминал позже К. Попов, — чтобы когда-нибудь раньше или позже я слышал более блестящую обвинительную речь, чем эти огненные, бичующие, полные сарказма речи Шанцера, увлекшие за собой всю студенческую массу и похоронившие «Белого слона» вместе с «Зеленым змием», кажется, навсегда».¹⁰⁷ Собрание постановило вынести общественное порицание членам «Белого слона» и «Зеленого змия» и «руковать» их, т. е. отказаться от какого-либо общения с ними и запретить им посещение каких-либо студенческих обществ. Письмо с этим решением было разослано во все тартуские общества и организации.

О собрании студентов, по-видимому, не без помощи членов «Белого слона» и «Зеленого змия», узнали как учебное начальство (вплоть до попечителя учебного округа), так и жандармы. Началось расследование дела о запрещенной сходке студентов. 19 ноября 1896 г. совет Ветеринарного института, заслушав отчет специально созданной из числа преподавателей комиссии, постановил уволить из института «по прошению» председателей сходки В. Малянтовича¹⁰⁸ и В. Аргутинского-Долгорукова; мерой наказания прочих ее участников было избрано заключение в карцер и выговор. Общество «Коллегиум», взявшее на себя инициативу созыва сходки, было закрыто. Но одновременно совет решил исключить из института Н. Свидерского и П. Измайлова, дабы не вызывать новых студенческих «волнений». В декабре 1896 г. это решение совета было утверждено министром народного просвещения.¹⁰⁹ Ректор университета объявил В. Шанцеру выговор «за деятельное участие в недозволенном сборище» с преду-

¹⁰⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 404, оп. I, ед.хр. 4017, л. 18.

¹⁰⁷ В. Кордес, В. Л. Шанцер-Марат, стр. 16.

¹⁰⁸ Правда, либеральное институтское начальство дало все же В. Малянтовичу возможность в следующем году закончить институт.

¹⁰⁹ История общества «Белого слона» и «Зеленого змия», а также сходки 28 октября 1896 г. изложена нами на основе материалов следствия, которое вела комиссия из преподавателей института, и прочих документов, хранящихся в ЦГИА ЭССР, ф. 404, оп. I, ед.хр. 4017, лл. 2—69. Ср. также: П. Красовский, Юрьев и Юрьевский университет, стр. 359—360.

преждением, что в случае нового поступка он тотчас будет исключен из университета.¹¹⁰

Деятельность интересующего нас марксистского кружка, конечно, не исчерпывалась этим. Особенно важным является указание В. Малянтовича, что кружку удалось установить с помощью члена группы А. Мюллера связи с местными эстонскими и латышскими национальными организациями.¹¹¹ Это факт принципиально важного значения. Предшествующим марксистским кружкам, насколько нам известно, не удалось установить контактов с коренным населением края, с представителями эстонской общественности. Впрочем, отдельные латышские студенты уже с начала 1890-х гг. посещали собрания русских студентов, диспуты марксистов и народников. Первым из них был видный член Научно-литературного общества латышских студентов в Тарту А. Дауге. В 1891—1892 гг. он вместе с замечательным латышским поэтом Э. Вейденбаумом, также членом Пипкалонии, посещал заседания Общества русских студентов,¹¹² которые как раз в эти годы стали ареной ожесточенных споров марксистов и народников. В 1894 г. А. Дауге, Я. Ковалевский и К. Каспарсон даже в официальных документах числятся гостями общества.¹¹³ Хорошо осведомленный в тартуских делах П. Дауге¹¹⁴ указывал, что пипкалонцы установили связи с русскими и польскими студенческими кружками в Тарту, в которых были высоко образованные марксисты, превосходно знавшие труды Плеханова и следившие за его борьбой с народниками. П. Дауге даже считает, что именно эти студенты познакомили латышей с революционным марксизмом.¹¹⁵ Какие именно марксистские кружки имеет тут в виду П. Дауге, мы не знаем. Возможно, что отдельные представители прогрессивного латышского студенчества установили какие-то контакты уже с членами первого марксистского кружка¹¹⁶ и кружка И. А. Давыдова и К. К. Чекеруль-Куша, но, види-

¹¹⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. I, ед.хр. 29083, л. 20.

¹¹¹ «Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 600.

¹¹² A. Daugē, Atmiņas par Ed. Veidenbaumu un tā laika Tērbatas studentu dzīvi. «Latviešu Studentu Gada Grāmata», I, 1914, стр. 43, 49.

¹¹³ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед.хр. 190, лл. 48, 50.

¹¹⁴ Московский студент Пауль Дауге играл роль связного между различными группами и организациями «Нового течения» и часто бывал в Тарту. Осенью 1893 г. он посетил заграницей А. Бебеля и передал ему привет от латышского марксистского кружка в Тарту. П. Дауге привез на родину марксистскую литературу и снабдил ею революционных студентов в Тарту, Петербурге и Москве (Strādnieku kalendārs 1918. gadam, М., 1917, стр. 94—96).

¹¹⁵ П. Дауге. О «Новом течении» в Латвии (По личным воспоминаниям). — «Большевик Советской Латвии», 1946, № 11/12, стр. 65.

¹¹⁶ А. Дауге, например, в цитированных выше воспоминаниях неоднократно упоминает о Б. А. Кистяковском, с которым он мог познакомиться на заседаниях Общества русских студентов.

мо, более тесные связи русских и латышских марксистов относятся к 1894—1897 гг.

Важную роль в установлении связей между передовыми русскими, латышами и эстонцами сыграл механик при Тартуском университете Альберт Мюллер, германский подданный из Бадена, член Германской социал-демократической партии, регулярно посылавший на родину партийные членские взносы. Он был членом кружка русских марксистов и одновременно принимал участие в деятельности Научно-литературного общества латышских студентов, даже позже был заключен в тюрьму по первому громкому «делу» о латышских социал-демократах при разгроме «Нового течения» в 1897 г. пока, по требованию германских властей, не был выслан на родину.

Насколько можно судить по воспоминаниям видного члена Пипкалонии П. Калныня¹¹⁷ и по автобиографическим заметкам одного из первых эстонских социалистов М. Мартна¹¹⁸ (позже вождя оппортунистической социал-демократической партии Эстонии), в 1894—1896 гг. при участии А. Дауге, А. Мюллера и М. Мартна сложился и функционировал организационно, правда, не оформившийся кружок латышских, эстонских и русских студентов, примыкавший, с одной стороны, к Пипкалонии, а, с другой, связанный, правда, в меньшей степени, с охарактеризованным выше объединением русских марксистов. По-видимому, именно об этом кружке писал в своем знаменитом, многократно цитировавшемся исследователями письме к Я. Вахтрику от 2 октября 1895 г. из Тарту великий эстонский писатель Э. Вильде, не отделяя, впрочем, его от Пипкалонии: «Между прочим, у нас в Тарту в частных кружках идет очень оживленная духовная работа; я нашел тут совсем иное мировоззрение и иной круг размышлений. Здесь есть одно научное общество латышских студентов, которое с большей энергией работает на ниве народной экономии. Общество это не национальное, в нем примерно 6—7 эстонских студентов, затем несколько русских, у которых такие же устремления, держатся все вместе и общаются между собой. В последнее время я читал научную литературу, которая только и делает человека действительно мыслящим человеком. История, экономика, социальная политика, философия — все это предстает передо мною в совершенно новом свете.»¹¹⁹ Э. Вильде и в дальнейшем неоднократно указывал на важную роль этого кружка в становлении своего марксистского мировоззрения, в том переломе в середине 1890-х гг. в его мирозер-

¹¹⁷ Paul Kalnin. Kuidas leidsime esimese Eesti sotsiaal-demokraadi. — «Rahva sõna», 17. IX 1930, стр. 3, 8; Eduard Vilde Dr. P. Kalniņa atmiņas. — «Dienas Lapa», 29. XII 1933, стр. 4.

¹¹⁸ Рукописный отдел Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда АН ЭССР, ф. 194, 18:11, лл. 5—6.

¹¹⁹ Eduard Vilde. Artikleid ja kirju, Tln., 1957, стр. 297.

цании, который привел писателя к социал-демократии. Можно предполагать, что именно эту интернациональную группу и Пипкалонию имел в виду В. Малянтович, когда он писал, что кружок русских марксистов через А. Мюллера удалось установить связь с эстонскими и латышскими организациями. По крайней мере, мы не знаем в ту пору другой эстонской организации, в которой русские марксисты могли бы найти себе идейных единомышленников.

Кто же входил в этот кружок? Из латышей в него входили наиболее активные члены «Пипкалонии» Я. Янсон-Браун, Ф. Розинь (оба — в будущем виднейшие латышские социал-демократы и теоретики марксизма), А. Дауге, К. Каспарсон, П. Калнынь, Я. Ковалевскис, из эстонцев — М. Мартна, Э. Вильде, Р. Аавакиви, А. Альвер, Й. -Л. Юргенс (позже, видимо, известный эстонский революционер и скрипач Ю. Э. Сырмус), из русских нам известны по воспоминаниям П. Калныня и М. Мартна имена В. Л. Шанцера, З. Г. Френкеля, В. Н. Малянтовича.¹²⁰ Наконец, в его заседаниях принимал участие А. Мюллер. С его помощью кружок регулярно получал «Neue Zeit», отдельные статьи оттуда читались и совместно обсуждались на его собраниях. С помощью того же А. Мюллера тартуские марксистские кружки получали и другие социал-демократические издания из Германии. В свою очередь из тартуских кружков отдельные работы К. Маркса, Ф. Энгельса, также номера «Neue Zeit» поступали в Латвию¹²¹ да и в другие города России. У тартуских марксистов были «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, «Женщина и социализм» А. Бебеля и другие труды.

Заседания кружка происходили как в помещении Пипкалонии, так и на квартире М. Мартна в принадлежащей ему маленькой гостинице «Эмайыги» в заречной части города, где находилась и небольшая библиотечка с социал-демократической литературой. Основным занятием членов кружка было изучение научного социализма, они стали участниками последних дискуссий марксистов и народников в среде тартуского студенчества, что также способствовало укреплению их марксистского мировоззрения. Через П. Дауге и русских марксистов у кружка установились связи с московскими социал-демократами. Этот организационно неоформленный кружок, как мы уже отмечали, непосредственно примыкал к Пипкалонии, составляя как бы ее интернациональное отделение, поэтому в его распоряжении были и обширные, к тому же очень интенсивные линии связи Научно-литературного общества латышских студентов с другими центрами Нового течения, в особенности с Ригой.

¹²⁰ См. работы, указанные в сносках 117 и 118. Приводимые ниже сведения о кружке позаимствованы из этих же работ.

¹²¹ «Большевик Советской Латвии», 1946, № 11/12, стр. 72.

Эта сторона деятельности марксистского кружка В. Л. Шанцера подводит нас к новому этапу в истории распространения марксистских идей в Эстонии. Если до середины 1890-х гг. носителем марксизма, в основном, было «приезжее» — русское, польское, еврейское и латышское студенчество, то во второй половине 1890-х гг. и в первые годы XX в. новые идеи получают широкое распространение уже в среде коренного населения края. Причем важная заслуга в этом принадлежит именно «пришлому», в первую очередь русскому студенчеству.¹²² «Катков и К° ошиблись, — писал участник событий тех лет Эд. Вирго. — Реакционная политика 80-х годов только ускорила темп всероссийского освободительного движения, а грубая русификация породила в Эстонии сепаратизм и революционные идеи <...> В преобразованный Юрьевский университет со всех концов русской земли собирается невиданная до сего времени в Прибалтийском крае птица — радикальная и революционная интеллигенция. Как ядом окружает она подрастающее эстонское молодое поколение своими новыми идеями материалистического миропонимания, социализма, <...> классовой борьбы и т. п. Грюндерство же превращает здешние большие города в крупные промышленные центры, в которых десятками тысяч концентрируется фабричный пролетариат — удобная почва для революционной заразы. На сцену выступают (в конце 90-х годов) новые общественные силы с совершенно новыми песнями. Это уже не восторженные наивные националисты, а вооруженные знанием общественных наук идеологи классовой борьбы, не моралисты уже, а материалисты. Начинается период переоценки старых ценностей и выставление новых лозунгов».¹²³ Свою лепту в этот исторический перелом внесли и первые тартуские марксисты.

¹²² Сохранилось множество мемуарных свидетельств этого, правда, в большинстве относящихся уже к самому началу XX в., см. воспоминания в сб.: *Punased aastad. Mälestusi ja dokumente 1905. aasta liikumisest Eestis*. I. Toimetanud Hans Kruus. Trt., 1932.

¹²³ Эд. В <ирго>. Кое-что об эстонской литературе. — «Вестник иностранной литературы», 1907, ноябрь, стр. 11.

MARKSISTLIKUD RINGID TARTUS 1890. AASTAIL

S. Issakov

Resümee

1892. a. lõpul asutasid Tartu üliõpilased K. Tšekerul-Kuš ja I. Davõdov marksistliku ringi. Sellesse kuulusid N. Baizdrenko, A. Skvortsov, A. Tšekerul-Kuš, N. Adamovitš ja J. Adamovitš. Ringi liikmed uurisid marksistlikku kirjandust ja tegid sellest tõlkeid vene keelde. 1893. a. toimunud läbiotsimisel leiti tõlkekatkendeid F. Engelsi raamatust «Perekonna, eraomandi ja riigi tekimine» ja K. Marxi tööst «Louis Bonaparte'i kaheksateistkümnnes brümäär». Ringil oli sidemeid revolutsiooniliste rühmituste ja organisatsioonidega teistes Venemaa linnades. Otsest sidet Moskva marksistidega pidas I. Davõdov, N. Baizdrenkol oli suhteid Lääne-Ukraina sotsialistidega (I. Franko) ja arvata võib, et ka rühmitusega «Töö Vabastus».

1893. a. arreterimised kitsendasid küll ringi tegevust, kuid ei viinud siiski selle sulgemiseni. 1894. a. esineti üliõpilasühingus «Concordia» I. Davõdovi referaadiga, kus oli kasutatud andmeid tollal veel avaldamata V. I. Lenini artiklist «Uusi majanduslikke liikumisi talurahva elus».

Üliõpilasringkondades toimusid noil aastail elavad diskussioonid narodnikute ja marksistide vahel, mille tulemusena eesrindlikumad üliõpilased asusid marksistide poolele.

1894. a. lõpul tekkis Tartus uus marksistlik ring, kuhu kuulusid K. Levitski, V. Maljantovitš, Z. Frenkel, J. Panov, M. Djakov, A. Satilov, saksa tööline A. Müller jt. Alates 1895. a. juhtis seda ringi tuntud revolutsionäär V. Šantser (Marat). Ringi liikmed levitasid marksistlikke ideid Tartu üliõpilasühingute kaudu. Avaldati artikleid K. Marxi ja F. Engelsi õpetuse kohta ka Venemaa perioodilistes väljaannetes. Erilist märkimist väärib asjaolu, et ringil õnnestus luua sidemeid internatsionaalse liikmeskonnaga illegaalse rühmitusega, mis tegeles läti üliõpilaste teaduslik-kirjandusliku ühingu («Pipkalonija») juures. Sellesse organisatsiooniliselt selgelt määratlemata rühmitusse kuulusid J. Jansons-Brauns, F. Rosinš, M. Martna, E. Vilde jt.

ON MARXIST CIRCLES IN TARTU IN THE 1890s

S. Issakov

Summary

At the end of 1892 a Marxist circle headed by K. Checkerul-Kush and I. Davydov, students of Tartu University, came into being. N. Baizdrenko, A. Skvortsov, A. Checkerul-Kush, N. Ada-

movych and E. Adamovych were the members. They read and discussed Marxist literature and also translated it into Russian. At a search in 1893 some translations of excerpts from «The Origin of the Family, Private Property and the State» by F. Engels and «The 18th Brumaire of Louis Banaparte» by K. Marx were found. The circle kept in touch with revolutionary groups and organizations in other towns of Russia. Especially close relations were established with Moscow Marxists thanks to I. Davydov. N. Baizdrenko got in touch with western Ukrainian socialists (I. Franko) and, perhaps, with the «Emancipation of Labour» group.

The arrests of some members of the circle in 1893 hampered its work, but presumably did not stop it wholly. In 1894 I. Davydov made a report in the student society «Concordia». It contained some data from V. I. Lenin's work «New Economic Movements in Peasant Life.»

During those years lively discussions between the student-Marxists and student-«narodniks» of Tartu University took place. The upshot of discussions was that the best part of the «narodniks» became Marxists.

At the end of 1894 a new Marxist circle connected with the previous one sprang up. K. Levitsky, V. Malyantovich, Z. Frenkel. E. Panov, M. Dyakov, A. Shatilov, the German worker A. Müller and others were its members. Since 1895 the well-known revolutionary V. Shantser (Marat) was at the head of it. The members of the circle did much in propagating Marxism among the students of Tartu, making use of the legal student societies. They also availed themselves of the legal Russian press by publishing articles which set forth the teachings of K. Marx and F. Engels. It is especially important that the circle managed to form a connection with the local Latvian and Estonian organizations, in particular with the illegal international group adjoining the «Scientific Literary Society of Latvian Students» in Tartu (the so-called «Pipkalia»). J. Jansons-Brauns, F. Rosinš, M. Martna, E. Vilde and others belonged to this group.

EESTI REVOLUTSIOONILISE TÖÖLISLIIKUMISE SAADIKUD III JA IV RIIGIKOGUS

J. Ant

Kommunistlike parteide üheks võitlusvahendiks kodanlikus ühiskonnas on parlament. Seda kasutavad kommunistid illegaalse ja legaalse parteitöö ühendamiseks, kodanliku klassiühiskonna olemuse paljastamiseks ja ka võitluseks töötavate hulkade olukorra kergendamise eest. V. I. Lenin iseloomustas parlamenti klassiühiskonnas kui organit «mis väljendavat rahva tahet, tegelikult aga varjab rahva petmist rahameeste poolt».¹ Ta rõhutas, et «kogu kodanliku demokraatia ajalugu on teinud parlamendi tribüüni... ennekuulmatute sulitempude, rahva rahandusliku ja poliitilise tüssamise, silmakirjalikkuse, töörahva rõhumise peamiseks või üheks peamiseks vahendiks.»² Samal ajal aga näitas V. I. Lenin vastavalt kodanluse propagandale, et «osa proletariiserunud väikekodanlust, mahajäänud töölised ja väiketalupojad... mõtlevad tõepoolest, et nende huvid on parlamendis esitatud.»³ Seda väärarvamust saab eelkõige kummutada kommunistide endi tegevus parlamendis. V. I. Lenin analüüsis korduvalt revolutsiooniliste sotsiaaldemokraatide parlamendifraktsiooni ülesandeid, rõhutades, et kommunistid peavad parlamenti kasutama «oma klassi mahajäänud kihtide kasvatamiseks.»⁴ Kommunistid peavad parlamentides selgitama rahvale parlamendi täielikku kõlbmatust proletariaadi ja talurahva nõudmistele elluviimise vahendina, poliitiliste vabaduste kättevõitmise võimatust parlamentlikul teel. V. I. Lenin näitas, et kommunistid ei tohi kunagi langeda parlamendis kodanlike parteidega kaubitsejate tasemele, vaid peavad õppima seda kasutama oma ideede vastuseadmiseks kodanlusele. Revolutsiooniline parlamendifraktsioon peab laiade rahvahulkade majanduslike huvide valdkonnas, töölis- ja agraarküsimustes, riigieelarvelistes jt. küsimustes, mida V. I. Lenin

¹ V. I. Lenin. Teosed. 31. kd., lk. 237.

² V. I. Lenin. Teosed. 31. kd., lk. 165.

³ V. I. Lenin. Teosed. 31. kd., lk. 223.

⁴ V. I. Lenin. Teosed. 31. kd., lk. 40.

nimetas «rahva elu kõige tundlikumaks närviks», kodanluse ettepanekutele vastu seadma omad sotsialistlike ümberkujunduste plaanid.⁵ Samal ajal ei eitanud V. I. Lenin parlamenti kui vahendit väiksemate reformide saavutamiseks, mis ajutiselt ühel või teisel alal kergendavad mõnede töötajate gruppide elutingimusi. Seda peavad kommunistid siiski teisejärguliseks ülesandeks, sest kodanliku parlamentarismi iseloom loob selleks väga vähe võimalusi.

Leninlikest näpunäidetest lähtus kodanliku diktatuuri perioodil Eestimaa Kommunistlik Partei. Paindliku taktika kasutamise suutis illegaalselt tegutsev partei saata kodanliku riigi esindusorganisse oma saadikuid, kes seal võitlesid ühiskonna revolutsioonilise ümberkujundamise eest.

Eriti oluliseks kujunes parlamendi ärakasutamine revolutsiooniliseks tööks 1924. aasta 1. detsembri relvastatud ülestõusu järgsel perioodil. Seda ajajärku iseloomustas revolutsioonilise liikumise mõõn ja reaktsiooni üldine pealetung, kus partei sidemed rahvahulkadega olid nõrgenenud. Arvestades reaktsiooni ajajärgu kogemusi Venemaal, rõhutas V. I. Lenin, et taolistes tingimustes kerkib üha rohkem päevakorda «rahvahulkade teadvuse ettevalmistamise ülesanne (mitte aga otsese aktsiooni ülesanne)», üha rohkem kerkib päevakorra le kodanluse võimu poolt loodud propaganda- ning agitatsiooniteede ärakasutamine.⁶

EKP-I õnnestus III (1926) ja IV (1929) Riigikogu koosseisu viia revolutsioonilise tööliikumise esindajaid, sealhulgas kommuniste. Nende tegevuse valgustamine riigikogu raamides oleks käesoleva artikli ülesanne. Tuleb märkida, et revolutsiooniliste tööliissaadikute töö parlamendis moodustab ainult ühe osa kogu nende revolutsioonilisest tegevusest väljaspool parlamenti. Viimane aspekt oma ulatuse tõttu selles artiklis käsitlust ei leia. Artiklis jäetakse lähemalt puudutamata olukord Eesti Tööliste Parteis (ETP), millega revolutsiooniliste tööliissaadikute tegevus neil aastail tihedalt seotud oli ja mida EKP kasutas ära nii III kui ka IV Riigikogu valimiskampaanias. Selle partei arengut III ja IV Riigikogu tegevuse perioodil on üksikasjalisemalt käsitlenud ajaloolased O. Kuuli ja A. Liebman.⁷ Senises ajalooalases kirjanduses on olemas põhjalikum ülevaade revolutsiooniliste parlamendisaadikute tegevusest I ja II Riigikogus 1920. aastate esimesel poolel.⁸ Põhjalikumalt on seni käsitlust leidnud EKP tak-

⁵ V. I. Lenin. Teosed. 13. kd., lk. 110.

⁶ V. I. Lenin. Teosed. 16. kd., lk. 19.

⁷ O. Kuuli, A. Liebman. Ühest eesti töölisparteid. — «Eesti Kommunist», 1961, nr. 6, lk. 22—33.

⁸ H. Saarniit. Kommunistliku fraktsiooni tegevusest Eesti Riigikogus sõjajärgse revolutsioonilise kriisi aastail (1920—1924). Tallinn, 1958.

tika III ja IV Riigikogu valimiskampaanias.⁹ Täpsem ja terviklikum ülevaade revolutsiooniliste riigikogurühmade tegevusest III ja IV Riigikogus puudub. Lühidalt on seda küsimust valgustatud EKP ajaloo ülevaates.¹⁰ Põgusa hinnangu ETP riigikogurühma tegevusele IV Riigikogus on andnud ajaloolane O. Kuuli.¹¹

I

Kommunistlikul parteil õnnestus 1926. aasta III Riigikogu valimiskampaanias ära kasutada äsjatekinud ETP-d. Selle partei juhid nõustusid teatud tingimustel EKP soovitatud kandidaate lülitama oma valimisnimekirjadesse. 15—17. maini 1926 toimunud III Riigikogu valimistes sai ETP nimekiri 30 339 häält, mis andis sellele parteile kuus kohta riigikogus.¹² III Riigikogusse pääsesid A. Grimpel, R. Verner, H. Martinson, A. Sprenk, P. Abramson ja E. Pesur.¹³ Revolutsioonilise töölisliikumise tiiba kuulusid neist A. Grimpel ja R. Verner. Vahepeal, seoses EKP põrandaaluse organisatori A. Riismanni tabamisega aprillikuus, suleti ajutiselt ETP. Areteerituiks osutusid mitmed riigikogurühma liikmed. ETP juhtkond nõudis areteerituilt, et need loobuksid saadiku õigustest, ning vabastaksid kohad järgmistele kandidaatidele.¹⁴ III Riigikogu I istungjärku alustas ETP rühm koosseisus A. Grimpel, A. Luik, P. Abramson, E. Pesur, K. Martinson, A. Sprenk.¹⁵ Neist A. Luik kuulus 1925. aasta lõpust EKP ridadesse.¹⁶ A. Grimpel oli revolutsioonilise töölisliikumise aktivist, kes töötas EKP juhtnööride alusel. Ülejäänud saadikud kuulusid ETP oportunistlikku tiiba. Neist P. Abramson ja E. Pesur olid areteeritud, ega saanud riigikogu tööst osa võtta. 1926. aasta 6. juulil arutas riigikogu kohtuministeeriumi esitatud nõuet anda kohtule välja P. Abramson ja E. Pesur. Riigikogu rahuldaski ministeeriumi nõude P. Abramsoni suhtes, kuid keeldus välja andmast E. Pesurit.¹⁷ P. Abramsoni asemele kutsuti riigikogu tööst osa võtma ETP üks parempoolse tiiva liidreid T. Maurer.¹⁸ 1926. aasta

⁹ A. Lieberman. EKP taktika III ja IV Riigikogu valimistel. — Töid EKP ajaloo alalt III. Tallinn, 1968, lk. 183—208.

¹⁰ Ülevaade Eestimaa Kommunistliku Partei ajaloost. II osa (aastad 1920—1940). Tallinn, 1963, lk. 141—142, 192.

¹¹ O. Kuuli. Ühise võitluslipu alla. (Eestimaa Kommunistliku Partei võitlus sidemete tugevdamise eest töörahvahulkadega aastail 1929—1934). Tallinn, 1961, lk. 90—93.

¹² III Riigikogu valimised 15—17. mail 1926. Tallinn, 1927, lk. 20.

¹³ ENSV ORKA, f. 80, nim. 3, sü. 220, l. 2.

¹⁴ EKPA, f. 7387, nim. 1, sü. 2, l. 7.

¹⁵ III Riigikogu protokollid. I istungjärk 1926, veerg. 1.

¹⁶ EKPA, f. 24, nim. 2, sü. 1037, l. 11.

¹⁷ III Riigikogu protokollid. I istungjärk 1926, veerg 72.

¹⁸ Sealsamas, veerg 74—75.

detsembris läks ETP parempoolne tiib üle avalikule rünnakule revolutsioonilise tiiva vastu.¹⁹ Samasugune olukord kujunes riigikogurühmas. Kasutades oma arvulist ülekaalu, heitsid oportunistid kõigepealt rühmast välja A. Grimpeli. 16. detsembril esines A. Grimpel riigikogus kõnega, milles paljastas ETP parempoolse tiiva töörahvavaenulikkust olemust.²⁰ A. Grimpel jäi riigikogusse edasi erapooletuna, s. o. saadikuks väljaspool rühmi. 1927. aasta jaanuari algul kordus sama lugu A. Luigega. Ka tema jäi edasi riigikogusse erapooletuna.²¹ Rohkem kui aasta jooksul olukord enam ei muutunud — ETP-d esindasid 4 oportunistliku tiiva esindajat, kusjuures 2 selle rühma endist revolutsioonilist tegelast jäid tegutsema väljaspool rühmi. 1928. aastal olukord mõneti muutus. Revolutsioonilise tegevuse tõttu ähvardas A. Luike ja A. Grimpelit areteerimine ning vangla. Mõlemad olid illegaalsel teel sunnitud lahkuma Nõukogude Liitu. Ühtlasi langesid nad riigikogu koosseisust välja. 8. mail tuli riigikogusse A. Luige asemele revolutsioonilise tööliikumise aktivist K. Veiss.²² Sama aasta 6. detsembril asendas A. Grimpelit M. Krents, kellel ilmselt polnud oma kindlat maailmavaadet ega seisukohti käimasoleva klassivõitluse suhtes ja kes nähtavasti ei etendanud ka riigikogu töös kuigi olulist osa.²³ K. Veiss ja M. Krents alustasid riigikogus uuesti tegevust ETP rühma koosseisus.

EKP poolt valitud taktika järjekindel elluviimine ETP suhtes, selle pidev revolutsioneerumine viis 1929. aasta jaanuaris toimunud ETP III kongressil parempoolse tiiva väljaheitmiseni parteist. 22. jaanuaril teatas K. Veiss ETP Keskkomitee nimel, et partei riigikogurühmast on välja langenud H. Martinson, A. Sprenk, E. Pesur ja T. Maurer.²⁴ Sellele vastuseks teatas parempoolne tiib 25. jaanuaril K. Veissi väljaheitmisest ETP riigikogurühmast ja M. Krentsi rühmaga uuesti ühinemisest.²⁵ Olukord muutus keeruliseks. Parempoolsetel tekkis oht välja langeda riigikogu koosseisust, kuid just riigikogu kohtade eest olidki need poliitilist võitlust pidanud ETP rajamisest alates. Kui parteist õnnestus parempoolsed III kongressil välja tõrjuda, siis riigikogu kodukorra ja kujunenud olukorra tõttu polnud riigikogus seda nii lihtne teha. Ühtlasi hakkasid parempoolsed tegelased aru saama oma olukorra ebakindlusest. 26. märtsil 1929 teatasid A. Pesur ja

¹⁹ O. Kuuli, A. Liebman. Ühest eesti töölisparteist. — «Eesti Kommunist», 1961, nr. 6, lk. 24—25.

²⁰ III Riigikogu protokollid. II istungjärg 1926, veerg. 974.

²¹ III Riigikogu protokollid. III istungjärg 1927, veerg. 4.

²² III Riigikogu protokollid. VI istungjärg 1928, veerg. 127.

²³ III Riigikogu protokollid. VII istungjärg 1928, veerg. 894. 27. detsembril 1928 astus M. Krents ETP riigikogurühmast välja ja jäi edasi tegutsema väljaspool rühmi.

²⁴ III Riigikogu protokollid. VIII istungjärg 1929, veerg. 10.

²⁵ III Riigikogu protokollid. VIII istungjärg 1929, veerg. 51.

H. Martinson ametlikult ühinemisest sotsiaaldemokraatliku partei riigikogurühmaga,²⁶ paljastades selle sammuga oma tõelised poliitilised vaated, mida nad ETP rajamise päevil olid hoolega varjanud. Vastavalt 25. jaanuari teadaandele pidi ka K. Veiss jääma riigikogus edaspidi väljaspool rühmi tegutsevaks. ETP riigikogurühma moodustasid M. Krents, T. Maurer, A. Sprenk, kellel täielikult puudus partei toetus. Sellises olukorras lõppeski III Riigikogu töö 1929. aasta suvel.

Revolutsioonilise töölisliikumise esindajad töötasid III Riigikogus väga rasketes organisatsioonilistes tingimustes. Need asjaolud määrasid suurelt osalt ka revolutsiooniliste tööliisadikute tegevuse iseloomu.

ETP oportunistlikud juhid hindasid tegevust kodanlikus parlamendis väga kõrgelt. Nad olid arvamisel, et riigikogu «selleks tähtsaks abinõuks on, et tööliklassi ainelise ja vaimlise seiskorra tõstmiseks tähtsaid uuendusi ellu viia». Teise ülesandena rõhutasid ETP juhid, et riigikogu on «väga tähtis vahend, kus töölisid endid tegelikult oma tulevaste ülesannete kohaselt ette valmistada võivad, mis peale kapitalismi kukutamist ülitähtis on.»²⁷ Niisiis rõhutati riigikogu kahte funktsiooni — ühelt poolt reformide saavutamist ja teiselt poolt riigikogu kui kasvatusvahendit tulevastele riigijuhtidele. See ei vasta kaugeltki aga neile ülesannetele, mida seadsid endile marksistid, võttes osa kodanliku parlamendi tegevusest. Siit tulenesid juba põhimõttelised lahkkelid revolutsioonilise ja oportunistliku suuna esindajate vahel riigikogus, mis kordkorralt üha süvenesid, ning takistasid edukat ühist tegevust. Samal ajal ei tohi unustada, et ka ETP parempoolsed tegelased riigikogus eisaanud täielikult ignoreerida oma valijate, s. o. tööliste ja talupoegade tahet, ning pidid endid sageli näitama küllaltki revolutsioonilistena. Seejärest ühinesid oportunistid mõnigi kord revolutsiooniliste tööliisadikute aktsioonidega riigikogus.

Revolutsioonilise töölisliikumise saadikud tegutsesid riigikogus EKP juhtnööride alusel. EKP põrandaalusel organisatsioonil oli tihe side kommunist A. Luigega. A. Grimpel kohtus korduvalt isiklikult põrandaaluse parteiorganisatsiooni vastutava töötaja A. Leineriga.²⁸ Riigikoguliikmete töö juhtimisel andis ennast siiski tunda EKP väga keerukas organisatsiooniline olukord ja vilunud, suurte võitluskogemustega kaadri vähesus.

Revolutsioonilise töölisliikumise suuna esindajad riigikogus püüdsid ära kasutada võimalusi ajutiste pahempoolsete koalitsioonide loomiseks, et võidelda ühe või teise seaduseelnõu eest,

²⁶ III Riigikogu protokollid. VIII istungjärk 1929, veerg 1755.

²⁷ Eesti Tööliste Partei programm ja taktika. ETP Keskkomitee väljaanne nr. 1. Tallinn, 1927, lk. 14—15.

²⁸ EKPA, f. 6495, nim. 1, sü. 190, l. 115.

mis oleks kergendanud töötava rahva olukorda. Iseseisvalt esinesid nad kõige sagedamini otseste riigi väärnähtusi paljastavate küsimustega valitsuse liikmetele, protestidega ja agitatsioonikõnedega küsimuste kohta, mida võeti arutusele kodanlike rühmade ettepanekul.

Üheks esimeseks aktsiooniks töötava rahva majanduslike huvide eest võitlemisel III Riigikogus oli ETP riigikogurühma poolt 1926. aasta 23. juunil esitatud seaduseelnõu, millega taotleti sama aasta 15. juuliks madalapalgalistele riigiteenijatele ja töölistele ühekordse riikliku toetuse maksmist. Kuigi siin nähtavasti arvestati pahempoolse koalitsiooni tekke võimalust, mis oleks kergendanud seaduse läbisurumist, õnnestus kodanlikel rühmadel vastav seaduseelnõu siiski läbi kukutada.²⁹

Töötava rahva laiu hulki puudutas teine seaduseelnõu, mis käsitles palkade alammäärade kindlaksmääramist. Eelnõu toetasid nii ETP kui ka riigikogu arvukaim, sotsiaaldemokraatide rühm. Mitmetel ettekäanel õnnestus kodanlikel rühmadel eelnõu suunata täiendavale töötlemisele, hiljem see aga juba lõplikult läbi kukutada.³⁰ Faktid töötavaid inimesi huvitavate seaduseelnõude läbikukutamisest kodanlikus parlamendis olid heaks agitatsiooni- ja propagandavahendiks riigikogu klassiolemuse ja jõuetuse paljastamisel. Seda kasutasid A. Grimpel, A. Luik ja hiljem K. Veiss korduvalt oma kõnedes ära, samuti revolutsioonilises tegevuses väljaspool parlamenti.

Töötajate majanduslike huvide eest võitlemise aktiivsemaks vormiks oli arupärimisettepanekute tegemine valitsusele. Kodanliku riigi põhiseaduse ja riigikogu kodukorra sätted nägid ette, et arupärimisettepanekut valitsusele pidi toetama vähemalt 1/4 riigikogu koosseisust, s. o. 25 liiget.³¹ Alles seejärel loeti ettepanek vastuvõetuks ja valitsus pidi sellele vastama. ETP riigikogurühm ei saanud iseseisvalt läbi viia ühtegi arupärimisettepanekut. Seepärast püüti esitada selliseid ettepanekuid, millega ühineksid ka sotsiaaldemokraatliku partei parlamendirühm. Arupärimisettepanekute tegemise protsess ise, vaatamata tulemustele, andis häid võimalusi kodanliku riigi varjukülgede paljastamiseks riigikogus. Arupärimiste esitamisel oli iseloomulik, et tavaliselt puudutasid need ühte osa või gruppi töötajatest, tihti aga isegi üksikisikuid.

Andmeid väärnähtustest või erakordselt rasketest majanduslikest tingimustest ühes või teises kohas said parlamendiliikmed kas töölisorganisatsioonidelt või oma ringsõitudelt riigis. 1926. aastal esitas ETP riigikogurühm näiteks arupärimisettepaneku

²⁹ III Riigikogu protokollid. I istungjärg 1926, veerg 42.

³⁰ III Riigikogu protokollid IV istungjärg 1927, veerg 247.

³¹ Riigikogu kodukord. Põhiseadus. Põhiseaduse maksmapaneku seadus. Tallinn, 1924, lk. 33.

tööliste palkade järsu languse kohta Kreenholmi vabrikus ja vabrikuvälitsemise kohta, samuti ühe raudtee politseikomissari tegevuse kohta, kes sundis riigiteenijaid töötama oma isiklikes huvides.³² Mõlemad arupärimisettepanekud lükati riigikogu poolt tagasi. III Riigikogu II istungjärgul tegid ETP riigikogurühm arupärimisettepaneku Kohtla-Järve põlevkivitööstuse tööliste äärmiselt raskete elukondlike ja majanduslike tingimuste kohta. A. Grimpeli täiendav sõnavõtt selgitas konkreetset olukorda üksikutes kaevandustes.³³ Ettepanek kogus vajaliku arvu hääli ja valitsus pidi sellele vastama. 1926. aasta 11. novembri koosolekul vastas kaubanduse ja tööstuse minister K. Kornel, kes eitas arupärimises esiletoodud fakte.³⁴ ETP rühm ei rahuldunud seletusega, ning nõudis küsimuse eraldi arutamist. 18. novembri koosolekul jätkuski küsimuse arutelu. ETP esindajad nõudsid, et moodustataks valitsuse erikomisjon, olukorra uurimiseks Kohtla-Järve kaevandustes. Riigikogu lükkas selle ettepaneku tagasi, ning mingit sisulist otsust vastu võtmata läks päevakorras edasi.³⁵ Arupärimine ei kergendanud vähemalgi määral kaevandustööliste olukorda, kuid näitas kaevuritele, kuidas kodanlik parlament reageerib tööliste raskele olukorrale.

Ulatuslikult kasutasid revolutsioonilise töölisliikumise esindajad riigikogus küsimuste esitamise võimalust. Küsimusi valitsuse liikmetele võis iga riigikoguliige esitada individuaalselt, mistõttu seda töövormi oli võimalik kasutada sõltumata oportunistlikest saadikutest. Riigikogu kodukorra reeglite kohaselt ei tohtinud küsimus «sisaldada üleskutset kuritegevusele, haavavaid ütlusi, põhjendusi, tagajärgede kokkuvõtmist ega iseloomustusi.»³⁶ Toetudes sellele kodukorra punktile, avanes riigikogu juhatusel siiski küllaldaselt võimalusi leida teravatoonilistes küsimustes «haavavaid ütlusi» ja need tagasi lükata. Küsimustega pöördusid A. Grimpel, A. Luik ja K. Veiss sageli otseselt mõne valitsuse liikme poole selgituse saamiseks, miks ühele või teisele inimesele on ülekohut tehtud või seadusest mööda mindud. Taoliste küsimustega esitati eriti tihti rentnike ja väikemaaomanike muresid, kes kannatasid seaduseväänamise või ülekohtu all.³⁷ Revolutsiooniliste tööliissaadikute küsimused olid valitsuse liikmetele küllaltki ebameeldivad ning nii mõnigi kord

³² III Riigikogu protokollid. II istungjärg 1926, veerg 490—493.

³³ Sealsamas, veerg 15—21.

³⁴ Sealsamas, veerg 277—279.

³⁵ Sealsamas, veerg 409.

³⁶ Riigikogu kodukord. Põhiseadus. Põhiseaduse maksmapaneku seadus, lk. 36.

³⁷ Vt. näiteks III Riigikogu protokollid, II istungjärg 1926, veerg 1911—1912.

pidi küsitav oma reputatsiooni säilitamiseks võtma tarvitusele abinõud, et neid küsimusi lahendada.

Käsitletud töövorme riigikogus kasutasid tööliissaadikud ka poliitilisteks paljastusteks. Arupärimisettepanekud ja küsimused poliitika valdkonnas ühtisid väga harva sotsiaaldemokraatide rühma omadega. Kui majanduslike probleemide valdkonnas leiti riigikogus sagedamini ühist keelt, siis poliitilistes küsimustes ei rünnanud sotsiaaldemokraadid kodanliku ühiskonna aluseid. ETP oportunistlikud esindajad olid aga mõnigi kord sunnitud ühinema revolutsiooniliste saadikute poolt tõstatatud teravate poliitiliste küsimustega, et püüda endid valijate silmis õigustada. Oli ka olukordi, kus sotsiaaldemokraadid ja revolutsioonilised tööliissaadikud esitasid küsimuse või tegid arupärimisettepaneku ühe ja sama asja kohta eraldi, kuna revolutsionääride valitud terav väljendusvorm ei olnud sotsiaaldemokraatidele vastuvõetav. III Riigikogu I istungjärgul 1926. aasta augustis esitas ETP rühm arupärimisettepaneku valitsusele seoses repressioonidega, mida politseivõimud olid rakendanud juulikuu lõpul Kreenholmi vabrikus streigi mahasurumisel. Terava süüdistusega politseivõimude aadressil esines riigikogu kõnetoolilt A. Grimpel. Arupärimisettepanek lükati tagasi.³⁸ Sama asja kohta tegid arupärimise ettepaneku ka sotsiaaldemokraadid, kuid palju pehmemas vormis. Nende esitatud arupärimisettepanek läks käiku. Valitsuse nimel esines siseminister H. Laretei, kes eitas esitatud süüdistusi, püüdes ühtlasi tõendada, et sõjaseaduse piirkonnas on politseil vabad käed streikide mahasurumiseks. Sotsiaaldemokraadid ei rahuldunud seletusega ja riigikogus avati vaidlused. Seda kasutasid ära revolutsioonilised tööliissaadikud. Nad valgustasid Kreenholmi sündmusi riigikogu kõnetoolilt tööliklassi seisukohtadelt. Koos sotsiaaldemokraatidega pandi ette kehtestada vormel, millega riigikogu peab lubamatuks sõjaväe vahelesegamist majanduslikku streiki ja töölistele surve avaldamist. Riigikogus kukutati see ettepanek läbi, ning mindi järjekordselt ilma mingi sisulise otsuseta päevakorras edasi.³⁹ Kreenholmi streigile relvastatud vahelesegamine tähendas otseselt kodanliku demokraatiaga garanteeritud õiguste ja vabaduste jalge alla tallamist. Niisugustest juhtumitest rääkisid revolutsioonilised riigikoguliikmed avalikkuse ees veel korduvalt. 1926. aasta novembris esitasid riigikogus küsimuse olukorra kohta Tallinna sadamas, kus korraldati haaranguid, areteeriti töölisi ja töötada lubati ainult kaitsepolitsei eriloaga. Sõjaminister J. Soots pidi tunnistama, et selline olukord valitseb sadamas tõepoolest.⁴⁰ 1927. aastal tekitas riigikogus ärevust töötute demonstratsiooni,

³⁸ III Riigikogu protokollid, I istungjärg 1926, veerg 237—240.

³⁹ III Riigikogu protokollid, II istungjärg 1926, veerg 6—7, 47—48, 60—61.

⁴⁰ Sealsamas, veerg 488, 760—762.

mis üritas pääseda valitsuse hoonete juurde, laialiajamine sõjaväe poolt.⁴¹ Sügava nõrdimusega protesteeris A. Grimpel samal aastal revolutsioonilise töölisajalehe «Uus Kiir» ebaseadusliku sulgemise vastu.⁴²

Teatud koostöö moment sotsiaaldemokraatide, ETP oportunistlike ja revolutsiooniliste tööliisaadikute vahel tekkis sotsiaaldemokraatide esitatud amnestiaseaduse arutamisel. Eelnõu oli esitatud II Riigikogule, arutus toimus III Riigikogu II istungjärgul 1926. aasta novembrikuus. Seaduseelnõu oli vägagi tagasihoidlik, kuid puudutas Tööraha Ühise Väerinna vangistatud tegelaste saatust. Revolutsioonilised saadikud toetasid seaduseelnõu, kuid kritiseerisid seda ühtlasi pahemalt poolt. Kirgliku kõnega esines amnestiaseaduse kaitseks A. Grimpel, näidates, et kodanlus hoiab vanglates just neid inimesi, «kes tahavad rahvale head teha, kes suudaksid paremini asju ajada ja korraldada.» Ta juhtis riigikogu tähelepanu ka asjaolule, et töötav rahvas esitas riigikogu valimiskampaanias nõude poliitvangide vabastamiseks.⁴³ Ka selle seaduseelnõu kukutasid kodanlikud erakonnad riigikogus läbi.⁴⁴

Kodanlikus vanglas viibivad kommunistid olid organiseeritud, ning pidasid sidet põrandaaluse EKP-ga. Seetõttu olid revolutsioonilised tööliisaadikud informeeritud olukorrast vanglates, mis võimaldas neil riigikogu kõnetoolilt välja astuda poliitvangide kaitseks. A. Grimpel, A. Luik ja K. Veiss esinesid III Riigikogus poliitvangide kaitseks küsimuste ja järelepärimistega, samuti erakorraliste teadaannetega. 1926. aasta novembrikuus nõudis ETP riigikogurühm valitsuskomisjoni moodustamist poliitvangi D. Pärna piinamise asjus. Ettepanek lükati riigikogu poolt tagasi.⁴⁵ 1927. aasta aprillis esitati järelepärimine olukorra kohta Pärnu vanglas, kus poliitvangi O. Künnapuud hoiti kuude kaupa ebaseaduslikult üksikvangistuses.⁴⁶ Sama aasta oktoobris päriti aru vahialuste piinamise kohta poliitilises politseis.⁴⁷

Seaduseprojektide, arupärimisettepanekute, küsimuste, erakorraliste teadaannete jms. esitamise kõrval kasutasid A. Grimpel, A. Luik ja K. Veiss oma revolutsiooniliste vaadete propageerimiseks ära erakondade jagelusi valitsuse deklaratsioonide, eelarvete jne. arutamisel, mis hõlmasid põhilise aja riigikogu tegevusest.

Uue, järjekordse kodanliku valitsuse moodustamise puhul hääletas ETP rühm traditsiooniliselt selle vastu, ühtlasi näidates, et

⁴¹ III Riigikogu protokollid. II istungjärg 1929, veerg 843—844.

⁴² III Riigikogu protokollid, IV istungjärg 1927, veerg 211, 254.

⁴³ III Riigikogu protokollid. II istungjärg 1926, veerg 256—260.

⁴⁴ Sealsamas.

⁴⁵ Sealsamas, veerg 96, 395—396.

⁴⁶ III Riigikogu protokollid. III istungjärg 1927, veerg 1491—1492, 1644.

⁴⁷ III Riigikogu protokollid. IV istungjärg 1927, veerg 256—257.

töörahas ei looda uuel valitsuselt midagi head. Järjekordse valitsuskriisi puhul, kui riigikogus valitsusele umbusaldust avaldati, kasutasid revolutsioonilised saadikud seda oma agitatsioonis ära loogilise jätkuna valitsuse moodustamisel võetud seisukohale.⁴⁸ Valitsuse deklaratsiooni puhul, mis andis häid võimalusi pikema-tekks sõnavõttudeks, esinesid töölisdelegaadid teravate paljastustega kodanluse aadressil, minnes seejuures tihti üldse mööda deklaratsiooni sisust. Siin avaldusid ka radikaalsed erinevused oportunistlike tegelaste sõnavõttudest. Viimased püüdsid kritiseerida üksikuid deklaratsiooni osi ja seda vastuvõetavamaks teha töötava rahva seisukohalt, mis viis sisuliselt klassivastuolude kinnimätsimisele.

1926. aasta 31. juulil toimunud valitsuse deklaratsiooni vaidluskoosolekul peatus A. Grimpel oma kõnes näiteks pikemalt poliitvangide väga raskel olukorral.⁴⁹ 1927. aasta 13. märtsil järjekordselt moodustatud valitsuse deklaratsiooni puhul esitas A. Grimpel revolutsioonilise töölisliikumise seisukohad kodanluse välispoliitika suhtes sõja ja rahu küsimuses. A. Grimpel väitis, et kui uus valitsus kuulutab oma deklaratsioonis, et ta tahab rahu, siis ometi tehakse samal ajal kiireloomulisi sõjalisi ettevalmistusi alates kasarmute ehitamise laiendamisest, armee suurendamisest, noorsoo militariseerimisest jne. Oma kõne lõpus rõhutas A. Grimpel riigikogu ja valitsuse koosseisu mittevastavust töötava rahva soovidele.⁵⁰ 1927. a. 15. detsembril uue valitsuse deklaratsiooni puhul esinedes, ründas A. Grimpel kodanliku riigi kulutusi sõjaväele, nõudes vastavate summade suunamist hoopis majanduse valdkonda. Ühtlasi esitas ta valitsusele tööliklassi nõudmise viivitamatu majandusleppe sõlmimiseks Nõukogude Liiduga.⁵¹

Oma revolutsiooniliste vaadete propageerimiseks kasutasid A. Grimpel, A. Luik ja K. Veiss iga-aastasi eelarveavaldusi riigikogus. Töölise esindajad lähtusid siin V. I. Lenini näpunäidetest, et kommunistid kodanlikus parlamendis ei tohi hääletada riigieelarve poolt. Ka «hääletamist klassiriigi eelarve üksikute paragrahvide poolt, mis teevad seaduslikuks kulutused masside rõhumise abinõudele (sõjavägi jm.), tunnistatakse samuti lubamatuks.»⁵² Nimetatud vaidluste puhul näitasid revolutsioonilised saadikud tavaliselt töörahvast huvitavate eelarvesummade mittevastavust vajadustele. 1927. aasta eelarve arutamise käigus nõudis näiteks A. Luik, et suurendataks eelarvelisi kulutusi vangide ülalpidamiseks. Selle ettepaneku lükkas riigikogu muidugi tagasi.⁵³ 1929.

⁴⁸ III Riigikogu protokollid. II istungjärg 1926, veerg 601—602.

⁴⁹ III Riigikogu protokollid. I istungjärg 1926, veerg 168—172.

⁵⁰ III Riigikogu protokollid. III istungjärg 1927, veerg 970—976.

⁵¹ III Riigikogu protokollid. IV istungjärg 1927, veerg 921—923.

⁵² V. I. Lenin, VSDTP (ülevenemaaline) konverents. — Teosed. 15. kd., lk. 296.

⁵³ III Riigikogu protokollid. III istungjärg 1927, veerg 1257—1258, 1387.

aasta eelarve arutamise ajal astus K. Veiss resolutselt Kaitseliidule kavatsitava toetuse andmise vastu. Teravatoonilises kõnes rõhutas K. Veiss, kuidas ühtegi tööliste olukorda kergendavat seadust pole riigikogus rahapuuduse ettekäändel läbi lastud, kuid organisatsiooni, mille ülesandeks on töölisliikumise purustamine, ollakse valmis ohtralt toetama. K. Veiss kutsus üles sotsiaaldemokraate hääletama selle poolt, et arutatavas eelarves määrataks tööpuuduse vastu võitlemiseks 200.000 krooni. Riigikogu lükkas tema ettepaneku tagasi.⁵⁴

Teravalt protesteerisid tööliselindajad mitmesuguste kodanluse poolt korraldatavate ürituste läbiviimiseks määratavate lisakrediitide vastu. Nii protesteeris A. Grimpel 1928. aasta veebruaris lisakrediitide määramise vastu kodanliku vabariigi 10. aastapäeva pühitsemiseks.⁵⁵ Sama aasta kevadel kui IX laulupeo komisjon nõudis riigikogult 40 000 krooni ulatuses lisakrediiti, märkis A. Grimpel riigikogu kõnetoolilt, et töölistele valmistaks laulupeost palju suuremat rõõmu selle 40 000 krooni jaotamine toetusena, mille eest nad saaksid leiba osta.⁵⁶

Kokkuvõttes võib öelda, et revolutsioonilised töölisraadikud pidid riigikogus tegutsema äärmiselt rasketes organisatsioonilistes tingimustes, kus ühe rühma piirides eraldus selgelt kaks erinevat tegevusjoont — oportunistlik ja revolutsiooniline. Revolutsioonilise liikumise esindajad tegid sellest hoolimata suuri pingutusi, et kasutada kodanliku parlamendi tribüüni tööliste kasvatamiseks, kommunistlikuks agitatsiooniks ja propagandaks aga ka võitluseks töörahva olukorra kergendamise eest. Nad püüdsid oskuslikult ära kasutada kodanlike erakondade vastuolusid, eriti aga ETP oportunistlike tegelaste ja sotsiaaldemokraatide vastuolusid kodanlike rühmitustega. Raadikud ei olnud oma võitluses üksinda. Neid toetasid aktiivselt EKP juhtimisel tegutsevad revolutsioonilised töölisorganisatsioonid ja töölisajakirjandus.

II

1929. aastal, IV Riigikogu valimistel kasutas illegaalne EKP uuesti ETP-d oma esindajate viimiseks riigikogusse. Nagu juba märgitud, töötas see partei 1929. aasta jaanuarikuust täielikult EKP mõju all. Valimistel sai ETP poolt esitatud kandidaatide nimekiri 31 094 häält, mis kindlustas uuesti kuus kohta riigikogus.⁵⁷ IV Riigikogu I istungjärgul alustas rühm tegevust järgmises koosseisus: V. Kaaver, A. Kirikal, F. Hist, O. Tork, L. Käär,

⁵⁴ III Riigikogu protokollid. VIII istungjärg 1929, veerg 1461—1463, 1735.

⁵⁵ III Riigikogu protokollid. V istungjärg 1928, veerg 321—323.

⁵⁶ III Riigikogu protokollid. VI istungjärg 1928, veerg 609.

⁵⁷ IV Riigikogu valimised 11- 13 maini 1929, Tallinn, 1929, lk. 22.

T. Schmidt.⁵⁸ Rühma esimeheks sai A. Kirikal, sekretäriks L. Käär, laekuriks T. Schmidt.⁵⁹ Rühma liikmed hakkasid osa võtma üheksa riigikogukomisjoni tööst.⁶⁰ Kui võrrelda organisatsioonilisest küljest uut rühma III Riigikogu ETP rühmaga, siis nüüd oli ETP delegatsioon tugevam ja monoliitsem. Rühma kuulusid juba küllaltki kindlalt marksistliku maailmavaate omandanud revolutsioonilised töölised ja haritlased (V. Kaaver, A. Kirikal, L. Käär). Mõnda aeda olid kuuest rühma liikmest neli EKP liikmed.⁶¹ Samal ajal aga ei saa öelda, et kõik rühma liikmed oleksid olnud võrdväärsete omaduste ja võimetega. Raskekujulise tuberkuloosi tõttu oli raskendatud Tartu metallitöölise, töölisvanema O. Torki osavõtt riigikogu tööst. 1930. aasta märtsis ta suri.⁶² Kodanliku poliitilise politsei poolt hirmutati ära EKP liige F. Hist, kes loobus partei ülesandeid täitmast, ning heideti EKP ridadest välja.⁶³ 17. detsembril 1929. aastal heideti ta välja ka ETP riigikogurühmast.⁶⁴ Rühma distsipliini rikkus pidevalt T. Schmidt, kes teiste rühma liikmete iseloomustuste järgi paistis silma lõtvade elukommetega ning polnud kuigi aktiivne rühma tegevuses.⁶⁵ Eba-kindlate liikmete käitumine tekitas ka teatud rühmasiseseid lahkemisi. 1929. aasta detsembris, peale F. Histi väljaheitmist rühmast, hakkasid teised rühma liikmed kartma V. Kaaveri väga julgeid ja poliitiliselt teravaid esinemisi riigikogus, mis nende arvates võis kaasa tuua repressioone. EKP Keskkomitee Illegaalne Büroo kiitis V. Kaaveri taktika õigeaks, soovitades ülejäänutel karuse korral riigikogust lahkuda.⁶⁶

ETP riigikogurühm tegutses aktiivselt esimese kahe ja osaliselt ka kolmanda istungjärgu kestel. 1930. aasta kevadel läks kodanlus üle ulatuslikele repressioonidele partei vastu, ning 5. aprillil 1930 ETP suleti. Riigikogusse jäid erapooletutena T. Schmidt, A. Kirikal ja K. Kanep (tuli riigikogusse O. Torki asemel), kellel nüüdsest puudus revolutsiooniliste töölisorganisatsioonide toetus ja kelle tegevus seetõttu oli vähe aktiivne. IV Riigikogu edaspidises tegevuses toimus nende saadikute lähenemine sotsiaaldemokraatidele.⁶⁷

⁵⁸ Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. I istungjärg 1929, lk. 1.

⁵⁹ ENSV ORKA, f. 80, nim. 4, s-ü. 210, l. 40.

⁶⁰ Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. I istungjärg 1929, lk. 5–6.

⁶¹ A. Lieberman, EKP taktika III ja IV Riigikogu valimistel. — Töid EKP ajaloo alalt III, lk. 206.

⁶² Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. III istungjärg 1930, lk. 750.

⁶³ EKPA, f. 6495, nim. 1, s-ü. 208, l. 29–30.

⁶⁴ Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. II istungjärg 1929, lk. 329.

⁶⁵ EKPA, f. 27, nim. 10, sü. 97, l. 7.

⁶⁶ EKPA, f. 6459, nim. 1, sü. 219, l. 133.

⁶⁷ Vt. Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. III istungjärg 1930, lk. 829. ENSV ORKA f. 80, nim. 4, sü. 1312, l. 1.

EKP püüdis IV Riigikogu töölissaadikuid juhtida veelgi aktiivsemalt kui III Riigikogus seda oli suudetud teha. EKP 1929. aasta jaanuarikonverentsil vastuvõetud programmis määratleti selgelt, et riigikogu kõnetooli kasutab partei «kodanliku korra ja ta kaitsjate... järjekindlaks paljastamiseks ja oma programmi propageerimiseks». ⁶⁸ EKP keskorganid töötasid ETP rühma jaoks IV Riigikogus välja kodukorra ja taktika, mida rühma koosolekutel arutati. ⁶⁹ EKP Keskkomitee Illegaalse Büroo vastutava organisaatori J. Paulmanni andmetel võeti EKP poolt esitatud rühma kodukord kohe vastu, kuid taktika arutamisel tekkisid rühmas lahkkelid, ning see jäigi ametlikult rühma poolt vastu võtmata. ⁷⁰ Peale nimetatud abinõude kohtusid ETP riigikogurühma üksikud liikmed (A. Kirikal, V. Kaaver, L. Käär) Illbüroo töötajatega jooksivate küsimuste lahendamiseks ja kooskõlastamiseks. ⁷¹ Tunduvalt raskendasid riigikogurühma tegevust aga EKP vead ETP juhtimisel tervikuna, ning sellest kujunenud ebanormaalsed suhted legaalseste töölisaktivistide ja illegaalse parteiorganisatsiooni vahel. ⁷²

Ka EKP mõju all töötavad legaalsed revolutsioonilised töölisliikumise organisatsioonid püüdsid omapoolset abi osutada riigikogurühma tegevusele. 1929. aasta jaanuaris toimunud ETP III kongressi sõnavõttudes üldistati puudusi, mis esinesid III Riigikogu töölissaadikute tegevuses. ⁷³ Küllaltki põhjalikult puudutati riigikogurühma distsipliini küsimust ja ülesandeid ETP hääleandja veergudel. ⁷⁴

IV Riigikogu rühma tegevuse vormid ei erinenud oluliselt eelmise koosseisu kasutatud vormidest. Küll aga oli nüüd iseloomulikum suurem aktiivsus, ründavam joon. Riigikogu kõnetooli kasutati poliitilisteks paljastusteks ja marksismi propageerimiseks efektiivsemalt. Iga esinemisega näitasid ETP riigikogurühma liikmed, et nad ei looda riigikogult mingisuguseid muudatusi kodanliku riigi poliitikas ega töörahva elu-olu radikaalset parandamist.

Ainus seaduseelnõu, mida töölissaadikud IV Riigikogule esitasid, puudutas töötutele ühekordse toetuse maksmist 1929. aasta jõulupühadeks. Riigikogu pidi nõustuma A. Kirikali ettepanekuga arutada seda küsimust ilma tavaliste formaalsusteta ja väljaspool järjekorda, et «töötatöölised pühadeks lausa nälga ei jääks». ⁷⁵ Sotsiaaldemokraadid toetasid ETP rühma esitatud seaduseelnõu. Valitsuse liikmed ruttasid seletama rahapuudust ja püüdsid eel-

⁶⁸ EKPA, f. 6495, nim. 1, sü. 207, l. 62.

⁶⁹ EKPA, f. 6495, nim. 1, sü. 233, l. 5, sü. 210, l. 125, 126—127.

⁷⁰ EKPA, f. 6495, nim. 1, sü. 233, l. 5.

⁷¹ EKPA, f. 6495, nim. 1, sü. 255, l. 89.

⁷² O. Kuuli, A. Liebman. Ühest eesti töölisparteist. «Eesti Kommunist», 1961, nr. 6, lk. 32—33.

⁷³ ENSV ORKA, f. 27, nim. 3, sü. 121, l. 490.

⁷⁴ Vt. näit. «Uus Edasi», 19. mai 1929; 25. mai 1929.

⁷⁵ Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. II istungjärk 1929, lk. 334.

nõu tagasi lükata. A. Kirikal tegi ettepaneku, mille kohaselt jõukamate põllumeeste jaoks planeeritud 500 000-kroonine toetus anda töötutele. Peale ägedaid vaidlusi lükkas riigikogu selle seaduseelnõu tagasi.⁷⁶

Revolutsioonilise töölisliikumise ja sotsiaaldemokraatide suhted olid tol perioodil üldiselt väga teravad. Peamiseks põhjuseks oli parempoolsete sotsiaaldemokraatide töörahva huvisid reetev poliitika. Tunda andsid mõningad sektantlikud vead kommunistlikus liikumises. Sellest hoolimata leidsid mõlema poole esindajad IV Riigikogus korduvalt ühise keele. Seejuures ei katkestanud ETP rühm hetkekski kriitikat sotsiaaldemokraatide aadressil. Peale ühise võitluse juba mainitud seaduseelnõu eest, ühinesid revolutsioonilised delegaadid sotsiaaldemokraatidega mitmeteks arupärimisteks valitsuselt. Nii esitati 1930. aasta veebruaris ühine arupärimine valitsusele sadama-ametnikkude õiguste kaitseks.⁷⁷ Samal kuul esitati veel teine ühine arupärimine tööliste elukorterrite ebaseadusliku lammutamise kohta maal.⁷⁸ Üldiselt kandis aga sotsiaaldemokraatide ja revolutsiooniliste tööliisaadikute koostöö riigikogus ülalnimetatud põhjustel juhuslikku iseloomu. Poliitilistes aktsioonides eriti, nii nagu III Riigikoguski, ühist keelt ei leitud.

Kahe poliitilist laadi arupärimisettepanekuga esines ETP rühm 1929. aasta 9. oktoobril. 1929. aasta suvel oli eesti kodanlus korraldanud suurejoonelise vastuvõtu Rootsi kuningale. Tööliisklass oli avaldanud juba enne kuninga vastuvõttu otsustavat protesti selle külaskäigu vastu. Seepärast oli suletud ka ETP häälekanal, ainuke legaalne revolutsiooniline töölisajaleht «Uus Edasi».⁷⁹ Nüüd nõudis ETP rühm valitsuselt aru, kui suured summad kulutati kuninga vastuvõtuks ja kust need summad võeti.⁸⁰ L. Käär märkis oma kõnes, et kui «Riigikogu liikmed oleksid võtnud vaevaks mõne käigu teha tööliste linnaosadesse, kui nad oleksid soovinud tutvuneda olukorraga, millistes peavad tööliised elama, siis ei oleks juletud säärasel häbematul kombel neid miljoneid õhku loopida.»⁸¹ Teine arupärimise ettepanek puudutas töölisajalehe «Uus Edasi» seadusevastast sulgemist.⁸² Mõlemad arupärimise ettepanekud lükati riigikogu poolt tagasi.

Nagu III Riigikogus, nii ka nüüd kasutasid revolutsioonilised tööliisaadikud võimalusi kodanliku demokraatia klassiolemuse paljastamiseks. 1930. aasta algul läks kodanlus üle järjekordsetele

⁷⁶ Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. II istungjärk 1929. lk. 336.

⁷⁷ Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. III istungjärk 1930, lk. 575.

⁷⁸ Sealsamas, lk. 676.

⁷⁹ ENSV ORKA, f. 1, nim. 7, sü. 1291, l. 12.

⁸⁰ Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. II istungjärk 1929. lk. 118.

⁸¹ Sealsamas.

⁸² Sealsamas, lk. 119–121.

aktiivsetele repressioonidele revolutsiooniliste töölisorganisatsioonide vastu. Revolutsioonilised riigikogusaadikud tõid politsei omavolitsemised avalikkuse ette. 20. veebruaril esitas L. Käär riigikogus erakorralise teadaande läbiotsimise kohta tema korteris. L. Kääri teadaandele järgnes V. Kaaveri sõnavõtt, kus näidati, et riigikogusaadiku isikupuutumatus rikkumine muutub politseile juba tavaks.⁸³

Oskuslikumalt kui varem kasutati agitatsiooniks ja propagandaks valitsuse deklaratsioonide, eelarvete ja kodanlike parteide esitatud seaduseelnõude arutamist. IV Riigikogu revolutsioonilised saadikud kasutasid siin ka ründavat taktikat. 1929. aasta 9. juulil, kui ametisse oli astunud järjekordne kodanlik valitsus, esines kõnega V. Kaaver. Ta kritiseeris teravalt uue valitsuse rahvavaenulikkku olemust. V. Kaaveri kõne katkestati ja temalt võeti ära sõnaõigus.⁸⁴ Peatselt, veel samal kuul algasid läbirääkimised uue valitsuse deklaratsiooni puhul. 26. juuli riigikogu koosolekul esines A. Kirikal. Ta valgustas põhjalikult kodanliku riigi majanduslikku allakäiku ja jõudis järeldusele, et see on tingitud majanduslike sidemete katkestamisest Nõukogude Liiduga. Oma sõnavõtu lõpus märkis A. Kirikal, et töörahvast ei rahulda ükski kodanlik valitsus ja et «ainult töötavad hulgad ise võivad oma olukorda parandada.»⁸⁵ Kohe A. Kirikali järel sai sõnaõiguse V. Kaaver. Kui Kirikal oli iseloomustanud kodanliku riigi arengu majanduslikku külge, siis Kaaver jätkas sise- ja välispoliitiliste küsimuste lahkamisega. V. Kaaver juhtis riigikogu tähelepanu fašistlike tendentside arengule riigis: V. Kaaveri esinemine katkestati kolme eelneva hoiatuse peale.⁸⁶ V. Kaaveri järel võttis kohe sõna F. Hist, kes jätkas tegelikult V. Kaaveri sõnavõttu katkestatud kohalt. Oma sõnavõtus teatas F. Hist, et ETP riigikogurühm lükkab deklaratsiooni tagasi ja seab selle asemel üles omad, töörahva huvidele vastavad nõudmised.⁸⁷ Järgnevalt esitatigi ETP vastudeklaratsioon, mis sisaldas põhjalikke töörahva osaliste nõudmiste programmi ja mis olid fikseeritud EKP 1929. aasta jaanuarikonverentsil vastuvõetud programmis. Ka esitatav vastudeklaratsioon tervikuna oli välja töötatud EKP poolt.⁸⁸ ETP riigikogurühma ründav taktika ja üksmeel avaldasid tugevat mõju. Ka sotsiaaldemokraadid ei nõustunud valitsuse programmiga. Revolutsioonilised töölissaadikud ja sotsiaaldemokraadid tegid ettepaneku

⁸³ Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. III istungjärg 1930, lk. 658—659.

⁸⁴ Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. I istungjärg. 1929. ik. 5—6.

⁸⁵ Sealsamas, lk. 25—29.

⁸⁶ Sealsamas, lk. 30—38.

⁸⁷ Sealsamas, lk. 36—37.

⁸⁸ EKPA, f. 6495, nim. 1. sü. 233, l. 5

valitsusele umbusalduse avaldamiseks, mis aga kodanlike erakondade enamusega tagasi lükati.

Ägedat reaktsiooni tekitas samal riigikogu koosolekul sõjaseaduse kehtivuse pikendamise küsimus. Sõjaseaduse pikendamise vastu esinesid L. Käär ja V. Kaaver, kusjuures V. Kaaver tegi oma kõnes järelduse, et kodanlik riigiaparaat tuleb purustada ja selle asemele ehitada uus proletaarne riik, alles siis on võimalik vabaneda sõjaseadustest ja vanglastest.⁸⁹ Ka sotsiaaldemokraadid ei toetanud sõjaseaduse pikendamist. Riigikogu võttis siiski vastu otsuse sõjaseaduse pikendamise kohta. 1929. aasta 4. detsembril esitas riigikogu kaitsekomisjon ettepaneku uueks sõjaseaduse pikendamiseks järgmiseks pooleks aastaks. Sel puhul tegi ETP rühm V. Kaaveri suu läbi teatavaks vastuettepaneku, kaotada kõikjal sõjaseadus järgmisel päeval kella 12-ks.⁹⁰ V. Kaaveri ettepanekut hääletamisele ei pandud ja sõjaseaduse kehtivust pikendati.

Age konflikt tekkis riigikogus 1930. aasta algul riigieelarve arutamise ajal. Ka nüüd kasutas ETP rühm samasugust taktikat kui 1929. aasta suvel järjekordse valitsuse deklaratsiooni vaidluste puhul. Vastastikku toetasid sõnavõttudega teineteist V. Kaaver ja A. Kirikal. 31. jaanuari koosolekul märkis A. Kirikal oma sõnavõtu, et töörahval tuleb kuristikku veerevat kodanlikku valitsust tagant tõugata, et vabastus saabuks kiiremini.⁹¹ 4. veebruari koosolekul arendas V. Kaaver A. Kirikali mõtteid edasi, paljastades teravas toonis kodanluse töölisvaenulikkude sisepoliitikat. Poole kõne pealt võeti V. Kaaverilt sõnaõigus ja tal keelati osa võtta kahest järgnevast riigikogu koosolekust. Kaaver jätkas kõnet, pööramata tähelepanu hoiatustele ja märkustele. Riigikogu juhatuse oli sunnitud kuulutama vaheaja ja politsei abiga eemaldama V. Kaaveri riigikogu ruumidest.⁹² Mitmeks järgnevaiks koosolekuks eemaldamine juhtus V. Kaaveril juba teistkordselt. 1929. aasta sügisel, kui riigikogu oli arutanud olukorda riigis, kõrvaldati Kaaver terava tooni pärast kolmeks koosolekuks.⁹³ Äärmiselt julgelt oli Kaaver esinenud ka 1929. aasta 5. novembri koosolekul riigikogus, kui arutati välisministri aruannet Rahvaste Liidu tööst. V. Kaaver näitas oma kõnes kapitalistlikes riikides üha tugevnevaid militarismi tendentse, vaenulikkude suhtumist Nõukogude

⁸⁹ Riigikogu IV istungjärg. Täielikud protokollid. I istungjärg 1929, lk. 40—43. V. Kaaveri mõlemad kõned sellel riigikogu koosolekul avaldati töölisajalehe «Meie Edasi» nr. 1 spetsiaalses lisas.

⁹⁰ Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. II istungjärg 1929, lk. 224.

⁹¹ Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. III istungjärg 1930, lk. 483.

⁹² Sealsamas, lk. 500—506.

⁹³ Riigikogu IV koosseis. Täielikud protokollid. II istungjärg 1929, lk. 77—81.

Liitu. Oma argumenteeritud kõnes toetus V. Kaaver V. I. Lenini teoste «Imperialism kui kapitalismi kõrgeim staadium» ja «Euroopa Ühendriikide loosungist» seisukohtadele.⁹⁴

Niisiis näeme, et IV Riigikogu esimeste istungi järkude ajal tegutses ETP rühm monoliitselt ja aktiivselt. Kasutades samu töövorme kui eelmiseski riigikogus, oldi nüüd palju ründavam, marksislikus agitatsioonis ja propagandas järjekindlam.

*

EKP oskusliku võitlustaktika tulemusel avanesid ka revolutsioonilise liikumise jaoks rasketel aegadel võimalused parlamendi tribüüni kasutamiseks. Mitmetele objektiivsetele ja subjektiivsetele raskustele vaatamata rakendasid revolutsioonilise töölisliikumise saadikud III Riigikogus (A. Luik, A. Grimpel, K. Veiss), samuti IV Riigikogus (V. Kaaver, A. Kirikal, L. Käär jt.) oma tegevuses edukalt leninlikku parlamenditaktikat. Vastavalt EKP juhtnööridele kasutasid nad parlamenditribüüni eeskätt kommunistlikuks propagandaks ja kodanliku riigi rahvavaenuliku poliitika paljastamiseks. Küllaltki oskuslikult kasutati ära kodanlike ning oportunistlike parlamendirühmade vahelisi lahkelsidid töölisklassi olukorda kergendavate ettepanekute läbiviimiseks. Revolutsioonilise töölisliikumise esindajate tegevus kodanliku riigi parlamendis aitas kaasa sotsialistliku revolutsiooni võidule Eestis 1940. aastal.

ДЕПУТАТЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ЭСТОНИИ В III И IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Ю. Ант

Резюме

В трудный для коммунистического движения период КП Эстонии умело использовала трибуну парламента для распространения своих идей и сплочения угнетенных на борьбу против капитала. Во время выборов в III и IV Госдуму Коммунистической партии удалось используя Эстонскую Рабочую Партию ввести в думу революционных деятелей рабочего движения. Умело применяя ленинскую парламентскую тактику, депутаты III Госдумы (А. Луйк, А. Гримпель, К. Вейсс) и IV Госдумы (В. Каавер, А. Кирикал, Л. Кяяр и др.) использовали разногласия между буржуазными и оппортунистическими парламентскими группами для постановки законодательных проектов по улучшению положения трудящихся. Но главным образом они использовали три-

⁹⁴ Sealsamas, lk. 139—143.

буну Госдумы для коммунистической пропаганды, для разоблачения политики буржуазного государства и для воспитания широких рабочих масс в духе идей марксизма-ленинизма. Деятельность революционных депутатов в буржуазном парламенте была вкладом в победу социалистической революции в 1940 году.

DEPUTIES OF THE ESTONIAN REVOLUTIONARY WORKERS MOVEMENT TO THE III AND IV PARLIAMENT

J. Ant

Summary

During a most difficult period for the communist movement the Estonian Communist Party (ECP) very skilfully used the Parliament-tribune for distributing their ideas, and also gathering the oppressed together for action against the capitalists. At the III (1926) ja IV (1929) Parliament elections the Communist Party succeeded, with the legal Estonian Workers' Party, to bring into the Parliament members of the CP and non-party activists of the revolutionary movement. Applying Lenin's parliament tactic, the III Parliament deputies (A. Luik, A. Grimpel, K. Veiss), and also the IV Parliament revolutionary delegates (V. Kaaver, A. Kirikal, L. Käär) used the discords of the bourgeois and opportunist groups to help the workers push through their suggestions to relieve their difficult situation. They mainly use the Parliament, respectively following the instructions of the ECP, for communist propaganda, to expose the hostility and enmity of the bourgeois politics, and cultivate the workers in the spirit of marxism-leninism. The activity of the revolutionary deputies in the bourgeois parliament made a good contribution to the victory of the socialist revolution in 1940.

EKP IDEELIS-POLIITILISEST KASVATUSTÖÖST TALURAHVA HULGAS

F. Kinkar

Esimeste sõjajärgsete aastate üheks pakilisemaks ülesandeks vabariigis oli laiahaardelise poliitilise selgitustöö korraldamine okupatsioonist vabastatud elanike hulgas.

Esmajoones tähendas see vajadust paljastada fašistide ning kodanlike natsionalistide levitatud Nõukogude-vastast laimu ja desinformatsiooni, kõrvaldada selle mõju elanikkonna teadvusest ja käitumisest. Oli vaja laialdaselt selgitada kommunistliku partei ja nõukogude võimu tõelisi, ainuüksi linna- ja maatöötajate elulistest huvidest lähtuvaid eesmärke. Võitlus kodanlik-natsionalistliku ning fašistliku ideoloogia mõju vastu töötavate rahvahulkade sotsialistliku teadvuse kujunemise eest oli sotsialismi ülesehitamise üks peamisi eeltingimusi vabariigis.

Eestimaa Kommunistlik Partei mõistis massilise kasvatustegevuse tohutut tähtsust antud olukorras ja tegi lühikese aja jooksul ära suure töö selleks, et praktiliselt taas luua poliitilise kasvatuse vahendite ning vormide süsteem.

Osa probleeme sellest valdkonnast on teaduslikus kirjanduses käsitletud (parteiharidus, agitatsioonitöö jt.).

Käesolevas kirjutises on autor püüdnud anda ülevaate EKP tegevusest ajakirjanduse, raadio, kultuurhariduslike asutuste ja kino töö organiseerimisel, nende osast ideelis-poliitilises kasvatustöös. Seejuures on silmas peetud esmajoones nende kasvatustöö vahendite osa maatöötajate sotsialistliku teadvuse kujundamisel massilise kollektiviseerimise ettevalmistamise aastail (s. o. 1944—1948).

Artikli kirjutamisel on aluseks võetud peamiselt EKP arhiivis säilitatud vastavaid dokumente ja ajakirjanduse materjale, vähemal määral ka muid allikmaterjale.

* * *

Esimeste sõjajärgsete aastate ideelis-poliitilises töös on eriline koht parteiisel ajakirjandusel. See seletub üldtuntud leninliku põhimõttega ajalehest kui kollektiivsest propagandistist ja kollektiivsest agitaatorist ning ühtlasi organiseerivast jõust võitluses sotsialismi eest.

Vabariigi parteiorganisatsiooni erilise tähelepanu objektiks oli ajakirjanduse levitamine maal, kuna võimalused teistes vormides poliitilist selgitustööd teha olid siin esialgu piiratumad kui linnas, vajadus aga selle järele (arvesse võttes kulaklik-natsionalistliku nõukogudevaenuliku vastuagitatsiooni otsest mõju) suuremgi.

Kuid veelgi enam määras ajakirjanduse erilise koha ideelis-poliitilises töös asjaolu, et tegemist oli mitte ainult massilise, vaid ka (vaatamata kõigile raskustele) operatiivse informatsiooni vahendiga. Poliitiliste probleemide õigeaegne, võimalikult operatiivne selgitamine oli hädavajalik selleks, et anda vastulöökklassivaenulike elementide levitatavale desinformatsioonile.

Hoolitsedes ajakirjanduse taseme pideva tõusu eest, suunas EK(b)P Keskkomitee sellesse tööloiku järjest enam parteiiselt karastatud kaadrit. Ajakirjanduse vajaliku võitleva hoiaku ja ideelise taseme tähtsaks tagatiseks oli ka asjaolu, et selle üle oli võimalik teostada (ja teostati) vahetut, igapäevast parteilist juhtimist ning kontrolli.

Ajakirjanduse parteilise juhtimise üheks oluliseks vormiks oli nende küsimuste arutamine EK(b)P Keskkomitee bürool ja pleenumitel. Seda tehti neil aastail väga sageli, mis kinnitab vabariigi parteiorganisatsiooni suurt tähelepanu ajakirjanduse suhtes. Pidevalt tegelesid ajakirjanduse juhtimisega EK(b)P Keskkomitee propaganda- ja agitatsiooniosakond, selle ajakirjandussektor, partei maakonna- ja linnakomiteed.

Ajakirjanduse olukorda ja ülesandeid analüüsiti EK(b)P Keskkomitee V (1944. a. dets.) ja VI (1945. a. märts) pleenumil, samuti aga ka XIV (1946. a. dets.) ja XVII (1947. a. juuli) pleenumil ning EK(b)P V kongressil (1948. a. dets.). Ajakirjanduse ette seatud ülesanded vastuvõetud otsustes langesid kokku kogu massilise poliitilise töö ülesannetega. Erilist tähelepanu pöörati neis ajakirjanduse operatiivsele levikule, et tagada töotajate õigeaegne informeeritus tähtsamatest sisepoliitilistest ja rahvusvahelistest sündmustest.

EK(b)P Keskkomitee büroo vaagis sagedasti ja üksikasjalikult vabariiklike ning maakonna-ajalehtede tegevust, ajakirjanduse levitamist jms. Uus ajakirjanike kaader alles kujunes ning vajas seetõttu enam abi. Nii arutati 1945. aastal EK(b)P Keskkomitee büroo istungitel kahel korral ajalehe «Rahva Hääli» toimetuse tööd.¹ EK(b)P Keskkomitee büroo nõudis ajalehelt järje-

¹ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 192, l. 41—42; sü. 198, l. 13—15.

kindlamat võitlust kodanliku natsionalismi ja selle kandjate vastu, marksismi-leninismi teooria aktiivsemat propagandat, operatiivsust poliitilise informatsiooni esitamiseks, ajalehetöötajate poliitilise enesetäiendamise tõhustamist jne.

Büroo otsustes püstitati ka nõue — igas vallas peab ajalehel olema 1—2 kirjasaatjat-talupoega. See oli eriti vajalik, kuna esialgu «Rahva Hääle» veergudel kajastusid näiteks maareformi käik ja muudki talurahvast oluliselt huvitavad küsimused üsna lünklikult.

1945. aastal oli EK(b)P Keskkomitee bürool arutusel ka ajalehe «Noorte Hääle» ja ajakirja «Eesti Bolševik» toimetuse töö.² 1945. a. novembris arutati samas ka maakonnalehtede tööd. EK(b)P Keskkomitee büroo andis nende tegevusele põhiliselt positiivse hinnangu, märkides ühtlasi, et partei maakonnakomiteed tegelevad veel vähe oma ajalehtede igapäevase suunamisega.³

Aktiivselt tegeles EK(b)P Keskkomitee ajakirjanduse küsimustega ka järgnenud aastail. 1946. a. teise poole jooksul, näiteks, arutati EK(b)P Keskkomitee büroo istungitel kokku 6 maakonna- ja 2 vabariikliku ajalehe toimetuse tegevust.⁴ 1946. ja 1947. a. anti siin hinnang (eraldi) kõigile maakonnaajalehtedele, samuti ajalehtede «Rahva Hääle», «Talurahvaleht» jt. toimetuste tööle.⁵

Vabariigi parteiorganid võtsid tarvitusele olulisi abinõusid ajakirjanduse materiaalse baasi taastamiseks (osa trükikodasid oli purustatud, ei jätkunud paberit, värve, puudus oli kvalifitseeritud trükitoolistest jne.) ja sel teel ajalehtede-ajakirjade trükiarvu suurendamiseks. Mis puutub ajakirjanduse väljaandmise mastaapi, siis 1944. a. sügisel ilmus vabastatavas Nõukogude Eestis vaid ajaleht «Rahva Hääle».⁶ Selline olukord kestis 1944. a. novembri alguseni, «Rahva Hääle» tiraaž ulatus sel ajal 74 tuhande eksemplarini.⁷

1944. a. novembri keskel anti Eesti NSV-s välja vabariiklikke ajalehti juba 162-tuhandelises tiraažis.⁸ 1944. a. lõpus ilmusid vabariigis taas kõik 1941. aastal ilmunud põhilised vabariiklikud ajalehed. Nende ühekordne tiraaž (1944. a. dets.) oli järgmine.

² EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 187, l. 60—61; sü. 197, l. 35.

³ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 198, l. 124.

⁴ EKPA, f. 1, nim. 81, sü. 12, l. 101.

⁵ EKPA, f. 1, nim. 10, sü. 8, l. 8.

⁶ 1944. a. septembris viidi ajalehe «Rahva Hääle» toimetus üle Leningradist Võrru, pärast vabariigi pealinna vabastamist — Tallinna (EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 183, l. 171).

⁷ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 371, l. 16.

⁸ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 184, l. 56.

Ajaleht	Ühekordne tiraaž (1944. a. dets.)
«Rahva Hää!»	101 000 eks.
«Советская Эстония»	37 000 eks.
«Talurahvaleht»	15 000 eks.
«Noorte Hää!»	15 000 eks.

Niisiis ilmus 1944. a. detsembris Eesti NSV-s vabariiklikke ajalehti kokku (ühekordne tiraaž) 168,1 tuhat eksemplari. 1944. a. lõpul ilmusid regulaarselt ajalehed ka üheksas maakonnas.¹⁰

1945. a. veebruariks oli kõigi Eesti NSV-s ilmuvate ajalehtede tiraaž kasvanud 310 tuhadeni.¹¹ 1945. a. lõpul anti vabariigis välja kokku 23 ajalehte 372-tuhandelises tiraažis.¹² Kõigil partei linna- ja maakonnakomiteedel olid selleks ajaks oma häälekandjad olemas. Maakonna-ajalehed ilmusid kokku 80-tuhandelises tiraažis.¹³ 1945. a. hakkasid ilmuma ka mitmed ajakirjad, nende hulgas EK(b)P Keskkomitee ajakiri «Eesti Bolševik».

Seega kujunes vabariigis juba 1945. aastal põhiliselt välja sõjajärgne ajakirjanduse võrk. Järgnenud aastad tõid kaasa juhtivate ajalehtede ja ajakirjade trükiarvu üsna kiire edasise kasvu. Nii suurenes ajalehe «Rahva Hää!» tiraaž järgmiselt:¹⁴

1945. aastal	— 118,7 tuh. eksemplari
1946. aastal	— 136,2 tuh. eksemplari
1947. aastal	— 145 tuh. eksemplari

Ajaleht «Noorte Hää!» ilmus 1945. aastal 25-tuhandelises tiraažis¹⁵, 1948. aastal — 35-tuhandelises¹⁶, «Postimehe» trükiarv suurenes 20 tuhandelt (1945. a.)¹⁷ 35 tuhandeni (1948. a.)¹⁸ jne.

Ajakirjanduse trükiarvu suurenemine väljendas töötajate järjest kasvavat huvi poliitiliste probleemide vastu, ajakirjanduse kasvavat osa partei kasvatustöös.

Ajakirjanduse levik ei toimunud isevoolu korras. EK(b)P Keskkomitee nõudis parteikomiteedelt ja -algorganisatsioonidelt

⁹ EKPA, f. 1, nim. 79, sü. 5, l. 6.

¹⁰ EKPA, f. 1, nim. 79, sü. 5, l. 6.

¹¹ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 371, l. 16.

¹² Nõukogude Eesti saavutusi 20 aasta jooksul. Statistiline kogumik. Tallinn, 1960, lk. 99.

¹³ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 198, l. 124.

¹⁴ EKPA, f. 1, nim. 40, sü. 8, l. 3.

¹⁵ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 186, l. 165.

¹⁶ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 220, l. 13.

¹⁷ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 186, l. 165.

¹⁸ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 220, l. 13.

pidevat kaasabi selles kasvatustöö organiseerimise valdkonnas, pidades eriti tähtsaks ajakirjanduse levitamist maal.

Vahetult pärast Eesti NSV vabastamist fašistlikust okupatsioonist oli ajakirjanduse levitamine maal halvasti organiseeritud. Ajalehti jõudis maale vähe. Nii suunati 1944. a. novembris maale vabariiklike ajalehtede ühekordsest tiraažist (162 tuh.) vaid 78 tuhat ja needki jäid valdavas enamikus maakonnakeskustesse. Eriti halb oli olukord seal, kus polnud veel loodud ka maakonnaajalehti (1944. a. nov. — Saaremaal ja Valgamaal).¹⁹

EK(b)P Keskkomitee büroo hindas sellise olukorra lubamatuks ja võttis 1944. a. novembris vastu otsuse «Ajalehtede levitamisest maal». Selles seati ülesandeks korraldada ajakirjanduse levitamist maal deviisi all «Ajaleht igasse peresse» ja haarata ajakirjanduse levitamisse võimalikult lai aktiiv (partorgid, komсомoli- ja ametiühinguorganisatsioonid jt.). 25. novembrist kuni 25. detsembrini 1944. a. otsustati korraldada ajakirjanduse levitamise hoogtöökuu. Nähti ette isegi ajalehtede tellimist talupoegade poolt võlgu kaugemates rajoonides, kus polnud veel nõukogude raha. Sideorganeilt nõuti ajakirjanduse kiiremat kohaletoimetamist.²⁰

Viimatimärgitud ülesanne oli üks pakilisemaid, sest ajalehti toimetati maale suure hilinemisega. EK(b)P Keskkomitee poolt püstitatud nõue küll olukorda mõneti parandas, kuid täielikku lahendust see probleem neil aastail veel ei leidnud. 1946. a. lõpus selgus, et näiteks Hiiumaale jõudsid Tallinna ajalehed ikka veel 5—6-päevase hilinemisega.²¹ Vastuseks EK(b)P Keskkomitee propaganda- ja agitatsiooniosakonna järelepärimisele vastasid partei maakonnakomiteed ka 1947. aastal, et osa külade elanikud saavad ajalehed kätte teisel, kolmandal või isegi (Läänemaal) neljandal päeval pärast ilmumist.²²

1945. aasta algul suutsid partei maakonnakomiteed, täites EK(b)P Keskkomitee büroo otsust, oluliselt laiendada ajakirjanduse tellimist maal. Märkimisväärsed tulemusi saavutas selles osas EK(b)P Pärnumaa Komitee. Maakonnas oli sel ajal ca 11 tuhat talu, ajalehti oli tellitud 3 tuhat eksemplari. Ajakirjanduse tellimise plaan täideti siin 94,6 protsendi ulatuses ja saavutati vabariigis esikoht. Aktiivselt abistasid parteiorganisatsioon selle ürituses kommunistlikud noored.²³ Kuid juba 1945. a. II kvartalis ajalehetellijate arv vähenes märgatavalt (Harjumaal, Virumaal), kuna Viljandimaal ja Valgamaal asi arenes isevoolu teed ja küllaldase eduta. Selles olukorras pöör-

¹⁹ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 184, l. 165.

²⁰ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 184, l. 56, 57.

²¹ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 381, l. 47.

²² EKPA, f. 1, nim. 82, sü. 30, l. 8, 14.

²³ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 372, l. 18—19.

dus EK(b)P Keskkomitee kiiresti (telefonogrammiga) kõigi partei maakonnakomiteede poole, kohustades neid seda küsimust bürool arutama. Partei maakonnakomiteedelt nõuti operatiivse kontrolli sisseseadmist ajakirjanduse leviku üle ja hoolit-sust selle eest, et kõik tellijad tellitu ka kätte saaksid.²⁴

Järgnenud aastail laienes ajakirjanduse tellimine maal. Olu-korrast 1948. a. sügisel annavad teatud ülevaate andmed Harju maakonna kohta, mis on üsna tüüpilised.

Tabel 2

Andmed ajakirjanduse tellimisest Harju maakonnas (1948. a. oktoobris)²⁵

Ajaleht, ajakiri	Tellimise plaan	Tellitud	%
«Harju Elu»	6000	6400	106,6
«Noorte Häääl»	1500	1132	75,6
«Nõukogude Opetaja»	700	544	77,7
«Rahva Häääl»	12 500	10351	82,8
«Sirp ja Vasar»	1100	729	67,1
«Советская Эстония»	1500	1500	100
«Säde»	2300	2948	128,8
«Talurahvaleht»	5800	771	13,6
«Abiks agitaatorile»	1000	925	92,5
«Eesti Bolševik»	1000	563	56,3
«Eesti Naine»	3200	2058	64,7
«Kehakultuur»	500	353	70,6
«Looming»	300	304	101
«Stalinlik Noorus»	500	294	59
«Nõukogude Kool»	250	222	90
«Pioneer»	700	674	96,4
«Sotsialistlik Põllumajandus»	800	325	40,6
«Pilt ja Sõna»	250	263	105,2
«Ohtuleht»	2500	2859	114,3
Kokku	42400	33215	78,3

Umbes samasugune oli olukord ka teistes maakondades. Vil-jandimaal oli samal ajal vormistatud 20,5 tuhat ajalehtede-aja-kirjade tellimust (69 protsenti plaanist)²⁶, Saaremaal täideti tel-limisplaan 69,9 protsendi ulatuses²⁷ jne. Toodud andmetest ilmneb, et ajakirjanduse tellimine maal oli 1948. aastaks saavu-tanud küllalt suure ulatuse. Torkab seejuures silma asjaolu, et edukamalt levitati maaelanike hulgas ajalehti «Rahva Häääl»,

²⁴ EKPA, f. 1, nim. 80, sü. 27, l. 9—10.

²⁵ EKPA, f. 1, nim. 83, sü. 2, l. 55.

²⁶ EKPA, f. 1, nim. 83, sü. 2, l. 9.

²⁷ Sealsamas, l. 38.

«Noorte Hää» ja ka kohalikke maakonna-ajalehti. Suhteliselt halvasti levis aga kahjuks maal «Talurahvaleht». Osalt oli selle põhjuseks liialt suur tellimisplaan, mida ei suudetud täita. Veel enam oli aga tegemist puudujääkidega ajalehe sisulises küljes.

Lisaks vabariigis ilmuvatele ajalehtedele ja ajakirjadele tellisid Nõukogude Eesti töötajad ka neil aastail keskajakirjandust. Näiteks 1947. aastal ulatus see 54 tuhande eksemplarini.²⁸ Maal telliti keskajakirjandust küll suhteliselt vähem, ometi etendas ta siingi kõige autoriteetsema informatsiooniallika osa. Olu- liseks tuleb pidada seda, et sel teel levis vabariigis täiendavalt andmeid vennasvabariikide kolhoosidest.

Ajakirjanduse sisu, talle pandud kasvatuslik-organisatoorsete ülesannete edukas täitmine sõltub suurel määral ajakirjanike kaadrist. Neid, kellel oli juba varasemaid ajakirjaniku-kogemusi või kes olid Suure Isamaasõja ajal tegutsenud ajakirjanduse alal (ka Eesti Laskurkorpuses), seehulgas D. Rudnevi, M. Laosoni, M. Pesti, G. Reitsaku, P. Kuusbergi jt. suunas EK(b)P Keskkomitee tööle vabariiklike ajalehtede-ajakirjade toimetustesse. Kaadriprobleemi see ei lahendanud²⁹, kuid võimaldas siiski toimetustes luua juhtivad tuumikud ja tagada nende põhiliselt edukas töö.

Ei jätkunud kaadrit maakonna-ajalehtede toimetustes.

Andmed maakonna-ajalehtede toimetajate kohta (1946. a. 1. jaan. seisuga)³⁰

Ajaleht	Toime- taja	Vanus	Parteilisus	Hariidus
«Valgamaalane»	Kapstas	28 a.	ÜK(b)P l/kand.	kesk
«Sakala»	Uibo	23 a.	ÜLKNÜ liige	kesk
«Viru Sõna»	Kostina	34 a.	ÜK(b)P liige (1940. a.)	kõrgem
«Töörahva Elu» (Võru)	Esser	21 a.	ÜK(b)P l/kand.	kesk
«Läänlane»	Lumi	25 a.	ÜK(b)P liige (1942. a.)	lõpet. kesk.
«Saarte Hää»	Riis	36 a.	parteitu	alg
«Töörahva Hää» (Pärnu)	Murutar	36 a.	ÜK(b)P l/kand.	kesk
«Postimees»	Hiir	46 a.	ÜK(b)P liige (1944. a.)	kesk
«Harju Elu»	Novožilov	22 a.	parteitu	lõpet. kõrgem
«Järvalane»	Lint	27 a.	ÜK(b)P l/kand.	lõpet. kesk

²⁸ EKPA, f. 1, nim. 40, sü. 8, l. 3.

²⁹ Nii näiteks töötas veel 1947. a. algul «Rahva Hääle» toimetuses (kokku 80 inimest) vaid 8 kommunisti (EKPA, f. 1, nim. 48, sü. 37, l. 119).

³⁰ EKPA, f. 1, nim. 48, sü. 14, l. 169.

Toodud andmetest nähtub, et 1946. a. algul töötas maakonna-ajalehtede toimetajatena vaid 3 parteiliiget. Neli toimetajat olid partei liikmekandidaadid, 1 kommunistlik noor ja 2 parteitud. Ainult üks toimetaja oli kõrgema haridusega. Sellele vastutavale tööle oli edutatud mitmeid noori.

1946. aastal töötas maakonna-ajalehtede juures vaid 18 kommunisti. Valdav enamus maakondade ajakirjanikest olid kogemusteta või väheste erialaste kogemustega ja vastava ettevalmistuseta.³¹

Et olukorda osaliseltki parandada, korraldas EK(b)P Keskkomitee propaganda- ja agitatsiooniosakond maakonna-ajalehtede töötajatele mitmesuguseid õppusi. Pidevalt tegutses maakonnalehtede toimetajate seminar EK(b)P Keskkomitee juures (koos käidi 1 kord kahe kuu jooksul). Ajakirjanikele korraldati sageli seminare ja nõupidamisi. Mõned ajakirjanikud õppisid ka UK(b)P KK korraldatud kursustel.³²

EK(b)P Keskkomitee propaganda- ja agitatsiooniosakonna ajakirjanduse sektor andis pidevalt kriitilisi ülevaateid maakonna-ajalehtede tööst. Need materjalid avaldati igakuuses «Bülletäänis», mis saadeti kohtadele.³³ Ülevaateid maakonna-ajalehtede tööst avaldasid ka vabariiklikud ajalehed ja ajakiri «Eesti Bolševik».

Maakonna-ajalehtede kaadri nõrkusest tingitult ja selleks, et partei maakonnakomiteed oleksid maksimaalselt seotud oma häälekandjaga, nõudis EK(b)P Keskkomitee, et partei maakonnakomitee sekretärid võtaksid isiklikult osa ajalehe töö juhtimisest. See nõue püstitati juba EK(b)P Keskkomitee büroo otsuses «Maakondlike ajalehtede tööst» (nov. 1945. a.). Tegelikult järgiti seda lubamatult vähe ja EK(b)P Keskkomitee oli sunnitud sekretäridele nimetatud ülesannet korduvalt meelde tuletama ja nõudma selle täitmist.³⁴

1947. aastal suutis EK(b)P Keskkomitee koos partei maakonnakomiteedega tuua märgatavaid muutusi ajakirjanike koosseisu. Abi saadi ka vabariiklikult parteikoolilt, mille lõpetajad ajakirjandusse tööle suunati.

1947. a. lõpuks kujunes olukord vabariigi ajakirjanduse vastutavate töötajate osas selliseks:³⁵

³¹ EKPA, f. 1, nim. 81, sü. 12, l. 100.

³² EKPA, f. 1, nim. 81, sü. 12, l. 101.

³³ Sealsamas.

³⁴ EKPA, f. 1, nim. 81, sü. 12, l. 20.

³⁵ EKPA, f. 1, nim. 48, sü. 164, l. 9.

Tabel 3

Näitaja	Ajakir- jad	Vabariik- likud aja- lehed	Maa- kondli- kud aja- lehed
Kohtade arv	27	146	77
Neist komplekteeritud	25	128	77
Rahvuselt:			
a) eestlasi	23	103	70
b) venelasi	—	16	6
c) muid rahvusi	2	9	1
ÜK(b)P liikmeid	14	52	30
ÜK(b)P liikmekandidaate	2	7	6
Kommunistlikke noori	—	19	2
Haridus:			
kõrgem	7	18	4
lõpet. kõrgem	3	37	12
kesk-eri	3	7	—
kesk	11	53	57
lõpet. kesk	1	9	1
alg	—	4	3

Seega 1947. a. lõpuks oli vastutavate töötajate kaader vabariigi ajakirjanduses põhiliselt (maakonna-ajalehtede osas koguni täielikult) komplekteeritud. 250-st inimesest 111 olid kommunistid, 21 — kommunistlikud noored. Valdav enamus ajakirjanikest olid kõrgema, lõpetamata kõrgema või keskharidusega. Vajaka jäi küll sageli kogemustest. Nii oli 1947. a. teisel poolel valdaval enamusel maakonna-ajalehtede vastutavatest töötajatest (67) vaid umbes aastane tööstaaz.³⁶

Kommunistliku ajakirjanduse jõu peamisi allikaid on alati olnud tema side rahvaga. V. I. Lenin nägi selle sideme üht tähtsat vormi töölis-talupoegade kirjasaatjate koondamises iga ajalehe ümber. Niisugust teed läks ajakirjanduse areng ka Nõukogude Eestis. Laialdane ühiskondlike kirjasaatjate võrk enamuse ajalehtede juures aitas oluliselt parandada nende ideoloogilist ja organisatsioonilist tööd.

EK(b)P Keskkomitee VI pleenumil (1945. a. märts) seati ülesanne, et vabariiklikel ajalehtedel peab olema igas maakon-

³⁶ EKPA, f. 1, nim. 48, sü. 129, lk. 13.

nas 10—15 kirjasaatjat, maakonna-ajalehtedel — 2—3 kirjasaatjat igas vallas.³⁷ Töö selles suunas andis üldiselt häid tulemusi.

Nii kasvas ajalehe «Rahva Hääle» kirjasaatjate arv 1947. aastaks 980 inimeseni. Neist oli töölisi 120, talupoegi 218, nõukogude töötajaid 123, õpetajaid 61 jne., 1946. a. jooksul sai toimetust kokku 7,6 tuhat kirja töötajatelt.³⁸

«Noorte Hääle» kirjasaatjate arv kasvas 1946. aasta jooksul 152-lt 407-ni. Toimetust sai aasta jooksul 1,5 tuhat kirja.³⁹

Ka «Talurahvalehe» aktiiv suurenes. 1946. a. algul oli ajalehel 219 kirjasaatjat, aasta lõpul — üle 500.⁴⁰ Peab aga märkima, et «Talurahvalehe» korrespondentide hulgas oli vähe maatöötajaid (1949. a. lõpul — 60 talupoega, 15 maatöölisi ja 1 sovhoosidirektor).⁴¹

Ühiskondliku aktiivi abiga parandasid oma tööd enam konkreetsuse ja operatiivsuse suunas ka maakonnaajalehed.

Lühiülevaates on mõeldamatu kokku võtta kõiki ideelis-poliitilise kasvatustöö aspekte, mis leidsid oma kehastuse vabariigi ajakirjanduse igapäevases tegevuses. Peatugem alljärgnevalt vaid mõningail neist, võttes aluseks esmajoones «Rahva Hääle» kui ühe kõige loetavama ajalehe materjalid aastaist 1944—1948.

Suurt tööd tegi Nõukogude Eesti ajakirjandus neil aastail kodanliku natsionalismi ja fašismi ideoloogilise ning poliitilise paljastamise osas.

Selle ülesande tähtsust rõhutas EKP pidevalt. ENSV Ülemnõukogu III istungjärgul (Võrus, 1944. a. sept.) peetud kõnes ütles J. Vares: «Hitlerlik demagoogia ja vassimine ei ole kaugeltki paljastatud ja see mürgitab praegugi veel meie inimeste ajusid. Seisab ees suur selgitustöö...»⁴²

Fašistide ja kodanlike natsionalistide paljastamise üheks kõige pakilisemaks ja ühtlasi väga konkreetseks vormiks oli nende rohkete kuritööde avalikkuse ette toomine ajakirjanduse abil.

Selles suunas oli ajaleht «Rahva Hääle» tegutsenud kogu sõja vältel. Alates 1944. a. veebruarist hakkasid ajalehe veergudel ilmuma teated fašistide ja kodanlike natsionalistide koletutest kuritöödest esimestes vabastatud ENSV valdades.

Fašistide ja nende käsilaste kuritegusid paljastava materjali hulk ajakirjanduses kasvas ENSV vabastamise käigus pidevalt. Rahvale said teatavaks üha uued faktid massimõrvadest, purustustest ja vägivallast, mille oli kaasa toonud fašistlik okupatsioon.

³⁷ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 371, l. 23.

³⁸ EKPA, f. 1, nim. 81, sü. 12, l. 106.

³⁹ Sealsamas.

⁴⁰ Sealsamas.

⁴¹ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 211, l. 22.

⁴² «Rahva Hääle», 23. september 1944.

1944. a. novembri algul avaldati «Rahva Hääles» ulatuslik materjal Klooga surmalaagrist, sealhulgas tunnistajate seletusi, dokumente jne.⁴³ Mõned päevad hiljem tehti teatavaks ametlik akt okupantide metsikustest Klooga koonduslaagris, kus hukkus tuhandeid süütuid inimesi.⁴⁴

1944. a. novembri lõpus avaldati ajakirjanduses erakorralise riikliku komisjoni teadaanne saksa fašistlike röövvallutajate ja nende käsilaste kuritegudest Eesti NSV-s.⁴⁵ Selles olid tehtud esialgsed kokkuvõtted tohututest kahjustest, mida kandis okupatsioonitõttu vabariigi rahvamajandus ja kultuurielu.

Okupeeritud Eestis rajasid fašistid ja nende käsilased üle saja vangla, kontsentratsioonilaagri ja piinakambri, 125 tuhat meest, naist ja last hukkus mõrvarite käe läbi Lemmatsi külas, Saaremaal, Kalevi-Liival, Kloogal ja mujal.⁴⁶

Fašistide ja kodanlike natsionalistide kuritegude konkreetseks paljastuseks said paljude ohvrite ümbermatmised 1944. a. sügisel ja 1945. aastal. 1944. a. novembri alguses toimus Tartumaal Aakre vallas fašistliku terrori ohvrite ümbermatmine. Tseremooniast võttis osa üle 2 tuhande inimese.⁴⁷ Sama aasta detsembri algul sängitati Võru vennaskalmistule üle 150 fašistide ja kodanlike natsionalistide poolt hukatu.⁴⁸ 1945. aastal avastati üha uusi hukkunud nõukogude patriootide haudu ja korraldati nende pidulikke ümbermatmisi. 1945. a. märtsis toimus neid Pärnumaal kolmes kohas: Mõisakülas maeti 106, Abjas — 39 ja Talli vallas 70 terroriohvit.⁴⁹

1945. a. novembris algas kohtuprotsess peamiste fašistlike sõjaroimarite üle Nürnbergis. Vabariigi ajalehed avaldasid iga päev materjale ja ülevaateid selle käigust. Ajaleht «Rahva Hääle» avaldas sageli kohtuprotsessist osavõtva A. Vaarandi kirjutisi, millest lugejad said üha uusi andmeid fašistide kuritöödest okupeeritud Eestis. Protsessil sai teatavaks, et okupandid ja nende käsilased tapsid siin oma võimutsemise kahe esimese kuu jooksul 1158 inimest, vanglasse oli suletud 1941. a. oktoobris 975 inimest.⁵⁰

Samal ajal avaldati ajalehes «Rahva Hääle» ka fotokoopia SS-brigadeführer Stahleckeri salajasest kirjast (6. nov. 1941), milles käsitleti Himmleri korraldust eestlaste hävitamise või

⁴³ «Rahva Hääle», 3. november 1944.

⁴⁴ «Rahva Hääle», 12. november 1944.

⁴⁵ «Rahva Hääle», 30. november 1944.

⁴⁶ V. Tomin, A. Sinelnikov. Tagasipöördumine pole soovitatav. Tallinn, 1970, lk. 5.

⁴⁷ «Rahva Hääle», 16. november 1944.

⁴⁸ «Rahva Hääle», 10. detsember 1944.

⁴⁹ «Rahva Hääle», 21. märts 1945.

⁵⁰ «Rahva Hääle», 9. jaanuar 1946.

⁵¹ «Rahva Hääle», 24. november 1945.

saksastamise kohta.⁵¹ Paljastusmaterjalide avaldamine jätkus ka 1947. ja 1948. aastal.

Ajalehed tegid vabariigis ära suure töö selleks, et viia iga töötajani konkreetne tõde fašistide ja nende käsilaste — natsionalistide inimvihkajalikust olemusest, neist kui eesti rahva vaenlasest.

Rohkesti pöörati ajakirjanduses tähelepanu maaelu pakilistele küsimustele: maareformi kulgemine, võitlus kulakliku sabotaaži ja banditismiga, talupoegade osavõtt poliitilisest elust jne.

Maareformi kulu kohta vabariigis anti ajakirjanduses üldiselt küllalt ükiskasjalikku ja operatiivset informatsiooni, paljudes kirjutistes selgitati selle ürituse tähtsust ja põhimõtteid. Puudujääke ilmnes selles küsimuses enam maakonna-ajalehtede töös.

Maade tegelik kätteandmine talupoegadele algas juba 1944. a. novembri algul. Mõned maakondlikud ajalehed hakkasid aga vastavat informatsiooni avaldama suure hilinemisega (näit. «Uus Postimees 11. novembrist, «Uus Sakala» koguni 25. novembrist alates). Ka ilmus esialgu ajaleheinformatsioonis desorienteerivat ennatlikkust. Nii esines 1944. a. lõpul ja 1945. a. algul ajalehtede veergudel sagedasti väiteid maareformi lõppemisest maakondades⁵², kuna samal ajal oli tegemist vaid selle algusega. Ees seisis pingeline tegevus maareformi käigus ilmenud vigade ja puuduste kõrvaldamiseks.

Vabariigi ajakirjandus aitas oluliselt kaasa maareformi vastu suunatud kulakliku sabotaaži paljastamisele. Juba 1944. a. lõpus informeerisid ajalehed töötajaid kulakute vaenulikust tegevusest viljavarumise käigus. «Rahva Hääle» tõi avalikkuse ette riiklikke normikohustusi mittetäitvaid kulakuid, informeeris töötajaid nende suhtes rakendatud abinõudest. Ka 1945. a. ilmus ajalehes mitmeid sedalaadi materjale. ENSV aseprokurör sm. Udrase kirjutises märgiti näiteks, et kulak Ventsel Järva-maalt, kes 1944. a. riiklikud normikohustused täitmata jättis, langes vanglakaristuse alla, vahistati ka teisi saboteerijaid.

1944. a. detsembrist alates avaldasid ajalehed suurel hulgal materjale selle kohta, kuidas areneb kohtadel kulaklike majandite ning okupantide käsilaste väljaselgitamine ning nende suhtes EK(b)P Keskkomitee ja ENSV RKN määruse № 380 rakendamine. «Rahva Hääles» avaldati 1945. a. jaanuari algul teade uusmaasaajate koosolekust Ropka vallas, kus selgitati välja 14 okupantide aktiivset abilist, kelle suhtes seni ei olnud rakendatud maavalduse piiramise abinõu.⁵³ Samasuguseid teateid ilmus ka Rõngu vallast⁵⁴ ja Antsla vallast, kus okupantide käsilasteks

⁵² «Rahva Hääle», 3. jaanuar 1945.

⁵³ «Rahva Hääle», 11. jaanuar 1945.

⁵⁴ «Rahva Hääle», 13. jaanuar 1945.

tunnistati mitmed endised Omakaitse ja politseitegelased⁵⁵, Velise valla töötavate talupoegade vastavast koosolekust⁵⁶, koosolekustest Ravilas, Järvakandis, Kohilas⁵⁷ jpt. valdades.

Ajalehtede kaudu anti mitte ainult informatsiooni kulaklik-natsionalistlike elementide paljastamisest, sageli olid nad ise selle algatajad. «Rahva Hääles» kritiseeriti näiteks 1945. a. jaanuaris EK(b)P Viljandimaa Komiteed ja Karksi valla juhtkonda lubamatult liberaalse suhtumise eest selle valla kulaklikku majandisse.⁵⁸

Kulakliku elemendi pinnal ja selle aktiivsel kaasabil tekkis neil aastail Nõukogude Eestis banditism. See oli terava klassivõitluse avaldus maal. Ajakirjanduse veergudel leidis see probleem kajastust kahes aspektis. Tehti selgitustööd selleks, et end bandiitliku elemendiga ajutiselt sidunud, kuid rahva ees olulist süüd mitteomavaid inimesi rahuliku töö juurde tagasi tuua.

Samal ajal tegid ajalehed lugejatele teatavaks bandiitide kuritegusid. Nii avaldati vabariigi ajakirjanduses 1945. a. septembris materjale Eesti Laskurkorpuse sõjatribunali istungist Viljandis, kus mõisteti kohut 5 bandiidi üle. Nende hulgas olid ka kulak, endine Omakaitse aktiivne tegelane J. Kraut ja kulaku poeg, endine Saksa armee vabatahtlik J. Grünbaum. 1945. a. 12. aprillil tungisid nad Taevere vallas Jälevere rahvamajja, kus toimus 1. mai miiting ja rahvapidu, avasid tule ning tapsid kaks miitingust osavõtjat. Terroristid said teenitud karistuse.⁵⁹

Oktoobris 1945 toimus Tartus kohtuprotsess kolme bandiidi (H. Jurgna, H. Kartau, L. Vutt) üle, kes tapsid neli inimest, terroriseerisid ja hirmutasid kohalikke talupoegi. Ka need kurjategijad said karmi ning õiglase karistuse.⁶⁰

Üldiselt jõudis ajalehtede kaudu avalikkuse ette siiski vaid väike osa bandiitide metsikustest.

Kontsentreerides tähelepanu toimuvale klassivõitlusele külas taotles ajakirjandus eesmärki aidata paljastada ja isoleerida kulaklik-natsionalistlikud elemendid talurahva põhimassist, innustada ja organiseerida töötavaid talupoegi võitlusele kulakluse vastu. Seatud eesmärki realiseeriti üldiselt aktiivselt ning lõppkokkuvõttes etendas see olulist osa talurahva poliitiliste tõekspidamiste kujunemisele.

Imnes aga ka olulisi puudusi maal toimuva klassivõitluse käsituses vabariigi ajakirjanduses. Taunitav oli teatud kampaanialikkus selles töös. Pärast 1945. aastat (eriti selle esimesi kuid), millal ajakirjandus üldiselt väga ulatuslikult ja mitmest aspek-

⁵⁵ «Rahva Hääle», 10. jaanuar 1945.

⁵⁶ «Rahva Hääle», 10. veebruar 1945.

⁵⁷ «Rahva Hääle», 13. veebruar 1945.

⁵⁸ «Rahva Hääle», 11. jaanuar 1945.

⁵⁹ «Rahva Hääle», 18. september 1945.

⁶⁰ «Rahva Hääle», 6. oktoober 1945.

tist sellele tähelepanu pööras, saabus üsna märgatav mõõn 1946. aastal (eriti aasta esimesel poolel).

Kahjuks esines ajakirjanduses ka mõningaid poliitilist võitlust desorienteerivaid ebatäpsusi. Nii väideti 1946. a. oktoobris «Rahva Hääle» juhtkirjas, et kõik, kellelt maareformiga osa maad ära lõigati, on kulakud.⁶¹ Ometi oli mitmes varasemas EKP dokumendis ja avalduses piisavalt täpselt selgitatud kulaku mõiste.

Mõned ajalehed («Noorte Hääle», «Talurahvaleht» jmt.) pälvivad EK(b)P Keskkomitee kriitilise hinnangu seetõttu, et maareformiga seonduvate küsimuste käsitlemine nende poolt oli ebaküllaldane, sageli ka asjatundmatu. Üsna üldiseks puuduseks oli see, et maareformist ja klassivõitlusest külas kirjutasid vähe talupojad, sulased, uusmaasaajad.

Rohkesti pühendas tähelepanu klassivõitluse valgustamisele külas ajaleht «Советская Эстония».

Korduvalt oli EK(b)P Keskkomitee büroo sunnitud arutama tõsisemaid puudusi «Talurahvalehe» töös. Toimetuse tähelepanu juhiti sellele, et ajalehe mõju talurahva hulgas oli väike. See oli tingitud asjaolust, et «Talurahvaleht» puudutas harva küsimusi, mis eluliselt huvitavad maatöötajid. Sotsialistliku põllumajanduse eeliste, vabariigi sovhooside ja MTJ-de kogemuste propaganda ajalehes oli pinnapealne ja juhuslik. Teravat klassivõitlust Nõukogude Eesti sõjajärgses külas kajastas ajaleht halvasti. Vajaka jäi ka tema osast kehvikute ja keskmikkude organiseerimises võitlusele kulakluse vastu, maareformi eduka teostamise eest.

EK(b)P Keskkomitee büroo juhtis oma 13. märtsi 1946. a. otsuses tähelepanu nimetatud puudustele ning nõudis toimetuselt nende kõrvaldamist. «Talurahvalehe» toimetusele tehti ülesandeks selgitada külas toimunud majanduslike ja sotsiaalsete muutuste olemust, organiseerida maatöötajaid võitlusele kulakliku sabotaazi vastu, anda talurahvale nõu agrotehnika küsimustes. Uheks põhiülesandeks pidas EK(b)P Keskkomitee büroo sotsialistliku põllumajanduse eeliste, vennasvabariikide vastavate kogemuste populariseerimist.

Tuleb aga kahjuks märkida, et «Talurahvalehe» toimetus ei suutnud EK(b)P Keskkomitee büroo juhtnõore täielikult ellu rakendada. Ajalehe osatähtsus ka järgnevatel aastatel oluliselt ei kasvanud ja ta lõpetas peagi oma tegevuse.⁶²

Väga suurt tööd tegi vabariigi ajakirjandus IV viisaastaku ülesannete selgitamisel. Ainuüksi 1946. aasta jooksul avaldati ajalehes «Rahva Hääle» viisaastaku teemal 76 juhtkirja, 38 temaatilist lehekülge, 129 artiklit jne. Ajalehes viidi sisse rubriik «Minu viisaastak», kus avaldati (1946. aasta jooksul) 32 artiklit.⁶³ Aja-

⁶¹ «Rahva Hääle», 16. oktoober 1946.

⁶² ЕКРА, f. 1, nim. 1—3, sü. 222, l. 140, sü. 230, l. 11.

⁶³ ЕКРА, f. 1, nim. 81, sü. 12, l. 103.

lehes «Noorte Hää» ilmus sama aja jooksul viisaastakust 11 temaatilist lehekülge, 14 vestlust jms.⁶⁴ «Noorte Hääle» aktiivsel osavõtul organiseerisid komsomoliorganisatsioonid maal 1946. a. 84 punavoori enam kui 1000 inimese osavõtul.⁶⁵

Kuigi EKP Keskkomitee büroo otsustes nõuti ajakirjandustöö edaspidistki parandamist, ei saa kuidagi tunnustamata jätta tehtut.

Eriti valimiskampaaniates langes ajakirjandusele hulk ülesandeid seoses nõukogude demokraatia printsiipide selgitamise, valimismäärustiku ja saadikukandidaatide tutvustamise jms. näol.

Valimiste eel NSV Liidu Ülemnõukogusse 1946. a. avaldas «Rahva Hää» nõukogude demokraatiast ja valimistest 30 juhtkirja ja 70 artiklit. Pidevalt avaldati ajalehes materjale abiks agitaatoritele ja lühiinformatsiooni valimiste ettevalmistamisest kohtadel. Avaldati kõikide saadikukandidaatide kohta tutvustavat materjali. Analoogilist tööd tegid ka teised ajalehed.⁶⁶

Mõnevõrra nõrgemaks osutus maakonnalehtede osa valimiskampaanias. Originaalseid propagandistlikke materjale nad ei avaldanud (välja arvatud «Postimees»), vaid piirdusid ETA-st saadetuga. Agitaatorite abistamine toimus ülekaalukalt kriitiliste ülevaadete korras, vähe üldistati ja levitati aga paremate agitaatorite kogemusi.⁶⁷

Mitmed kohalikud ajalehed («Sakala», «Töörahva Hää») parandasid oma tööd selles osas juba 1946/47. a. vahetusel toimunud valimiskampaanias, avaldades ka kohalikke materjale abiks agitaatoritele.⁶⁸

EKP nõudis ajakirjanduselt aktiivse kasvatustöö tegemist sotsialistliku patriotismi ja rahvaste sõpruse süvendamise eesmärgil. Peab ütleva, et vabariigi ajakirjandus tuli selle ülesandega põhiliselt edukalt toime. Rahvaste sõprusele pühendatud kirjutisi ilmus vabariigi ajakirjanduses sageli. Ajalehes «Rahva Hää» avaldati ainuüksi aastail 1944—1946 üle 60 artikli sel teemal (8 — sõprusest vene rahvaga, 14 — partei rahvuspoliitikast, 3 eesti ja vene rahva ajaloolistest sidemetest, 8 — vennasvabariikidest, 4 — kodanlik-natsionalistliku ideoloogia kriitikast jms.)⁶⁹

Väga huvitavat ja maatöötajatele arusaadavat materjali sel teemal avaldas «Rahva Hääle» toimetus näiteks 1946. a. oktoobris. Tegemist oli temaatilise leheküljega, milles kajastus vennasvabariikidelt ENSV põllumajandusele saadav abi. Ajaleht rõhutas, et vabariigi põllumehed said 1945. a. teistest liiduvabariiki-

⁶⁴ EKPA, f. 1, nim. 81, sü. 12, l. 104.

⁶⁵ Sealsamas, l. 105.

⁶⁶ EKPA, f. 1, nim. 9, sü. 2, l. 1—2.

⁶⁷ Sealsamas, l. 3.

⁶⁸ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 381, l. 10.

⁶⁹ EKPA, f. 1, nim. 81, sü. 25, l. 34.

dest üle 3700 tonni, 1946. a. aga ca 10,2 tuhat tonni mineraalväetisi ja palju muid tooteid kokku 7,65 miljoni rubla eest.⁷⁰

Ajaleht «Советская Эстония» seadis endale ülesandeks tutvustada vene lugejaid eesti rahva ajaloo ja kultuuriga.

Mis puutub põllumajanduse sotsialistliku ümberkorraldamise käsitlemisel ajakirjanduses, siis see kajastas otseselt EKP tolaegseid seisukohti. Seetõttu 1945.—1947. a. domineeris ka ajakirjanduses põllumajanduslike ühistute (ja nende ühiskondlike majandite) kui väiketootmiselt sotsialistlikule suurtootmisele ülemineku tee selgitamine. Andmeid vennasvabariikide parematest kolhoosidest, kirjutisi põllumajanduslike artellide olemusest hakkas vabariigi ajakirjanduses ilmuma küll juba 1946. aastal, kuid oluline murrang kolhooside kasuks ajakirjanduse kaudu tehtavas selgitustöös leidis aset alles 1948. aasta algul. Peaasjalikult väljendus see selles, et 1948. aastal avaldati ajalehtedes rohkesti informatsiooni tööst loodud ühismajandis, kogutud saakidest ja kolhoosnike tuludest. Kuna noortes kolhoosides majanduslikud näitajad olid üldiselt head, siis avaldas niisugune informatsioon soodsat mõju talurahvale. Ajakirjandus andis oma osa ka noorte kolhooside kindlustamisse, paljastades kulaklikku sabotaaži neis, aidates majandamise kogemusi vahetada.

Vabariigi parteiorganisatsioon omistas suurt tähtsust raadiole kui kõige operatiivsemale poliitilise kasvatustöö vahendile. Raken-datud abinõude tulemusena alustas 28. oktoobril 1944. aastal tegevust ENSV Ringhäälingu Tallinna saatja.⁷¹ Algasid regulaarsed saated eesti keeles. Tegemist oli esialgu küll väikese võimsusega (10 kilovatti) raadiojaamaga, mis ei suutnud tagada saadete normaalsel kuulatavust kogu vabariigi ulatuses. Ka saateag piir-dus esialgu vaid 8 tunniga (neist 1 tund venekeelseid saateid)⁷². 1944. a. lõpuks kasvas Tallinna raadiojaama päevane saatemaht 10 tunni 40 minutini.⁷³ Raadiolevi alal oli esialgu veel tõsiseid raskusi.

1941. aastal oli Eesti NSV-s 104 tuhat raadioaparaati. Neist hävis sõja ajal 60—70 tuhat.⁷⁴ Pealegi võeti 1944. aasta oktoobris raadioaparaadid nõukogude organite poolt elanikkonnalt ajutiselt ära selleks, et takistada fašistliku propaganda levikut. Sellest tulenevalt oli raadio osa elanikkonna poliitilises kasvatamises esialgu minimaalne. Olukorda iseloomustab ilmekalt asjaolu, et 1944. a. detsembris oli vabariigis 694 raadiotraslatsioonipunkti, 12 raadiosõlme ja 730 raadiovastuvõtjat.⁷⁵ Raadiosõlmed ja -translatsiooniaparaadid asusid seejuures eranditult linnades,

⁷⁰ «Rahva Hääle», 24. oktoober 1946.

⁷¹ «Rahva Hääle», 29. oktoober 1944.

⁷² ЕКРА, f. 1, nim. 79, sü. 5, l. 8.

⁷³ ЕКРА, f. 1, nim. 81, sü. 25, l. 37.

⁷⁴ ЕКРА, f. 1, nim. 1—3, sü. 370, l. 109.

⁷⁵ ЕКРА, f. 1, nim. 81, sü. 25, l. 37.

maal neid ei olnud. Minimaalsest raadiovastuvõtjate üldarvust asus ka vaid väike osa maal.

Olukorra parandamiseks võtsid ENSV Rahvakomissaride Nõukogu ja EK(b)P Keskkomitee 20. veebruaril 1945. aastal vastu ühise otsuse raadiotranslatsioonivõrgu arendamisest vabariigis.⁷⁶ Otsuse realiseerimine tõi kaasa tunduva edasiminekü vabariigi radiofitseerimises. 1946. aasta algul oli Eesti NSV-s juba 11,2 tuhat raadiotranslatsioonipunkti, neist maal 0,4 tuhat.⁷⁷ Maakonnakeskustes rakendati tööle raadiosaadete toimetused, mis hakkasid avaldama ka kohalikke materjale.

1945. a. suvel seadis EK(b)P Keskkomitee kõigi maakondade parteikomiteede ette ülesande kindlustada kollektiivsete raadiokuulamise punktide loomine igas vallas.⁷⁸ 1947. aastaks oli maal loodud 235 raadio ühiskuulamise punkti.⁷⁹ Enamus neist asus kultuuriasutuste juures. Küsimuse lahendusse andis suure panuse see, et 1945. a. teisel poolel anti elanikele tagasi raadiovastuvõtjad. Selle tõttu oli vabariigis 1946. aasta algul kasutusel juba 12,6 tuhat raadiovastuvõtjat, neist 2,6 tuhat maal.⁸⁰ Raadiovastuvõtjate tagasiandmisega elanikele vähenes aga kahjuks huvi translatsioonivõrgu arendamise vastu, mis ometi ei olnud õigustatud, kuna raadiovastuvõtjate arv ei suutnud veel vajadusi katta. 1947. aastal täideti vabariigis vähem kui pool raadiotranslatsioonivõrgu arendamise plaanist (sealhulgas Pärnu linnas ja maakonnas vaid 21,5 protsenti, Tartu linnas koos maakonnaga 28,2 protsenti jne.) EK(b)P Keskkomitee büroo oli sunnitud pöörama parteiorganisatsioonide tähelepanu märgitud puudusele ja nõudma selle kõrvaldamist.⁸¹

1948. a. juulis oli Eesti NSV-s kokku 25,6 tuhat reproduktorit ja 32,4 tuhat raadiovastuvõtjat. Seejuures oli maal vaid 16% raadiovastuvõtjaist. Osalt oli see tingitud ka sellest, et müügil olid suhteliselt kallid raadioaparaadid («Punane Ret» — 1500 rbl., «VEF» — 1400 rbl., «Leningrad» — 2500 rbl.), mis tarvitasid pealegi palju elektrienergiat, kuna odavamaid ja ökonoomsemaid raadioaparaate («Rekord», «Minsk») oli müügil vähe.⁸²

Piduriks raadiotranslatsioonivõrgu arengule maal oli talude hajutatus, mis muutis selle töö kulukaks, mittetasuvaks. Kuid raskus ületati, kuna seda nõudis olukord.

1950. aasta lõpuks kasvas raadiotranslatsioonipunktide arv vabariigis 1946. aastaga võrreldes peaagu 3,5 kordseks — 36 tuhandeni (maal 6-kordseks — 2,4 tuhandeni). Veelgi kiiremas tempos kasvas raadiovastuvõtjate arv vabariigis, ulatudes 1950. a.

⁷⁶ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 187, l. 80—81.

⁷⁷ Nõukogude Eesti saavutused 20 aasta jooksul, lk. 100.

⁷⁸ EKPA, f. 1, nim. 80, sü. 29, l. 10.

⁷⁹ EKPA, f. 1, nim. 10, sü. 22, l. 3.

⁸⁰ Nõukogude Eesti saavutusi 20 aasta jooksul, lk. 100.

⁸¹ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 222, l. 78.

lõpuks 55,6 tuhandeni (neist maal 11,5 tuhat).⁸³ Neljandal viis-aastakul ehitati valmis ja lasti käiku uus raadiojaam Tallinnas.

Raadiolevi tehnilise küljega seotud raskuste kõrval oli vast veel keerukam vajaliku kaadri probleem. EK(b)P Keskkomitee suunas vabariiklikku raadiokomiteed juhtima kommunist P. Uusmani. Üks esimesi Raadiokomitee töötajaid oli ka kommunist L. Mõtus. Tervikuna oli aga esialgu küsimus raadiole vajalikust parteilisest kaadrist lahendamata.

Raskused kaadriga jätkusid kogu vaadeldava perioodi vältel. Veel 1947. aastal olid ENSV Raadiokomitee kaastöölised (cā 260) vaid 17 kommunistid. Ühiskondlik-poliitiliste saatete toimetuses oli samal ajal vaid 1 kommunist ja kommunistlik noor, enamik toimetuse töötajatest olid 19—25-aastased noored.⁸⁴

Küllalt hoolikalt suhtusid partei maakonnakomiteed kohalike raadiosaatete toimetuste komplekteerimisse. 1947. aastal töötas neid kokku 11, kusjuures kümme toimetajat olid kas kommunistid või kommunistlikud noored. Komplekteeritud olid ka kaastöötajate kohad (Tartus, Viljandis ja Pärnus — 10—15, mujal 4—5 inimest)⁸⁵ 1948. aastal loodi juurde veel 2 kohalike saatete toimetust. Seega tegutses kokku 13 toimetust — Tartus, Pärnus, Viljandis, Valgas, Võrus, Tallinnas, Paides, Haapsalus, Kiviõlis, Rakveres, Narvas, Kuressaares, Türil. Saate mahult (originaalsaadet) jagunesid nad järgmiselt: 60 min. — 2, 45 min. — 3 ja 30 min. — 8 toimetust.⁸⁶ Kahjuks tegeles osa parteikomiteesid halvasti toimetuste töö sisulise juhtimisega, ei kuulanud aruandeid nende tööst ega seadnud ülesandeid selle parandamiseks.

Kesksel kohal vabariigi raadiosaadetes asusid ühiskondlik-poliitilised saated. Kujuka tõendi sellest annab juba Eesti NSV Raadiokomitee tegevuse esimene poolaasta, mil organiseerimisperioodi raskused tööd eriti takistasid. Ajavahemikul 1944. a. oktoobrist kuni 1945. a. märtsini anti eetrisse 399 ühiskondlik-poliitilist artiklit (neist 363 algupärandid). Päevauudiseid anti selle aja jooksul edasi 424 korral, 119 saadet olid määratud noortele.⁸⁷

Ühiskondlik-poliitiliste saatete taseme üle võib mõningaid otsustusi teha lähtudes nende saatete autoritest. Väga aktiivselt esines sel ajal raadios revolutsionäär, ajakirjanik ja ühiskonna-teadlane J. Saat (32 korral). 4—5 korda olid raadios esinenud N. Andresen, A. Uibo, L. Remmelgas, E. Jaanimägi ja R. Viies.⁸⁸

⁸² EKPA, f. 1, nim. 83, sü. 7, l. 77—78.

⁸³ Nõukogude Eesti saavutusi 20 aasta jooksul, lk. 100.

⁸⁴ EKPA, f. 1, nim. 10, sü. 22, l. 19.

⁸⁵ Sealsamas, l. 4.

⁸⁶ EKPA, f. 1, nim. 83, sü. 7, l. 70.

⁸⁷ EKPA, f. 1, nim. 80, sü. 24, l. 8.

⁸⁸ Sealsamas, l. 10.

Autorite-esinejate niisugune valik lubab väita, et nende saadete tase oli küllalt kõrge.

Ühiskondlik-poliitiliste saadete sarjas anti raadios edasi väga mitmesuguse sisu ja ulatusega ning vormilt erinevaid materjale. 43 juhul olid need kõrgema ülemjuhataja käskkirjad, mis aidsid operatiivse ja täpse ülevaate olukorrast Nõukogude-Saksa rindel. Keskmiselt kord nädalas anti raadiost saade, milles tehti kokkuvõtteid sõjasündmustest nädala jooksul. Sellele lisaks korraldati raadio vahendusel 28 loengut Isamaasõja ajaloo ja 13 loengut rahvusvahelisest olukorrast.

Üsna sageli anti raadios edasi saateid põllumeestele. Ülalmainitud ajavahemiku jooksul toimus neid 20. Maareformi küsimusi käsitleti 12 saates. 7 saadet olid pühendatud ametiühingutööle maal. Saadetes anti ka ülevaateid kevadkülviks valmistumisest.⁸⁹

Mitmed saated tutvustasid kuulajaid eluga vennasvabariikides (saatesari «Kodumaa tund»), vene rahva kultuurikeskustega jt. küsimustega, mis taotlesid eesmärki kasvatada kuulajaid internationalismi põhimõtete vaimus.

Raadio noortesaadetes, mis toimusid üsna mitmekesises vormis (kuuldemängud, sõnalis-muusikalised põimikud, vestlused jm.) olid sageli kõne all ühiskondlik-poliitilised probleemid. Ka siin olid esinejateks vabariigis tuntud inimesed, sealhulgas juhtivad komsomolitöötajad.

Ühiskondlik-poliitiliste probleemide käsitlemise parendamiseks rakendati edaspidi mitmeid uusi vorme. Üheks niisuguseks oli 1945. a. maist sisse seatud «Poliitiline kirjakast». Sellesse laekunud (esialgu küll mitte eriti arvukatele) küsimustele vastati raadio teel kord nädalas.⁹⁰ Toodud näide kõneleb raadiotöötajate püüdest saavutada tihedamat kontakti kuulajaskonnaga, muuta oma kasvatustöö enam sihipäraseks.

Sõnalistest saadetest olid tähtsal kohal veel kirjandussaadet. Arvuliselt jagunesid nad samal ajavahemikul järgmiselt: 62 lugemistundi, 15 loengut, 14 laupäevaõhtust puhkesaadet, 12 saadet kultuurikroonika sarjast. Kirjandussaadetes esinesid vabariigi näitlejad (H. Laur, K. Toom, V. Panso, F. Moor, J. Rebane), mitmel puhul aga ka kirjanikud.⁹¹

Kuuldemänge korraldas raadio sel ajal 20 korral, kusjuures esitati A. Kitzbergi, L. Koidula, A. H. Tammsaare, A. Lauteri, K. Simonovi ja W. Shakespeare'i teoseid.⁹²

Vaatamata raskustele kaadri, materiaalse ja tehnilise baasi väljaarendamise jm. küsimustes toimus vabariigis raadio töö pidev paranemine. Sellele aitas kaasa ka kriitika, mida raadio

⁸⁹ EKPA, f. 1, nim. 80, sü. 24, l. 10.

⁹⁰ Sealsamas, l. 44.

⁹¹ EKPA, f. 1, nim. 80, sü. 24, l. 14.

⁹² Sealsamas, l. 15.

töö kohta tehti EK(b)P Keskkomitee XVII pleenumil (1947. a. juulis). Suurenes saadete maht, paranes nende kvaliteet, rakendati uusi saatevorme ja avarus temaatika. Ühiskondlik-poliitiliste saadete keskpunkti astusid viisaastaku täitmine, tööeesrindlaste kogemuste levitamine jt. seda laadi küsimused. 1946. aastast alates andis raadio igal nädalal edasi reportaaže tehastest, vestlusi tööeesrindlastega, vabariigi juhtivate töötajate esinemisi viisaastaku teemal jne.

Kiiresti kasvas talurahvale määratud saadete arv. 1947. a. anti neid eetrisse juba 6 korda nädalas (seni 1 kord). Mitmekesisus ka nende saadete sisu ja vorm. Anti edasi agrotehnilisi nõuandeid, reportaaže MTJ-dest, põllumajanduslikest kooperatiividest ja maa kultuuriasutustest.⁹³

Ühiskondlik-poliitiliste saadete arengust 1946.—48. a. kõneleb asjaolu, et raadios esinesid üsna sageli ka partei ja nõukogude juhtivad töötajad ning tuntud ühiskonnategelased (N. Karotamm, A. Veimer, E. Päll, A. Raadik, J. Saat, R. Parve jt.). 1947. aasta jooksul, näiteks, esinesid nad raadios kokku 40 korral.⁹⁴

1947. a. anti eetrisse 50—60 ühiskondlik-poliitilist saadet, mis olid määratud noortele.

1948. aastal toimus olulisi muutusi ühiskondlik-poliitilistes raadiosaadetes. Üheks peamiseks oli see, et alanud kolhoosiliikumise olukorras hakati raadios veel rohkem tähelepanu pöörama saadetele talurahva jaoks. Ainuüksi 1948. aasta esimese poole jooksul toimus 48 niisugust saadet. Algas vahetu selgitustöö kolhooside kasuks raadio kaudu. 1948. aasta esimese poole jooksul toimus raadios 8 kolhoositeemalist saadet, sealhulgas 3 reportaaži kolhoosidest.⁹⁶

Suurenes üldpoliitiliste saadete maht. Regulaarselt jõudsid kuulajateni saatesarjad «Kodumaa tund», «Poliitiline kirjakast», «Abiks valijaile» jt. Endiselt kesksel kohal asusid saated viisaastakust ja selle täitmisest. Jooksva poliitilise informatsiooni andmine raadios täiustus. 1948. aastal anti Eesti Raadio poolt eetrisse päevauudiseid 4 korda (pühapäeviti 3 korda) päevas. Viiel päeval nädalas anti edasi ülevaadet vabariigi ajakirjandusest, 6 korda nädalas — «Rahva Hääle» juhtkirju. Lisaks sellele anti kord nädalas eetrisse kümneminutiline ülevaade rahvusvahelisest olukorrast ja pooletunnine saade sündmustest vabariigis.⁹⁷

Töötajate ideelis-poliitilisele arengule aitasid edukalt kaasa ka kultuurisaated (kirjandus-, muusika-, kuuldemängusaated jms.). Aratab tähelepanu, et ka kirjandussaadetes ja kuuldemängudes

⁹³ EKPA, f. 1, nim. 10, sü. 22, l. 2.

⁹⁴ EKPA, f. 1, nim. 10, sü. 22, l. 14—15.

⁹⁵ Sealsamas, l. 11.

⁹⁶ EKPA, f. 1, nim. 83, sü. 7, l. 48.

⁹⁷ Sealsamas, l. 55.

asusid 1948. aastal üsna tähtsale kohale autorid, kelle teostes leidsid kajastust töötava talurahva võitlus sotsialismi eest (M. Solohov, E. Grin).

Umbes poole kohalike raadiosaadete mahust moodustasid poliitilised saated: informatsioon viisaastaku täitmise käigust, sotsialistlikust võistlusest, NSVL rahvusvahelisest olukorrast, partei- ja komsomoliorganisatsioonide tööst kohapeal jm.⁹⁸

Kokkuvõttes võib öelda, et tänu tegevuse mastaabi pidevale avarumisele, töövormide mitmekesistumisele ja suuremale operatiivsusele suutis raadiopropaganda oluliselt mõjutada ka maa-töötajate ideelis-poliitilist kujunemist vabariigis.

Suuri ülesandeid maatöötajate ideelis-poliitilise kasvatamise osas asetaski partei kultuur-hariduslikele asutustele. See on seletatav mitme asjaoluga.

Tegemist on massilise, kompleksse, rahvusliku kultuuri- ja kasvatustöö vormiga, mille õige ärakasutamine, sellele sotsialistliku sisu andmine on alati partei tähtsaks ülesandeks olnud. Mõistes kultuur-haridustöös peituvaid võimalusi ja nende täieliku ärakasutamise vajadust, pööras V. I. Lenin sellele pidevalt ka parteiorganisatsioonide, kõigi kommunistide tähelepanu. «Parteitöös me oleme välja töötanud oma meetodid masside laialdaseks mõjutamiseks, kuid need tuleb ühendada kultuurhariduslike meetoditega...»⁹⁹, märkis V. I. Lenin. On teada, millist tähelepanu pöörati kultuur-haridustöö korraldamisele partei teises programmis ja paljudes partei otsustes ning riiklikes dokumentides.

Vabastatud Nõukogude Eestis ei seisnud parteiorganisatsiooni ees vajadust alustada kultuuritöö massivormide loomist, nende juurutamist. Kultuur-haridusliku tegevuse vorme ja traditsioone oli vabariigis rohkesti. Ülesanne seisis selles, et neid toetada ja arendada, võidelda massilise kultuuritöö sisu sotsialistlikuks muutumise eest. See oli ka esmane ning üks raskemaid ülesandeid, mille EKP antud valdkonnas esile tõstis.

Tõsiselt raskendasid selle ülesande täitmist, eriti esialgu, puudujäägid kultuur-haridustöö organisatsioonis ning vastavate asutuste materiaalses baasis.

Suur osa organisatsioonilistest raskustest tulenes juba sellest, et kultuur-haridustöö muutus nüüd otse riiklikult juhitavaks tegevusalaks. Sellest omakorda kasvas välja vajadus vastava kaadri probleemi riiklikuks lahendamiseks, mis tekitas esialgu tõsiseid raskusi.

Kultuur-haridustöö otsene allutamine riiklikule juhtimisele tõi kaasa ka vahetu vastutuse kultuuriasutuste materiaalse olukorra eest. Nõukogude riik võttis sellega enda kanda märkimisväärselt

⁹⁸ EKPA, f. 1, nim. 83, sü. 7, l. 70.

⁹⁹ V. I. Lenin. Teosed, 28. kd., lk. 408.

suured kulutused, lõi kultuuritöö massivormide arengule stabiilse finantsilise ja materiaalse baasi. Ometi ei suudetud sel ajal lahendada paljusid kultuuritöö vahetu materiaalse baasi tugevdamise ja väljaarendamisega seotud raskusi. Seda enam, et nõukogude võimu valdusse läks esialgu sõjas tugevasti purustada ja kannatada saanud kultuuriasutuste võrk.

Üleminek kultuur-haridustöö riiklikule süsteemile, kaadri madal tase jms. asjaolud kutsusid esialgu osas elanikkonnas esile teatud umbusalduse, eemalejäämise. Seda soodustas teatud määral ka tolleaegses kultuuritöös võitleva parteilisuse printsiibi vormilt ühekülgne teostamine.

Paratamatuid raskusi kultuuritöö arendamisel maal kutsus esile see, et elanikkonna (sealhulgas esmajoones noorte) arv oli vähenenud sõjaeelsega võrreldes.

Kultuur-haridustöö olukorda vabariigis (maal) hinnates ei saa mööda minna ka paljudest muudest asjaoludest, nagu elanikkonna materiaalne olukord ja sõja- ning sõjajärgsete raskuste psühholoogilise mõju, mis ka sageli kultuuritööle pidurdavalt mõjusid.

EKP suhtumist kultuur-hariduslikku töösse iseloomustas selle tähtsuse täielik tunnetamine, praktilist tegevust aga üsna järjekindel võitlus raskuste, puuduste ja vigadega. Kultuur-haridustöö parteilise juhtimise põhimõtted ja vormid ei erinenud oluliselt teiste ideoloogilise töö lõikude juhtimisest. Väärib märkimist, et kultuur-haridustöö organisatsioonilised ja sisulised küsimused olid sageli arutusel EK(b)P Keskkomitees, partei maakonna- ja vallakomiteedes ning -algorganisatsioonides.

Aastail 1944—1948 arutati EK(b)P Keskkomitee büroo istungitel sageli maa kultuur-hariduslike asutuste töö olukorda ja ülesandeid. Juba 4. novembril 1944. aastal arutas EK(b)P Keskkomitee büroo küsimust «Rahvamajade tööst külas» ja võttis vastu üksikasjaliku otsuse. ENSV Hariduse Rahvakomissariaati (kellele kultuuriasutused sel ajal allusid) kohustati komplekteerima kõik rahvamajad vajaliku kaadriga, looma nende juures poliit-, põllumajanduslikke ja isetegevusringe ning raamatukogusid. EK(b)P Keskkomitee propaganda- ja agitatsiooniosakonna ülesandeks jäi juhtida kõigis kultuuriasutustes loengute, seinalehtede ja raadioühisk kuulamise punktide organiseerimist.¹⁰⁰

Massilise kultuuritöö küsimused olid kesksel kohal EK(b)P Keskkomitee VI pleenumil (1945. a. märts). Pleenumil konstateeriti, et sõjaeelsest kultuurhariduslike asutuste võrku ei ole suudetud vabariigis veel taastada. Olulisemad olid aga sisulised puudujäägid töös. Kultuuriasutuste tegevuses (eriti maal) jäi vajaka sihikindlast, võitlevast ideelis-poliitilisest kasvatustööst. Vähe pöörati tähelepanu elanike operatiivsele informeerimisele sise- ja välispoliitilistest sündmustest, fašistliku propaganda paljastami-

¹⁰⁰ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 184, l. 12—14.

sele. See oli aga antud olukorras väga vajalik. Nõrgaks jäi kultuuriasutustes tehtav ateistlik propaganda, kehakultuuri- ja sportitöö. Nende puuduste kõrvaldamist nõudis EK(b)P Keskkomitee pleenumi otsus.¹⁰¹

Kultuurharidustöö probleemide juurde tuldi (erinevatest aspektidest) korduvalt hiljemgi. EK(b)P Keskkomitee bürool arutati nendel aastatel hulgaliselt aruandeid kultuuriasutuste tööst kohtadel (Järvamaal, Pärnumaal, Harjumaal jm.). Aasta-aastalt muutusid vastavad otsused konkreetsemaks, arutlusaluseid objekte piirati. Nii näiteks arutati EK(b)P Keskkomitee büroo istungitel 1947. a. aruandeid kultuuritööst kahes külanõukogus ja vabariigi esimeses põllumajanduslikus artellis.

Raskusi kultuuritöö parteilises juhtimises maal tekitas esialgu küla parteiorganisatsioonide nõrkus. Seda enam pöörati tähelepanu maa parteiaktiivi juhendamisele. Valdade parteikomiteede sekretärid said kultuuritöö suunamiseks juhendeid partei maa-konnakomiteedelt, EK(b)P Keskkomitee juures toimunud seminaridel jm.

Suurt abi parteiorganisatsioonidele kultuuritöö elustamises ja selle kasvatusliku taseme tõstmises osutas komsomol. EK(b)P Keskkomitee VI pleenumil toodi rohkesti fakte selle kinnituseks.

Komsomoli kultuuritöö maal sai uut hoogu 1946. aastal. EK(b)P Keskkomitee büroo 1. märtsi 1946. a. otsusega loodi vabariigi valdades komsomolikomiteed. Vastavas otsuses rõhutati esmajoones loodavate vallakomiteede vastutust poliitharidusliku, kultuuri- ja sporditöö olukorra eest maanoorte hulgas. EK(b)P Keskkomitee büroo kuulas 1946. a. juulis ära isegi ühe komsomoliorganisatsiooni (Harjumaa, Kohila vald) aruande massilisest poliitilisest ja kultuuritööst.¹⁰² Selle üsna erandliku vahendi abil leidis ilmset rõhutamist komsomoli suur osa ja vastutus kultuuritöös.

Komsomoliorganisatsioonide osavõtt maa kultuurielust oli kohati ebajärjekindel, kandis kampaanialikkuse pitserit ega andnud seetõttu alati soovitud tulemusi.

Arvestada tuleb aga seda, et maa komsomoliorganisatsioonide ees seisis tollal teravad klassivõitluse probleemid (võitlus kulakliku sabotaaži, banditismi vastu jm.), mistõttu ei jätkunud alati jõudu vajalikult kaasa aidata ka kultuuritööle. Liiasi olid kommunistlike noorte organisatsioonid maal neil aastatel suhteliselt väikesearvulised.

Kultuurharidusliku töö riiklikku juhtimist teostas esialgu ENSV Hariduse Rahvakomissariaat. 1945. a. juulis võttis EKP Keskkomitee büroo vastu otsuse luua vabariigis Kultuurhariduslike Asutuste Komitee, mis alustas sama aasta augustis praktilist

¹⁰¹ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 188, l. 106—115.

¹⁰² EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 206, l. 169.

tegevust.¹⁰³ Komitee esimeheks kinnitati vana revolutsionäär G. Abels.

Raskusi oli esialgu komitee komplekteerimisega. 1945. aasta septembris märkis EK(b)P Keskkomitee büroo, et komitees ettenähtud 31 kohast oli täidetud tegelikult vaid 13.¹⁰⁴ 1946. aastal küsimus lahenes — komitee oli peaaegu täielikult komplekteeritud, siin töötas 9 kommunisti.¹⁰⁵

Tähelepanelikult suunas EK(b)P Keskkomitee ENSV Ministrite Nõukogu juures asuva Kultuurhariduslike Asutuste Komiteed, andes sellele juhtnööre tegevuseks. EK(b)P Keskkomitee büroo istungil arutati seda küsimust 1948. a. märtsis.

Küllalt õnnestunult lahendati kultuuriosakondade kaadri küsimus. Nii töötas 1946. aastal kultuuriosakondade (14) juhatajatena 10 kommunisti ja 1 kommunistlik noor. Kultuuriosakondade 14-st inspektorist olid 2 kommunistid ja 2 kommunistlikud noored. Vajaka jäi küll osal neist haridust — 6-l kultuuriosakonna töötajal oli vaid 6-klassiline haridus, 7 olid lõpetamata keskharidusega. Arusaadavalt oli enamusel neist vaid lühike (kuni 1 aasta) erialane staaž.¹⁰⁶

Esimestel sõjajärgsetel aastatel tegutsesid valdades kultuurharidusinstruktorid. Niisugune töökoht loodi lähtudes vajadusest töö sisus murrangut saavutada, juhendada kultuuritöötajaid igapäevases töös ja teostada nende üle riiklikku kontrolli. Kultuuritöö instruktor pidi eeldatavalt olema üks keskseid kujusid ideoloogilises töös maal, partorgi (parteioorganisatsiooni) abiliseks kasvatustöös.

Kahjuks oli kultuurharidustöö instruktorite kaader suhteliselt nõrk. See oli suurel määral tingitud kaadri üldisest puudusest.

Ettenähtud arvul (236) ei olnud kultuurharidustöö inspektoreid vabariigis ühelgi aastal. Pidevalt oli komplekteerimata 20—30 kohta (1945. a. lõpus — 77 inimest). 1946. aasta lõpuks oli valdades 206 kultuuritöö instruktorit. Kommuniste oli nende hulgas 29, 41 olid kommunistlikud noored. 65 instruktorit olid võtnud osa Suurest Isamaasõjast rindel või partisanina.¹⁰⁷

Ebarahuldav oli kultuuritöö instruktorite hariduslik ettevalmistus. Märgitud ajal oli 24 instruktorist keskharidusega,¹⁰⁸ 56% neist olid saanud vaid alghariduse.¹⁰⁹

Kultuuritöö instruktorite tegevust raskendas oluliselt väär tööstiil valla täitevkomiteedes, mille tulemusena neid (nagu teisigi aktiviste) rakendati väga sageli igasuguste majanduslike kam-

¹⁰³ EKPA, f. 1, nim. 81, sü. 30, l. 49.

¹⁰⁴ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 195, l. 225.

¹⁰⁵ EKPA, f. 1, nim. 81, sü. 30, l. 58.

¹⁰⁶ EKPA, f. 1, nim. 81, sü. 30, l. 58, 59.

¹⁰⁷ EKPA, f. 1, nim. 48, sü. 51, l. 40.

¹⁰⁸ Sealsamas.

¹⁰⁹ EKPA, f. 1, nim. 48, sü. 83, l. 74.

paaniate läbiviimisel. See muutis instruktorite töö väheviljakaks. Inimesed ei saanud oma ülesannetega hakkama ja lahkusid sageli töölt. Selle tagajärjel kujunes 1946. a. lõpul olukord, kus iga neljas (kokku 52 in.) valla kultuuriinstruktor oli seda tööd teinud vähem kui 6 kuud, enam kui poolte (132 inimest) staaž ei ületanud aga aastat.¹¹⁰

1947. aastal astus Kultuurhariduslike Asutuste Komitee seisukohale, et valla kultuurharidustöö instruktorid end ei õigusta ja tegi ettepaneku selle instituudi likvideerimiseks.¹¹¹

Maa kultuuriasutustes töötasid küll paljud maaintelligentsi esindajad (peamiselt õpetajad), kuid tegid seda enamasti kohakaasluse alusel. Ka ei olnud neil kogemusi ega ettevalmistust tööks nõukogude klubis.

Kohalike kultuuriasutuste kaadri töölerakendamine toimus sageli küllaldase valikuta, valla kultuuritöö instruktori, partorgi ja täitevkomitee poolt, küsimust maakonna parteikomitee ja kultuuriosakonnaga kooskõlastamata. Väga halvasti täideti esialgu EK(b)P Keskkomitee büroo otsust (1945. a. aprillist)¹¹², et kõik rahvamajade juhatajad peab tööle kinnitama partei maakonnakomitee büroo. Veel 1946. aastal oli neist vaid 20–30 protsenti ettenähtud korras tööle kinnitatud.¹¹³

Teatud ülevaate kultuuritöötajate koosseisust annavad järgnevad andmed.

Tabel 4

Rahvamajade ja maaraamatukogude juhatajate koosseis (1. I 1947. a.)¹¹⁴

	Rahvamajade juhatajad	Maaraamatukogude juhatajad
Peab olema	582	686
On tegelikult	528	664
Neist		
a) kommuniste	10	8
b) kommunistlikke noori	30	41
c) Suurelt Isamaasõjast osavõtnuid	66	32
Haridus		
a) kõrgem ja lõpetamata kõrgem	3	—
b) keskharidus	145	227
c) lõpetamata kesk- ja algharidus	380	437

¹¹⁰ EKPA, f. 1, nim. 48, sü. 51, l. 40.

¹¹¹ Sealsamas, l. 44.

¹¹² EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 190, l. 22.

¹¹³ EKPA, f. 1, nim. 48, sü. 41, l. 47.

¹¹⁴ EKPA, f. 1, nim. 48, sü. 51, l. 40, 41.

Näeme, et osa kultuuritöötajate kohti polnud üldse täidetud. Ei vastanud nõuetele maa kultuuriasutuste juhatajate hariduslik tase. Vähe oli nende hulgas kommuniste ja kommunistlikke noori. Kahjuks ei ilmnenud olulist paranemist ka järgnenud aastatel, samad probleemid jäid päevakorda ka 1947. ja 1948. aastal. 1948. aastal töötas kultuurhariduslikes asutustes ja organites kokku 1814 inimest, neist kommuniste — 141 ja kommunistlikke noori 182.¹¹⁵ Nagu märkis Kultuurhariduslike Asutuste Komitee esimees G. Abels EK(b)P V kongressil, vaheldus 1947. a. 45% kultuurharidustöö kaadrist, 1948. aastal — 35%.¹¹⁶ Seejuures peab silmas pidama, et nende kahe aasta jooksul vallandati poliitilistel motiividel 160 inimest (ca 10%)¹¹⁷. Kokkuvõttes jäi täitmata EK(b)P Keskkomitee XVII pleenumi (1947. a. juuli) otsus, milles nõuti kaadriküsimuse täielikku lahendamist veel 1947. a. jooksul.¹¹⁸ Üldiselt halvasti rakendati maa kultuuriasutuste töös ka ühiskondlikku aktiivi (nõukogud).

Suur osa vastutusest kultuuritöötajate kaadri ebarahuldava valiku ja kasvatamise eest lasus loomulikult kohalikel parteiorganisatsioonidel ja ka nõukogude organitel, kes sellega vahetult tegelema pidid, kuid mitte alati antud tööloigu tähtsust õigesti hinnata ei suutnud.

Kultuurharidustöö parteilise juhtimise teatud paranemine algas 1947. aastal ühenduses maa parteiorganisatsioonide tugevdamise ja partei vallakomiteede moodustamisega. Viimased hakkasid enam tungima kultuuriasutuste töö sisusse, kuulama aruandeid nende tööst jne. Järvamaa parteiorganisatsioonid, näiteks, teostasid 1947. a. 1 kord kvartalis kontrolli kultuuriasutuste töö üle. Umbes samasuguse sagedusega arutas kultuuriasutuste juhatajate aruandeid ka partei maakonnakomitee büroo. Partei maakonnakomitee kontrollis kõikide kultuuriasutuste tööplaane.¹¹⁹

Esines küll ka vastupidist — 1947. aastal ei arutanud EK(b)P Läänemaa Komitee ega vallakomiteed kultuurharidustöö küsimusi ega aidanud vastava kaadri valikul. Loiult tegeles selle tööloiguga ka maakonna komsomoliorganisatsioon.¹²⁰

EK(b)P Keskkomitee XVII pleenumil märgiti kriitiliselt peale Läänemaa ka veel Järva- ja Tartumaad, kus rahvamajad töötasid halvasti, kuid partei maakonnakomiteed ei pööranud nende tööle küllaldast tähelepanu.¹²¹

Kaadri suhtelise nõrkuse tõttu muutus eriti pakiliseks küsimus nende kvalifikatsiooni tõstmisest. Seda nõuti juba EK(b)P Keskk-

¹¹⁵ EKPA, f. 1, nim. 11, sü. 16a, l. 17.

¹¹⁶ EKPA, f. 1, nim. 1—74, sü. 25, l. 124.

¹¹⁷ ENSV ORKA, f. R-1570, nim. 1, sü. 387, l. 68.

¹¹⁸ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 384, l. 295.

¹¹⁹ EKPA, f. 1, nim. 82, sü. 28, l. 76.

¹²⁰ Sealsamas, l. 52.

¹²¹ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 384, l. 4.

komitee VI pleenumi (1945. a. märtsis) otsuses, mille kohaselt ENSV Hariduse Rahvakomissariaat, maakondade parteikomiteed ja haridusosakonnad olid kohustatud korraldama rahvamajajuhatajate seminare (maakondades — 1 kord kuus)¹²². Parteikomiteed korraldasid rahvamajajuhatajatele seminare juba 1944. aastal (Harju-, Valga-, Viru-, Pärnu-, Lääne-, Tartu- ja Võrumaal), kus neid instrueeriti esialgselt poliitilise ja kultuuritöö korraldamise ülesannetest, töö planeerimisest jms.¹²³

EK(b)P Keskkomitee büroo otsusega korraldati 1945. a. juulis-augustis valla kultuurharidusinstruktorite 2-nädalased kursused 96-tunnilise õppeprogrammiga (ÜK(b)P ajalugu, poliitharidustöö vormid ja meetodid jne.).

Sama aasta augustis otsustas EK(b)P Keskkomitee büroo kokku kutsuda rahvamajade juhatajate ning valdade kultuurhariduse instruktorite vabariikliku nõupidamise. Neid ka edaspidi korraldati. Kahjuks kujunes osavõtt nendest oodatust väiksemaks. Nii oli 1946. a. kursustest planeeritud osa võtma 420 inimest (300 rahvamaja juhatajat ja 120 valla kultuuritöö instruktorit), osa võttis aga ainult 179 (vastavalt 113 ja 66) inimest.¹²⁴

Alates 1945. aastast korraldati seminare ja õppekogunemisi ka raamatukogude ja muuseumide töötajatele, kultuuriosakondade juhatajatele, kultuuritöö aktivistidele jt. Kursuste korraldamine jätkus ja laienes ka edaspidi. 1947. aastal toimus kokku 45 kultuuritöötajate seminari, millest võttis osa 1328 inimest.¹²⁵

Kasulikuks ja konkreetseks õppetöö vormiks kujunesid ekskursioonid (esmajoones Leningradi). Nii korraldas Kultuurhariduslike Asutuste Komitee 1946. aastal õppesõidud Leningradi valla kultuuriinstruktoritele (19 inimest), raamatukogutöötajatele (2 korral á 8 päeva, kokku 72 inimest) ja muuseumitöötajatele ekskursioonid Moskvasse ning Leningradi (kokku 24 inimest)¹²⁶. Selliseid üritusi toimus hiljemgi.

Kultuurhariduslike Asutuste Komitee ja kultuuriosakonnad abistasid kohalikke kultuuritöötajaid ka arvukate inspekteerimiste vormis.

Parteioorganisatsioonide poolt korraldati kohtadel kultuuritöötajate poliitõppusi. 1948. aastal võttis ca 90% kultuurharidustöötajatest osa poliitkoolide ja -ringide tööst.¹²⁷

Kõigele vaatamata olid puudujäägid kaadri kasvatamises küllalt tõsised. EK(b)P Keskkomitee nõudis küll korduvalt partei maakonna- ja linnakomiteedelt tähelepanu kultuuritöota-

¹²² EKPA, f. I, nim. 1—3, sü. 371, l. 22.

¹²³ EKPA, f. I, nim. 79, sü. 5, l. 7.

¹²⁴ EKPA, f. I, nim. 81, sü. 30, l. 46.

¹²⁵ ENSV ORKA, f. R-1570, nim. 1, sü. 387, l. 68.

¹²⁶ EKPA, f. I, nim. 81, sü. 30, l. 47.

¹²⁷ ENSV ORKA, f. R-1570, nim. 1, sü. 387, l. 68.

jate kasvatamise ja õpetamise suhtes, kuid esialgu tegid need seda ebarahuldavalt.

Oldi sunnitud tunnistama, et ei Kultuurhariduslike Asutuste Komitee ega kohalikud parteikomiteed ei pööranud kaadri väljaõppele vajalikku tähelepanu. EK(b)P Keskkomitee büroo 17. märtsi 1948. a. otsuses¹²⁸ seati ülesandeks muuta vastavad õppused kohtadel regulaarseteks, mille täitmine edaspidi ka teatud tulemusi andis.

Niisuguses olukorras tekkis küsimus kultuuritöö spetsialistide ettevalmistamisest vabariigis. 1948. aastal toimusid juba ulatuslikud ettevalmistused Raamatukogunduse Tehnikumi loomiseks.¹²⁹ Tegelikult kujunes sellest Tallinna (Viljandi) Kultuurharidustöö Kool, mille loomine hiljem mõnevõrra kaadriprobleemi lahendamisele kaasa aitas.

Väga suuri raskusi oli maa kultuuriasutuste materiaalse baasi loomisel. Paljud rahvamajad ja raamatukogud olid sõjas hävinud või kannatada saanud. Kui sõja eel (1939. a.) oli Eestis 446 rahvamaja, siis 1944. a. lõpuks tegutses neid 308. 1945. aastal suudeti tööle rakendada 541 rahva- ja kultuurimaja ning edaspidi kasvas nende arv veelgi (vt. tabel 5).¹³⁰ Kuid seejuures paljud rahvamajad paiknesid võõrastes, sageli tööks ebasobivates ruumides. Olukorda iseloomustasid (1947. a.) järgmised arvud: kõigist rahva- ja kultuurimajadest 37% töötasid oma ruumides, 38% — koolimajades, 10% — tuletõrjeühingule kuu-luvates hoonetes, 15% — mõnedes juhuslikes ruumides ja hoonetes.¹³¹

Niigi rasketes tingimustes töötavate rahvamajade ruumid võtsid valla täitevkomiteed sageli oma käsutusse, mistõttu kultuuriline tegevus nendes lausa soikus. Tartumaal Torma vallas ja Virumaal Järve vallas muudeti rahvamajad 1946. aastal valla täitevkomitee korraldusel ühiselamuteks, Muhu saarel — viljahoidlaks, Raplas paigutati kultuurimaja ruumidesse postkontor ja rahvakohus jne.¹³² Sellised teod kõnelevad kohalike partei- ja nõukogude töötajate alahindavast suhtumisest kultuuriasutuste töösse ja raskendasid seda suuresti.

Sagedasti esines ka seda, et rahvamajad ei saanud kätte kaupu, mida neile jaotuskava alusel eraldati (petrooleum, riie, värvid jms.). Kultuuriasutuste või nende kasutuses olevad hooned olid üldiselt halvas seisundis, vajasisid kapitaal- või sanitaarremonti.

EK(b)P Keskkomitee XVII pleenumi ettekandes ja sõnavõttudes kritiseeriti teravalt valla partorge ja täitevkomiteesid

¹²⁸ EKPA, f. I, nim. 1—3, sü. 225, l. 60.

¹²⁹ ENSV ORKA, f. R-1570, nim. 1, sü. 387, l. 64.

¹³⁰ ENSV ORKA, f. R-1570, sü. 387, l. 91.

¹³¹ EKPA, f. I, nim. 1—3, sü. 384, l. 38.

¹³² EKPA, f. I, nim. 48, sü. 51, l. 11.

tähelepanematu suhtumise eest kultuuriasutuste vajadustesse, kuid murrangulisi tulemusi see esialgu ei andnud.

Raskustele vaatamata paranes rahvamajade töö maal neil aastail. Mis puutub asja kvantitatiivsesse külge, siis selle arengut iseloomustab alltoodud tabel, milles on andmed kõigi riiklike klubiliste asutuste töö kohta. Absoluutne enamus neist asus maal. Näiteks 1945. aastal oli riiklikke klubilisi asutusi üldse 541, neist maarahvamaju 490.

Nagu toodud ametlikest andmetest nähtub, tegid massiline kunstiline isetegevus ja muud klubilised vormid läbi küllalt tõhusa edasimineku. Selline järeldus jääb maksma ka siis, kui silmas pidada, et teatud määral esines kultuurharidustöö kohta esitatud andmetes ka juurdekirjutusi.

Klubiliste asutuste tegevuse edasiminekest andsid tunnistust esimeste sõjajärgsete aastate kunstilise isetegevuse ülevaatused — maakondlikud laulupäevad 1946. aastal ja 1947. a. laulupidu.

Nõukogulike laulupidude korraldamise initsiaatoriks oli vabariigi parteiorganisatsioon, selle Keskkomitee. Oma otsuses (1945. a. märtsist) «Kunsti arengust ja ülesannetest Eesti Nõukogude Sotsialistlikus Vabariigis» nägid EK(b)P Keskkomitee ja Eesti NSV Rahvakomissaride Nõukogu ette taastada vabariigis üldlaulupidude traditsioon, andes sellele uue, sotsialistlikku sisu. XII üldlaulupidu otsustati korraldada 1947. a.

EK(b)P Keskkomitee oli mitte ainult rahvusliku kultuuri-traditsiooni — laulupidude — jätkamise ja edasiarendamise mõtte algataja, vaid ka selle ürituse organiseerimise keskus. EK(b)P Keskkomitee büroo otsusega (1946. a. augustist) loodi XII üldlaulupeo komisjon eesotsas EK(b)P Keskkomitee sekretäri sm. Ed. Pälliga. 1947. a. loodi aga juba järgneva, XIII üldlaulupeo peakomisjon, mille koosseisu 1948. a. septembris osaliselt muudeti ja täiendati.

Et hoogustada ettevalmistusi esimeseks Nõukogude Eesti laulupeoks, pidas EK(b)P Keskkomitee soovitatavaks korraldada 1946. aastal vabariiklik kunsti ja kunstilise isetegevuse dekaad, sellele eelnevalt ka laulupäevad maakondades. Nimetatud üritused toimusid 1946. a. suvel edukalt.

Nõukogude Eesti laulupidu 1947. a. kujunes suursündmuseks vabariigi kultuurielus. Seda tõendas esinejate arv (ca 30 tuhat), veel enam aga murrang isetegevuslaste repertuaaris, laulupeo ideelis-kasvatuslikus eesmärgis.¹³³

Suuri raskusi kultuuriasutuste töös valmistas isetegevuslaste repertuaari vähesus. Kultuuri- ja parteiorganid tegid kõik neist sõltuva, et vältida ideelageda või kodanlikest vaadetest kantud repertuaari sattumist isetegevuslavale. Isetegevuslaste reper-

¹³³ «Eesti Kommunist», 1969, nr. 2, lk. 63.

Tabel 5

Andmed klubiliste asutuste tegevusest Eesti NSV-s (1944–1948)¹³⁴

Aasta	Klubiliste asutuste arv	Antud kontserte ja näidendeid	Laulu- koore		Näite- ringe		Muud kunstil. iseteg. ringid		Põllu- maj. ringid		Muud õppe- ringid		Kokku	
			arv	osa- võtj.	arv	osa- võtj.	arv	osa- võtj.	arv	osa- võtj.	arv	osa- võtj.	arv	osa- võtj.
1944	308	400	122	2668	149	2054	83	689	3	39	245	3533	602	9013
1945	541	4558	344	...	442	...	193	...	76	...	1188	...	2243	22000
1946	625	7214	432	10138	589	8840	740	9205	106	2222	1409	31299	3276	61704
1947	651	9435	456	11347	654	9896	792	8976	313	6029	1405	33104	3656	69352
1948	671	10448	470	11232	685	10526	847	9301	417	9137	1697	33527	4186	73723

¹³⁴ ENSV ORKA, f. R-1570, nim. 1, sü. 387, 1, 91.

tuuar kuulus läbivaatamisele ja kinnitamisele vabariigi Kunstide Valitsuses. See tagas kunstilise isetegevuse viljelemise vajaliku ideelise suuna ning taseme. Laialt levis nõukogude korra tingimustes eesti draamaklassika (A. Kitzberg jt.). Vajalikku lisa saadi ka tõlgete näol vennasrahvaste keeltest. Üldiselt valitses aga isetegevuslike näiteringide repertuaari suur puudus. Vaid vähesed autorid olid loonud isetegevustele sobivaid lavateoseid. Olulist lisa isetegevuslaste repertuaarile oleks saanud anda vastava kultuuripärandi kriitiline hinnang ja sobiva osa kasutuselevõtmine. Seda takistasid aga mitmed asjaolud. Kodanliku Eesti isetegevusliku näitekunsti repertuaar oli tõsiselt risustatud teostega, mida ei saanud lubada nõukogude korra tingimustes lavale, kuna neis kajastusid natsionalistlik ideoloogia, väikekodanlik ellusuhtumine ja kunstiline küündimatus. Eelöeldust tulenes vajadus erilise hoole ja tähelepanuga hinnata isetegevuslike näiteringide senist repertuaari, mis kodanliku korra ajal ulatus ca 900 näidendini. Repertuaaripärandi hindamisega tegeles aga esialgu Kunstide Valitsuses vaid 1—2 inimest. Selle tulemusena suudeti 1945. aastal lubada isetegevuslastel kasutada vaid 27 teost (enamuses eesti klassika), millele lisandusid ka 7 nõukogude autorite tööd.¹³⁵ Mõnevõrra lahedam oli olukord laulukooride, puhkpilliorkestrite jt. repertuaari osas. 1945. aastal oli laulukooridele soovitatud teoste nimekirjas juba 201 laulu, neist 44 — kaasaegsete autorite omi. Puhkpilliorkestrite repertuaaris oli samal ajal 45 teost, neist 9 — nõukogude heliloojailt.¹³⁶

Esimestel sõjajärgsetel aastatel sattus siiski isetegevuslavale ka ideeliselt ja kunstiliselt nõrku, labaseid, poliitiliselt kahjulikke teoseid. Sellele pööras tähelepanu ENSV haridusminister J. Nuut EK(b)P Keskkomitee VI pleenumil (1945. a. märtsis), kus ta märkis: «Otsitakse labaseid lavatükke, mis meeldib, mis aga oleks poliitilise selge joonega, mis meil just vaja on, need asjad surutakse tagaplaanile, kartes, et ei kutsu rahvast kokku.»¹³⁷

Peamiseks põhjuseks niisugusele suhtumisele oli vastavate parteiorganisatsioonide kasvatustöö üldine nõrkus ja valvsuse puudumine ideoloogilises võitluses. Parteiorganid olid sunnitud teravalt reageerima sedalaadi puudustele. Üks niisugustest intsidenditest oli järgmine. 1948. a. jaanuaris toimus Kohilas peoõhtu, kus esitati A. Kullerkupu näidend «Püha Mihkel», mille esitamiseks ENSV Kunstide Valitsuse luba ei olnud. Et seda siiski lavale tuua, võltsis kohalik näitejuht A. Leid Kunstide Valitsuse juhataja P. Rummo allkirja, mille alusel sai kohapeal

¹³⁵ EKPA, f. 1, nim. 80, sü. 26, l. 2.

¹³⁶ Sealsamas, l. 3.

¹³⁷ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 372, l. 63.

esinemisloa. Valla parteiaktiiv ilmutas selles küsimuses täielikku printsiibitust — ideetu ja labase jandi esitamist mitte ainult ei takistatud, vaid, vastupidi, valla täitevkomitee esimees sm. Tiidema esines ise näidendis osalisena.¹³⁸

Mõne päeva pärast avaldati ajalehes «Rahva Hää» artikkel, kus võeti kriitika alla sellise näidendi esitamine Kohilas.¹³⁹ Samal päeval toimunud EK(b)P Harjumaa Komitee büroo istungil kuulati Kohila valla parteikomitee sekretäri sm. Laanisto informatsiooni antud küsimuses. Büroo otsuses hinnati valla parteikomitee käitumist kui poliitilist lühinägelikkust ning peeti vajalikuks tugevdada kommunistide poliitilist õppust vallas ja korraldada kultuurharidustöötajatele spetsiaalne õppus teemal «Kuidas kultuuriasutused peavad nõukogude ideoloogiat ja mõteteviisi kasvatama ja arendama».¹⁴⁰

Rahvamajadel lasus ka teine põhiülesanne — teha massilist poliitilist tööd elanikkonna hulgas. See seisnes loengupropaganda korraldamises, riiklike tähtpäevade tähistamises, poliitiliste ja majanduslike kampaaniate läbiviimisele kaasabi osutamises jne. Ka suur osa poliitringidest ja -koolidest maal tegutsesid sel ajal just rahvamajade juures.

EK(b)P Keskkomitee propaganda- ja agitatsiooniosakond poliitilist tööd elanikkonna hulgas. See seisnes loengupropaganda Kontrollis neil aastail korduvalt maa kultuuriasutustes poliitkasvatustööd. Ka partei maakonnakomiteed andsid igakuist informatsiooni selle tööloigu kohta. Neis materjalides sisaldub väga palju kriitilist. Tavaliseks oli järeldus, et kultuuriasutused töötavad selles osas veel ebarahuldavalt.

Tagasihoidlikuks jäi rahvamajade osa ka kolhoosiliikumise vahetu organiseerimise käigus 1948. aastal.

Samal ajal hakkas vabariigis esile kerkima ka rahvamaju, kus poliitiline ja kultuuritöö hästi laabus. Rahvamajadevahelise sotsialistliku võistluse rändpunalipu, mis oli asutatud EK(b)P Keskkomitee ja Eesti NSV Ministrite Nõukogu otsusega, sai poliitmassilise töö eeskujuliku organiseerimise eest 1948. aastal Sadala rahvamaja Tartumaal.¹⁴¹

Oma tööga edukalt toime tulnud rahvamaju oli tollal vabariigis mitmeid teisigi.

Raamatukogude töös maal esines neil aastail samuti mitmesuguseid raskusi. Üheks, nagu märgitud, oli kaadri küsimus. See ei olnud küll nii terav kui rahvamajade osas, kus nõuded töötajatele olid veelgi kõrgemad ja töö keerukam. Ometi oli ka siin puudus töötajatest, olemasolevate kvalifikatsioon aga sageli

¹³⁸ EKPA, f. 1, nim. 11, sü. 16a, l. 1—7.

¹³⁹ «Rahva Hää», 31. jaan. 1948.

¹⁴⁰ EKPA, f. 11, nim. 11—10, sü. 5, l. 68.

¹⁴¹ EKPA, f. 1, nim. 1—37, sü. 70, l. 207.

madal, kaadri voolavus suur. Pärast sõda pandi väikeste maa-
raamatukogude juhatamine sageli külanõukogu sekretärile, kes
tegi seda siis oma töö kõrval. Suuri raskusi oli raamatukogu-
ruumidega. Tõsiselt jäi vajaka raamatupropagandat, tööd luge-
jatega jms.

Aeglaselt arenes esialgu ka maaraamatukogude puhastamine
keelatud ja aegunud kirjandusest. Seda märgiti 1947. a. oktoob-
ris toimunud vabariiklikul parteiaktiivi nõupidamisel. Seejuures
rõhutati, et vastutus langeb siingi esmajoonel partei maakonna-
komiteedele, kes raamatufondi puhastamise on hooletusse
jätnud.¹⁴²

Vaatamata raskustele arenes raamatukogude töö üldiselt
tõusu suunas. Sellest kõnelevad ka alljärgnevad kokkuvõtted
(vt. tabel 6). Olgu eelnevalt märgitud, et saksa fašistlikust oku-
patsioonist vabanemisel oli Eesti NSV-s säilinud vaid 447 raa-
matukogu raamatufondiga 607 tuhat eksemplari.¹⁴³ Üldse hävis
fašistliku okupatsiooni aastail Eestis 322 riiklikku raamatukogu.
Okupatsiooni ajal sai raskesti kannatada raamatufond, kuna
kõrvaldati ja hävitati üle 200 tuhande eksemplari J. Londoni,
St. Zweigi, T. Manni, U. Sinclairi, Th. Dreiseri, H. Barbusse'i jt.
maailmakirjanduse klassikute teoseid. Hävitati samuti kõik eesti
kirjanike A. Alle, A. Hindi, A. Jakobsoni, J. Barbaruse, A. Ant-
soni, M. Jürna, M. Raua teosed, nõukogude vene kirjandus aas-
taist 1917—1941, igasugune fašismivastane, demokraatlik ja
sotsialistlik kirjandus, mis oli raamatukogudes.¹⁴⁴

Niisiis kasvas külaraamatukogude arv 566-lt (1945. a.) kuni
718-ni (1948. a.). See tähendab, et 1948. aastal tuli iga vaba-
riigi külanõukogu kohta keskmiselt peaaegu 3 raamatukogu.
Kahekordistus nendes olev raamatufond. Lugejate arv maaraa-
matukogudes kasvas samal ajal 48 tuhandelt 99 tuhande inime-
seni, s. o. kahekordseks. Võrdluseks märgime, et 1939. aastal oli
külaraamatukogudes 54 580 lugejat.¹⁴⁵

Kui 1939. aastal külaraamatukogud teostasid 666 tuhat lae-
nutust, seega ca 12 laenutust lugeja kohta, siis 1945. aastal
vastavad näitajad olid 550,4 tuhat ja 12, 1948. aastal aga juba
2 miljonit 97,3 tuhat ja 21.

Kiiremas tempos kui laenutuste üldine kasv suurenes ühis-
kondlik-poliitilise kirjanduse lugemine maal. 1948. aastal oli
keskmiselt iga seitsmes külaraamatukogust laenutatud raamat
ühiskondlik-poliitilise kirjanduse hulgast. See võimaldab teha
järelduse, et raamatukogud kujunesid maal juba esimeste sõja-

¹⁴² EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 346, l. 80.

¹⁴³ Nõukogude Eesti raamatukogundus. II. Tallinn, 1964, lk. 32.

¹⁴⁴ Sealsamas, lk. 30.

¹⁴⁵ Sealsamas, lk. 75.

Andmed ENSV riiklike rahvaraamatukogude tööst
(1945.—1948. a.)

Aasta (lõpp)	Raamatu- kogusid		Raamatu- fond (tuh.)		Lugejaid (tuh.)		Laenutusi (tuh.)		Ühisk.- pol. kirj. laenu- tusi (tuh.)		Ilukir- janduse laenu- tused (tuh.)		Lugejate konve- rentse ja kirjandus- õhtuid korralda- nud	
	kokku	sellest küla- raamatu- kogudes	kokku	sellest küla- raamatu- kogudes	kokku	sellest küla- raamatu- kogudes	kokku	sellest küla- raamatu- kogudes	kokku	sellest küla- raamatu- kogudes	kokku	sellest küla- raamatu- kogudes	kokku	sellest küla- raamatu- kogudes
1945	618	566	818,6	494,0	96,6	48,0	1495,7	550,4	152,6	93,0	938,5	314,4	...	...
1946	732	674	1024,0	684,2	127,9	79,1	2075,1	931,1	241,7	151,9	1343,4	520,8	378	342
1947	764	702	1240,5	857,4	137,7	83,8	2830,0	1503,4	344,3	212,1	1628,1	775,9	551	503
1948	782	718	1413,6	991,2	159,4	99,0	3730,8	2097,3	501,4	297,8	1865,5	946,7	650	595

¹⁴⁵ Tabel on koostatud teose «Nõukogude Eesti raamatukogundus» II, Tallinn, 1964, lk. 33, 52, 74, 75, 76, 79 alusel.

järgsete aastate jooksul olulisteks poliitilise kasvatustöö tegijateks.

Ilukirjandusest loeti neil aastail kõige enam vene ja nõukogude klassikute töid, nagu M. Gorki «Ema» ja «Lapsepõlv», N. Ostrovski teost «Kuidas karastus teras», L. Tolstoi «Sõda ja rahu» I—IV, A. Tšehhovi «Valitud novelle» jt. Väga nõutud olid ka J. Smuuli «Järvesuu poiste brigaad» (1948), «Tormi poeg» (1947), A. Jakobsoni näidendid «Elu tsitadellis» (1946) ja «Võitlus rindejooneta» (1948) jt.¹⁴⁷

Vabariigis kerkisid neil aastail esile selliseid eesrindlikud raamatukogud nagu Oisu, Raudna, Kiini ja Puiatu Viljandimaal, Ridala ja Risti Läänemaal, Taikse ja Retla Järvemaal jpt.¹⁴⁸

Vaatamata suurtele raskustele kaadri, materiaalse baasi jne. osas saavutati vabariigis parteiorganisatsiooni suunamisel edu kultuurhariduslike asutuste töös. Nad kujunesid üha enam parteiorganisatsioonide abilisteks poliitilise selgitustöö tegemisel elanikkonna hulgas. Elavnes ka loenguline töö kultuurhariduslikes asutustes.

Seda soodustas ka Eesti NSV Poliitiliste ja Teadusalaste Teadmiste Levitamise Ühingu loomine (1947) ning koostöö kultuuriasutustega.

Oma osa etendasid klubilised asutused ja raamatukogud ka agrotehniliste teadmiste levitamises, sotsialistliku põllumajanduse eeliste ning kogemuste propageerimises, seda eriti 1948. aastast alates.

Kultuuriasutuste (eriti rahvamajade) tööga on lahutamatult seotud ka kino levik maal ja selle mõju pidev suurenemine elanikkonna hulgas.

Tõsiseid raskusi esines vahetult pärast Eesti NSV vabastamist kinovõrgu organiseerimisel ja töölerakendamisel, eriti maal. 1944. aasta detsembris tegutses vabariigi kümnes maakonnas kõigest 6 rändkino, mis andsid planeeritud 900 seansi asemel ainult 180 seanssi (6,3 tuhat vaatajat). Statsionaarset kino polnud isegi kahes maakonnalinnas (Võru, Valga). Pärnu- ja Saaremaal ei suudetud 1944. a. lõpuni maa-asulates üldse korraldada filmide näitamist. 1945. aasta jaanuaris kasvas rändkinode arv vabariigis küll 10-ni, kuid ka seda oli liiga vähe. Pealegi raskendas rändkinode tööd kütte (bensiin) vähesus, raskused transpordi ja ruumidega. Teatud takistuseks oli esialgu ka nõukogude raha puudumine elanikkonnal (muide, 25. oktoobrini 1944. a. toimus seetõttu filmide demonstreerimine maal tasuta).

EK(b)P Keskkomitee büroo analüüsis 1945. a. jaanuaris olukorda kino alal ja seadis ülesandeks kõikide maakondade varus-

¹⁴⁷ Nõukogude Eesti raamatukogundus, II, lk. 55.

¹⁴⁸ Sealsamas.

tamise rändkinodega, kavandas abinõud kinovõrgu väljaarendamiseks ja kinotöötajate materiaalseks kindlustamiseks.¹⁴⁹

1945. a. lõpuks ületas kinoseadmete arv (61) Eesti NSV-s sõjaeelse taseme. Pooled neist (32) teenindasid maatöötajaid. Kuid selline kinovõrgu areng ei suutnud tagada veel elanikkonna vajaduste rahuldamist. 1945. aastal oli vabariigis kinokülastajaid 4,5 miljonit, neist maal vaid 0,5 miljonit.¹⁵⁰ Seega tuli 1945. aastal iga maaelaniku kohta vaid 1 kinokülastus (linnas — 15).

1946. aastal kasvas kinokülastajate arv maal üsna märgatavalt, tõustes 870 tuhandeni (kogu vabariigis — 5,3 miljonit).¹⁵¹

Soodsat mõju kinovõrgu väljaarendamisele ja kinopropaganda parandamisele avaldas Eesti NSV Kinematograafia Ministeeriumi loomine 1946. a. septembris.

Järgnenud aastate jooksul jätkus kinokülastajate arvu kasv vabariigis, kusjuures see oli suhteliselt kõige kiirem maal. 1950. aastal käis maal kinos juba 1,8 miljonit (kogu vabariigis 8,1 miljonit külastajat), seega 3,6 korda rohkem kui 1945. aastal.¹⁵²

Ilmseks puudujäägiks oli aga see, et veel 1948. aastalgi toimus filmide demonstreerimine maal piirkonniti väga ebaühtlaselt. Keskustele lähemal asuvates maaasulates toimusid kinoseansid väga sageli, kaugemates külates aga harva. EK(b)P V kongressil märkis ENSV kinematograafia minister O. Lauristin, et kui näiteks Anija vallas toimus 1948. aastal 22 kinoseanssi kuus, siis Järvakandi vallas 3 korda ja paljudes valdades 1—2 korda kuus.¹⁵³

Üldiselt halb oli neil aastail filmide demonstreerimise tehniline tase.

Tõsiselt sisulisi puudujääke esines filmipropagandas. Sageks olid esialgu nähtused, kus uued filmid jäid 1½—2 kuuks lattu seisma, kuna Kinofikatsiooni Valitsus ei suutnud organiseerida nende kiiret demonstreerimist. Tihti hilines filmide linastamine ka seetõttu, et neid ei suudetud operatiivselt varustada eestikeelsete subtiitritega.

Olgu märgitud, et 1944. a lõpus oli vabariigi kinofondis vaid 29 eestikeelse tekstiga filmi (kokku kõigis žanrides), filmide üldarv ulatus samal ajal 103-ni.¹⁵⁴ Maarajoonides demonstreeriti põhiliselt vaid kolme filmi: «Lenin 1918. aastal», «Rahvatasujad», «Orjoli lahing»¹⁵⁵. EK(b)P Keskkomitee büroo arutas 1945. aasta aprillis filmilaenuotuse olukorda vabariigis ja leidis, et filmide ringluse kiirendamiseks võib neid käiku lasta ka eestikeelse teks-

¹⁴⁹ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 186, l. 58—61.

¹⁵⁰ 25 aastat Nõukogude Eestit. Statistiline kogumik Tallinn, 1965, lk. 123.

¹⁵¹ EKPA, f. 1, nim. 79, sü. 18, l. 19.

¹⁵² 25 aastat Nõukogude Eestit, lk. 123.

¹⁵³ EKPA, f. 1, nim. 1—74, sü. 25, l. 238.

¹⁵⁴ EKPA, f. 1, nim. 79, sü. 3, l. 7.

¹⁵⁵ EKPA, f. 1, nim. 79, sü. 3, l. 11.

tita.¹⁵⁶ Samal ajal hoogustati filmide dubleerimist eesti keelde ja nende varustamist eestikeelse tekstiga, mis arusaadavalt suurendas filmide mõju maaelanike hulgas. 1946.—1947. aastatel dubleeritigi eesti keelde filmid «Töötus», «Suur murrang», «Rahvaste kohus», «Pojad», «Elu nimel», «Taevatigu» jt. Seda tööd jätkati ka 1948. aastal.

Väga olulist osa kinopropagandas etendas dokumentaal- ja kroonikafilmi demonstreerimine, mille kaudu jõudis vaatajani konkreetne ja elamuslik informatsioon sõjasündmustest, tööst viis-aastaku ülesannete täitmisel jm.

1944. aastal asuti ka Tallinna Kinostuudio loomisele. Nimelt viibisid 1944. a. septembris EK(b)P Keskkomitee kutsel Tallinnas Leningradi Kinostuudio juhtivad töötajad, kellega koos arutati Tallinna Kinostuudio taastamisega (sisuliselt loomisega) seotud küsimusi.¹⁵⁷

Leningradi kolleegide kaasabil alustas peagi tööd Kroonika- ja Dokumentaalfilmi Tallinna Kinostuudio. Stuudio toodang leidis elavat vastukaja vaatajates, kuna puudutas neile lähedasi probleeme vabariigi elust.

1946. a. märtsis võttis EK(b)P Keskkomitee büroo vastu otsuse «Kunstiliste filmide tootmise organiseerimisest ENSV-s». Selle otsuse realiseerimise tulemusena pandi tegelikult alus kunstiliste filmide loomisele vabariigis. Juba järgmisel aastal valmis tihedas koostöös stuudioga «Lenfilm» esimene eesti täismetraažiline kunstiline film «Elu tsitadellis». Selle demonstreerimine vabariigi kinodes kujunes suursündmuseks ja tänu oma aktuaalsusele avaldas vaatajatele suurt kasvatuslikku mõju. 1947. aastal lõi Tallinna Kinostuudio ka täismetraažilise filmi esimesest nõukogude laulupeost Eestis.

Filmipropaganda suureks puudujäägiks neil aastail oli see, et poliitilise kasvatusse seisukohalt eriti vajalike filmide külastatavus jäi sageli väheks. Nii vaatas vabariigis nelja aasta jooksul (1945—1948) filmi «Lenin Oktoobris» kokku vaid 73 tuhat inimest, filmi «Jakov Sverdlov» käis 1948. aastal vaatamas vähem kui 10 tuhat inimest.¹⁵⁸ Tegemist oli ilmselt elanikkonna küllalt suure osa teatud eelarvamusega teravalt poliitilise sisuga (kuigi samal ajal ka kunstiküpsete) filmide suhtes, mida ei suudetud ületada. Osa süüd langes selles ka ühiskondlikele organisatsioonidele, kes ei suutnud küllaldast selgitustööd niisuguste filmide kasuks teha.

Kultuurharidusasutuste tegevust maal sõjajärgsetel aastatel hinnates tuleb arvesse võtta seda, et tegemist oli keeruka ülesandega — luua massiline kultuuri- ja kasvatus töö sootuks uutel

¹⁵⁶ EKPA, f. 1, nim. 1—3, sü. 190, l. 60.

¹⁵⁷ EKPA, f. 1, nim. 79, sü. 18, l. 19.

¹⁵⁸ EKPA, f. 1, nim. 1—74, sü. 25, l. 241—242.

alustel, sotsialistlikule ideoloogiale tuginedes, rajada tegelikult uus kultuuriasutuste võrk, lahendada kaadriprobleem jne. Seda kõike tehti raske majandusliku olukorra ja terava klassivõitluse tingimustes. Seetõttu oli paratamatu, et kultuurharidustöö tulemused, selle tegelik kasvatuslik väärtus jäi veel kaugele maha partei kavandatud nõuetest. Olukorda halvendas veelgi üldiselt ebarahuldav kultuuriasutuste töö suunamine kohalike parteiorganite ja organisatsioonide poolt.

Täiesti ebaõige oleks aga samal ajal eitada või vähendada kultuuriasutuste tegevuse vaieldamatut tähtsust maatöötajate ideelises ja kultuurilises arengus, nende aastate ideoloogilises ja poliitilises võitluses maal. Seda näitavad ka ülaltoodud faktid ja materjalid.

EK(b)P V kongress tegi kõigile partei- ja nõukogude organitele ülesandeks taotleda kultuurharidusasutuste ja kino töö edasist parandamist.

* * *

Ideelis-poliitilise kasvatustöö areng maal esimestel sõjajärgsetel aastatel nõudis suurte raskuste ületamist. Vajaka jäi kogemustest, kaadrist, sageli ka materiaalist vahenditest ja muust vajalikust.

Samal ajal oli aga ka mitmeid soodustavaid asjaolusid, mis aitasid kaasa poliitilise selgitustöö edule talurahva hulgas. Nende hulgas tuleb nimetada kõigepealt nõukogude võimu tegelikku poliitikat, mis lähtus töötajate olulistest huvidest ja kinnitas partei veenmistööd praktikas. Soodsalt mõjus ka asjaolu, et määrav osa külakehivistust, uusmaasaajatest ja osa keskmikest asusid kindlalt nõukogude võimu poolele. Partei selgitustöö leidis nende hulgas aktiivset toetust.

Vabariigi parteiorganisatsiooni enda arvuline ja ideeline kasv soodustas olulisel määral kasvatustööd maal.

EKP ideoloogiline töö külas neil aastail aitas kaasa kodanlik-natsionalistlike mõjude olulisele nõrgenemisele talurahva hulgas, tugevnes tema liit töölikklassiga. Töötava talurahva töökspidamiste areng ilmnis selgelt tema ühiskondliku aktiivsuse kasvus: murranguliselt kasvas talupoegade astumine partei ridadesse ja maanoorte vastuvõtmine komsomoli, maatöötajate osavõtt poliitilistest ja majanduslikest üritustest aktiveerumine, süvenes arusaamine riiklike kohustuste täitmise vajadusest jne.

Kommunistliku partei juhitud ideelis-poliitiline töö külas sõjajärgsetel aastail lõi seega tähtsaid eeldusi järgnenud üleminekuks sotsialismi ülesehitamisele, töötavate talupoegade ühinemiseks kolhoosidesse.

ОБ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ КП ЭСТОНИИ СРЕДИ КРЕСТЬЯНСТВА

Ф. Кинкар

Резюме

Одной из главных предпосылок перехода к социализму является воспитание трудящихся в духе социалистической идеологии. Необходимость этого особенно остро ощутилась в первые послевоенные годы в Советской Эстонии. Перед КП Эстонии стояла задача создания системы средств массового политического воспитания, способной обеспечить успешную борьбу против влияния буржуазной идеологии, за широкое распространение социалистической идеологии.

В данной статье автор стремился дать обзор деятельности КП Эстонии по организации и руководству печатью, радиовещанием и культурно-просветительными учреждениями за 1944—1948 годы. В статье рассматривается их влияние на преобразование политического сознания трудящегося крестьянства республики.

Преодолевая серьезные организационные и прочие трудности КП Эстонии за краткое время сумела обеспечить развитие печати и радиовещания а также работу культурно-просветительных учреждений. Приведенные в статье данные дают возможность сделать вывод о их значительной роли в деле воспитания трудового крестьянства в духе социалистической идеологии. Это в свою очередь способствовало переходу крестьянства Эстонии на путь осуществления ленинского кооперативного плана.

ON THE IDEOLOGICAL AND POLITICAL EDUCATION CARRIED OUT BY THE CPE AMONG THE RURAL POPULATION

F. Kinkar

Summary

One of the main preconditions for a transition to socialism is the education of the masses of the people in the spirit of socialist ideology. During the first post-war years there was an especially urgent need for this. The CPE was confronted with the task to create a system of political education among the masses which would guarantee a successful struggle against the harmful impact of bourgeois ideology and for the wide propagation of socialist ideology.

In the present paper the author has tried to give a survey of the activities of the CPE in the organization and guidance of the press, the radio, as well as of the cultural and educational institutions during 1944—1948. The author has kept in view the effect of these means of education on developing the political consciousness of the working rural population.

Surmounting serious organizational and various other difficulties the CPE could, during a comparatively short period, guarantee progress, above all through the press and the radio, but also through the activities of the cultural and educational institutions.

The data introduced, enable us to draw conclusions about the considerable part played by these activities in educating the working rural population in the spirit of socialist ideology which also greatly helped its later transition to the implementation of the Leninist cooperation plan.

ATEISTLIKUD LOENGUD EESTI NSV-s AASTAIL 1957—1963

L. Raid

Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei XX kongressi järgset perioodi iseloomustab ideoloogilise tegevuse tunduv elavnemine kogu Nõukogudemaal. Täites kongressi juhendeid kommunistliku kasvatustöö kohta pöörasid parteiorganisatsioonid küllaltki rohkesti tähelepanu võitlusele usuigandite vastu. On iseloomulik, et just kõnesoleval perioodil laienes ateistliku tegevuse maht järsult. Neil aastail tekkisid ja kujunesid välja teaduslik-ateistlikus kasvatustöös rohkearvulised uued vormid. Ateistlikku propagandat hakati korraldama diferentseeritult elanikkonna eri kontingentide seas. Paranes usuvastase tegevuse organiseerimine.

Aastatel 1957—1963 kuulus partei poolt suunatud usuvastases selgitustöös oluline koht selle tegevuse suulistele vormidele ja vahenditele. Traditsiooniliselt seisis neist esiplaanil loengupropaganda.

Kahjuks ei kajastu ateistliku loengutegevuse areng Eesti NSV-s seni veel lähemalt meie ajaloolaste uurimustes. Tõsi, riivamisi on mõned autorid seda probleemi käsitlenud. Kuid just selle lõigu dünaamika jälgimine võimaldab paremini näha ja mõista vaadeldavatel aastatel toimunud suuri nihkeid ateistliku propaganda enda kvaliteedis ja kvantiteedis ning vaagida loengulise töö osatähtsust kogu ateistliku kasvatuse abinõude üldkompleksis. Põhiliselt kulges vaadeldav töö Eesti NSV Poliitiliste ja Teadusalaste Teadmiste Levitamise Ühingu (PTTLÜ) praktilisel juhtimisel.

Perioodi alguseks oli see ühing kogu oma senise (kümneaastase) tegevuse vältel andnud hinnatava osa rahvahulkade ideoloogilisse kasvatamisse. Ühingu poolt oli selle aja vältel loetud ühtekokku 65 936 loengut kõige erinevamatel teemadel. ENSV ühingu «Teadus» arhiivi (edaspidi UTA) statistilised andmed (aastaaruanded, ettekanded jms.) peegeldavad loengute arvu järgmiselt:¹

¹ Selles statistikas ei peegeldu Loengute Keskbüroo tegevus.

Tabel 1

1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955
104	544	3007	5215	6534	8404	8500	9575	11525
1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	
12528	23700	31566	36458	44694	52576	58002	58033	

Aastail 1956—1963 viibis loengutel:

1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	
809201	1345750	1985503	1749185	2196160	2400000	2400000	3100000	kuu- lajat

Kuid ometi ei täitnud loenguline töö teaduslik-ateistlikus propagandas siis veel neid nõudeid, mis tulenesid Eestimaa Kommunistliku Partei varasematest direktiividest ja ühingu IV kongressi otsustest. EKP häälekanaja «Eesti Kommunist» juhtis veel 1957. a. kolmel korral tähelepanu ateistliku loengutegevuse päevaküsimustele: loengute vähesusele ning temaatilisele kitsapiirilisusele.² Sama direktiivi esitas ka vabariikliku ühingu juhatuse III pleenum 11. VII 1957. a.³ Ent tervikuna jäid teaduslik-ateistlikud loengud 1957. a. siiski ligikaudselt eelmise aasta tasemele, ulatudes arvuliselt 1050-ni. Mõnevõrra põhjustas seda vajaliku lektorite kaadri nappus, millest ülesaamiseks sel ajal järjekindlalt abinõusid rakendati,⁴ kui ka teatavad organisatsioonilised ümberkorraldused. 1957. aastal allutati seni Eesti NSV Kultuuriministeeriumi juhtimisel olnud loengutegevus PTTLU-le. Loengute Keskbüroo tegevus lõpetati. Ühingu funktsioonidesse kuulus nüüd praktiliselt peaaegu kogu vabariigis tehtav loengupropaganda juhtimine.⁵

Samal aastal korraldas ühing 660 loengut filosoofiast, 1076 loodusteadusest, 615 geoloogiast-geograafiast ja 636 astronoomiast.⁶ Rohkesti peeti loenguid noortele.⁷ Mõnevõrra varieerusid

² «Eesti Kommunist», 1967, nr. 3, lk. 58—59; sealsamas, nr. 9, lk. 48, 50; sealsamas, nr. 11, lk. 7.

³ «Rahva Hääle», 13. juuli 1957.

⁴ EKPA, f. 1, nim. 157, sü. 185, l. 23 jm.

⁵ Erandiks jäid ametiühingutes ja mõnedes teistes asutustes (Sanitaarhariduse Maja, Teaduslik-Tehnilise Propaganda Maja, jt.) peetud loengud, — «Rahva Hääle», 9. X 1958. ENSV PTTLU arvestusse ei kuulunud ka need loengud, mida pidasid EKP Keskkomitee ja kohalike parteikomiteede lektorigruppide lektorid.

⁶ ÜTA, f. 1, nim. 1, sü. 309, l. 23.

⁷ 1957. a. loeti vabariigi noortele ligi 3000 loengut, millest võttis osa üle 200 000 kuulaja. 70% neist loengutest peeti koolides. — ÜTA, f. 1, nim. 1, sü. 313, l. 14.

vormid. Üldtuntuks said küsimuste-vastuste õhtud, temaatilised õhtud, kohtumised eesrindlike inimestega, loeng-demonstratsioonid, näitused, põllumajanduspäevad, loeng-ekskursioonid, elavad ajalehed, raadio- ja televisiooniloengud jm.⁸ Märksa suurenes maal peetud loengute arv.⁹

Veelgi enam elavnes loengutegevus 1958. aastal. Siis moodustas ENSV PTTLU lektorite ateistlike loengute koguarv — 1406 kõigest loengutest 4,5% (Samal ajal oli üleliiduline vastav näitaja 5,4%).¹⁰ Usuvastase töö korraldamisel hakati rohkem arvestama nende rajoonide vajadusi, kus usu mõju suhteliselt tugev oli. Nii korraldati Räpina rajoonis lektooriume, küsimuste-vastuste õhtuid, loeng-kontserte ja vaidlusõhtuid kohalikes rahvamajades ning kolhoosides. Ulatuslikum ateismialane lektoorium viidi läbi Mustvee linnas. Otepääl korraldati ateistlik kinolektoorium, kus esinesid loengutega TRÜ õppejõud K. Oja ja O. Štein.¹¹

Soodsalt mõjutas ateistlikku loengupropagandat EKP kasvav tähelepanu NLKP KK 1954. a. novembripleenumi otsuste täitmise vastu.¹² Juba ühingu V kongressil 1958. a. oktoobris käsitleti ateistliku propaganda küsimusi märksa kogemuslikumalt. Akadeemik A. Humala aruandes peatuti ateistliku loengupraktika kasuteguril kommunistliku ülesehitustöö suhtes, toodi näiteid tuntud lektorite V. Maasiku ja P. Bogovski parktikast ning käsitleti ateistliku propaganda ründavuse printsiipi.¹³ Delegaadid peatusid uute traditsioonide sisu- ja organiseerimisküsimustel¹⁴ ja kõnelesid ateistliku töö korraldamise paljudest üksikasjast.¹⁵ Kongress otsustas luua kõikide rajoonide ja linnade PTTLU osakondade juurde teadusliku ateismi sektiioonid.¹⁶

Spetsiaalse otsuse ateistliku loengulise propaganda korraldamise küsimustes V kongressi seisukohtade elluviimiseks võttis vastu ühingu vabariikliku juhatuse presiidium 26. XII 1958. a.¹⁷ Selles märgiti kasvavate arvuliste näitajate kõrval ateistliku propaganda teatud levikut juba ka Mustvees, Tapal, Orissaares, Jõhvis jt. rajoonides, kus usu mõju seni tugev olnud. Räägiti edusammudest meetodiliste abimaterjalide levitamisel ning Tallinna ja Tartu ateistlikest sektiioonidest, kes korraldasid ateistlikke semi-

⁸ UTA, f. 1, nim. 1, sü. 313, l. 19.

⁹ «Rahva Hääle», 9. oktoober 1958 jm.

¹⁰ UTA, f. 1, nim. 1, sü. 372, l. 52.

¹¹ UTA, f. 1, nim. 1, sü. 313; «Rahva Hääle», 16. juuni 1958.

¹² EKPA, f. 1, nim. 193, sü. 21, l. 93, 94; «Rahva Hääle», 10. november 1958 ja «Eesti Kommunist», 1958, nr. 2, lk. 26.

¹³ UTA, f. 1, nim. 1, sü. 313, l. 45, 46.

¹⁴ UTA, f. 1, nim. 1, sü. 313, l. 130—134.

¹⁵ V. Rosse, J. Aunapu, J. Kallikas jt. — vt. UTA, f. 1, nim. 1, sü. 313, l. 114, 115, 128, 130—134 jm.

¹⁶ UTA, f. 1, nim. 1, sü. 313, l. 225.

¹⁷ Vt. Eesti NSV ühingu «Teadus» vabariikliku juhatuse jooksev arhiiv, presiidiumi koosolekute protokollid (1958. a., prot. nr. 3, 26. dets. 1958, lk. 8—12).

nare Raplas, Märjamaal, Põlvas, Kingissepas, Tartus jm. Tõsteti esile küsimuste-vastuste õhtute praktikat Viljandis, Elvas ja Tallinnas, temaatilisi õhtuid ning ateistlikke lektooriume Kohtla-Järvel, Mustvees jm. Kuid samas märgiti, et 1113 loengust, mis loeti väljaspool Tallinna, peeti 430 Tallinna lektorite poolt. Kui 1958. a. 11 kuuga loeti Räpina rajoonis 35, Orissaare rajoonis 35 ja Otepää rajoonis 36 ateistlikku loengut, siis Vändra rajoonis peeti 2, Vastseliinas 3, Kallastel 4 ja Tartu rajoonis 7 ateistlikku loengut. Abja ja Pärnu-Jaagupi rajoonis aga ei peetud neid ühtegi.¹⁸ Samas kritiseeriti ühingu poolt väljaantud metoodiliste abimaterjalide sisulist taset ning paljude ateistlike loengute deklaratiivset iseloomu. Vastuvõetud otsuses nõudis presiidium konfessionaalse religioonikriitika laiendamist ja usumoraali silmakirjalikkuse paljastamist. Samas nähti ette rida abinõusid ateistide kaadri suurendamiseks nii keskuses kui rajoonides, ja otsustati korraldada sektsioonidevahelisi nõupidamisi. Presiidium pidas vajalikuks veelgi laiendada loengulise propaganda vorme, eriti lektooriumide osas.¹⁹

Rida konkreetseid materjale vabariikliku perioodika veergudel ning EKP Arhiivis nendest aastatest kõnelevad partei- ja ühinguorganisatsioonide konkreetsest tegevusest neis suundades.²⁰

Tunduvalt suurenevad vabariigi parteiorganisatsiooni nõuded PTTLU kaudu tehtava loengulise ateistliku propaganda vastu 1959. aastal. Siis peatus EKP Keskkomitee büroo neil küsimustel oma 17. III 1959. a. otsuses²¹ ning arutas läbi ENSV PTTLU töö parandamise abinõud.²² Tulenevalt viimasest otsusest analüüsisid paljud partei rajooni- ja linnakomiteed loengulise töö olukorda oma büroode istungitel²³, mõned aga pleenumitel.²⁴ Kõikidel juhtudel pöörati tähelepanu ka loengulisele usuvastasele selgitustööle. Loomulikult ei piirdunud parteiorganisatsioonide osa PTTLU võitlusvõime tõstmisel ainult märgituga, — enamasti kõikidel kohalikel parteikomiteede ja Keskkomiteede pleenumitel,

¹⁸ ENSV ühingu «Teadus» vabariikliku juhatuse jooksev arhiiv, presiidiumi koosolekute protokollid (1958. a. prot. nr. 3, 26. dets. 1958, lk. 8—12).

¹⁹ Sealsamas. lk. 9—11.

²⁰ «Kultuuritöötaja» 1958, nr. 6, lk. 25—26; «Nõukoude Eesti Tervishiod», 1958, nr. 6, lk. 53; EKPA, f. 1, nim. 193, sü. 28, l. 120, 126.

²¹ EKPA, f. 1, nim. 199, sü. 49, l. 79 jj.

²² EKPA, f. 1, nim. 199, sü. 53, l. 60 jj.

²³ EKPA, f. 4541, nim. 23, sü. 10, l. 9 jj.; EKPA, f. 1, nim. 201, sü. 162, l. 75 jj.; f. 4903, nim. 20, sü. 12, l. 115 jj.; f. 2150, nim. 20, sü. 17, l. 37 jj. Kingissepa rajonikomitee büroo arutas loengulise töö olukorda mitte rajoonis tervikuna nagu kõik teised rajoonikomiteede bürood, vaid Leisi ja Kaarma küla-nõukogude territooriumil asuvates kolhoosides.

²⁴ EKPA, f. 147, nim. 36, sü. 6, l. 106 jj.; EKPA, f. 148, nim. 44, sü. 42, l. 95 jj.; EKPA, f. 4896, nim. 22, sü. 4, l. 53 jj.; EKPA, f. 2150, nim. 20, sü. 14, l. 82.

parteiorganisatsioonide koosolekutel, kus käsitleti ideoloogia probleeme, samuti kõikidel rajoonide-linnade parteiorganisatsioonide konverentsidel või aruande-valimiskoosolekutel ja vabariigi organisatsiooni kongressidel anti juhtnööre selle tegevuse edasiseks arendamiseks.²⁵ Rohkesti abi andis vabariigi parteiorganisatsioon ühingule jooksvas töös.²⁶ Sageli analüüsisid parteitöötajad loengutegevust ajakirjanduse veergudel.²⁷

Parteiorganisatsiooni järjekindel ning laiaulatuslik suunamine stimuleeris 1959. a. märgatavalt loengulist tööd (sealhulgas ka ateistlikku kasvatustööd vabariigis loengute kaudu). Sel aastal kuulus temaatiliselt ateistlike loengute jt. selle töö vormide hulgas aktivasse: «Mis on piibel?», «Kas Kristus oli olemas?», «Kas tuleb maailma lõpp?» (Räpina)²⁸, «Kuidas ja miks tekkis usk jumalasse?», «Ristiusu teke ja olemus», «Luterluse ideoloogia», «Kas haigused on jumala karistus?», «Kas on olemas hing?» (Tartu linn)²⁹, «Eestlased ja ristiusk» (endiselt jutlustajalt R. Laubachilt — Kohtla-Järvelt)³⁰, «Ateistlik kasvatustöö koolis», «Usulised eelarvamused ja teaduslik ettenägemine», «Arstiteadus ja posimine», «Piiblilegendide tekkimine» (Raasiku)³¹, «Räägime minevikuiganditest» (Elva)³² jpt. PTTÜ rajooniorganisatsioonid liitusid aktiivselt uute traditsioonide ja ilmalike kombetalituste organiseerimistöösse. Ühingu suunas süstemaatiliselt oma lektoreid esinema noorte suvepäevadele, kalmistupäevadele jt. üritustele. Ühingu vabariiklik juhatus ja selle presiidium kontrollisid korduvalt kohalike osakondade tööd ja tutvusid lektorigruppide kogemustega.³³ Nad tihendasid sel aastal ka oma sidemeid vabariigi noorsoo ning ELKNU-ga.³⁴

Ühingu tegevuse aktiveerumine viis märgatavale tõusule ka arvuliste näitajate osas. Viimased peegelduvad vaadeldava perioodi ateismialase loengulise töö dünaamikas järgnevalt:

²⁵ Vt. näit. EKPA, f. 1, nim. 198, sü. 20, l. 45 jj., EKPA, f. 1, nim. 198, sü. 22, l. 125 jj.

²⁶ Eriti kaadri ettevalmistamisel (näit. EKPA, f. 1, nim. 199, sü. 56, l. 42, 43 jpt.).

²⁷ Vt. «Eesti Kommunist», 1959, nr. 10, lk. 35—44; sealsamas 1959, nr. 5, lk. 58—61.

²⁸ Sealsamas.

²⁹ «Abiks Agitaatorile», 1959, nr. 24, lk. 27.

³⁰ «Abiks Agitaatorile», 1959, nr. 25, lk. 28.

³¹ ENSV Ühingu «Teadus» vabariikliku juhatuse jooksev arhiiv, presiidiumi protokollide raamatud, 1959. a., prot. nr. 4, 30. jaanuar 1959.

³² Sealsamas, prot. nr. 6, 27. III 1959.

³³ Sealsamas, prot. nr. 6, 27. III 1959! prot. nr. 7, 24. IV 1959; prot. nr. 12, 30. X 1959; prot. nr. 13, 27. XI 1959.

³⁴ Sealsamas, prot. nr. 7, 24. IV 1959.

Tabel 2

Ajavahemikul 1957—1963 loeti vabariigis PTTLU organiseerimisel:

1957 — 897 (+153=1050)	
1958 — 1406	1961 — 1680
1959 — 2062	1962 — 2618
1960 — 1931	1963 — 2625 ³⁵

Otseselt ateistliku temaatika kõrval käsitlesid ühingu lektorid samal perioodil ka rohkesti teemasid sellele lähedastest valdkondadest (loodusteadus, kirjandus, kunst, filosoofia, pedagoogika, meditsiin jt.). Paljudel neist olid otsesed kokkupuutepunktid ateismi probleemistikuga, mistõttu nende osa ei saa kokkuvõttes ka usuvastase töö seisukohast märkimata jätta. Seepärast kõrvutataksegi alljärgnevalt nende teemade mõningaid kokkuvõtteid usuvastase töö hulga: ³⁶

Tabel 3

Aasta	Ateistl.	Filos.	Biol.	Geol.- Geogr.	Astron.	Medit.	Pedag.
1957	897	660	177	615	636	1035	1070
1958	1406	673	456	704	643	1842	2115
1959	2062	864	671	953	826	2173	2677
1960	1931	1380	689	904	747	2916	2784
1961	1680	2838	+	+	+	+	+
1962	2618	2561	+	+	+	+	+
1963	2625	1850	750	1008	728	4726	5522

Ühingusse organiseeritud lektorite arv kasvas käsitletaval perioodil järgmiselt: ³⁷

Tabel 4

1957 — 3693	1961 — 8379
1958 — 5238	1962 — 11223
1959 — 6483	
1960 — 7102	

Toodud näitajad kajastavad Eestimaa Kommunistliku Partei järjekindlat tähelepanu loengulisele propagandale ning selle positiivset resultaati. See tähelepanu ei piirdunud ainuüksi mai-

³⁵ Tabel on koostatud ühingu aasta-aruannete põhjal ÜTA materjalidel. 1957. a. puhul on sulgudes lisatud loengute Keskbüroo statistika jaanuarist märtsini, mil tema tegevus seiskus.

1964. a. loeti vabariigis 3175 ja 1965. a. 3347 ateistlikku loengut ühingu «Teadus» korraldusel.

³⁶ Tabel on koostatud ÜTA ning ühingu «Teadus» jooksva arhiivi materjalide (ühingu temaatilised koondarvestuse kaardid, aasta-aruanded, kongresside aruanded jt. allikad) põhjal.

«+»-ga tähistatud lahtrite osas puuduvad täielikud andmed.

Märkus: Ainevalla valikut piirab oluliselt arhiiviallikate vähesus.

³⁷ Esitatud tabel on koostatud samade allikate põhjal.

nitud loengulist tööd käsitleva EKP Keskkomitee otsuse³⁸ täitmise kontrolliga,³⁹ vaid suurenes veelgi 1960. a., tulenevalt NLKP Keskkomitee 9. I 1960 otsusest⁴⁰ ning EKP XII kongressi juhtnööridest.⁴¹ Siis laiendati veelgi loengulise töö vorme — rohkem hakati pidama teoreetilisi konverentse ja seminare, tööle rakendati uusi lektorigruppe kohtadel ning parteikomiteede juures, korraldati lektorite päevi jt. üritusi.⁴² Lektorite kaadri laiendamisel ja väljakujundamisel tehti suurt organisatsioonilist tööd.⁴³

Loengute paremiku paigutasid kohalikud parteikomiteed 1960. a. prof. O. Steini «Teaduslik-ateistliku propaganda vormidest kaasajal» (Tartu)⁴⁴, kinolektooriumi «Usk on oopium rahvale» (samas), O. Puri «Miks on religioon kahjulik?» (Vändra)⁴⁵, Jalaka «Piibel ja tegelikkus» (Hiiumaa)⁴⁶, «Ateismi nädal» (Narva)⁴⁷ jt.

1960. aasta näitas, et ateismisektsioonide loomine õigustas end. Ainuüksi Pärnu linna sektsiooni 47 ateistilektorit lugesid siis 72 eri teemal ühtekokku 228 usuvastast loengut.⁴⁸ Elavnemist võis täheldada ka teistes rajoonides ja linnades. Sektsioonides töötati välja noorte suvepäevade üritustel esitatavate loengute temaatika⁴⁹ ja suunati sinna lektorid, abi anti ilmalike matuste ja kalmistupäevade läbiviimisel.

Loengutsükleid teemal «Teaduse ja religiooni vastandlikkus» — organiseeris Pärnu sektsioon koolides ja kultuuriasutus-

³⁸ EKPA, f. 1, nim. 199, sü. 53, l. 60 jj.

³⁹ Esimesi kokkuvõtteid otsuse täitmisest tehti juba 1960. a. jaanuaris rajoonide ja linnade parteikomiteedes ning EKP Keskkomitees, hiljem — tulenevalt NLKP Keskkomitee 9. I 1960. a. otsuse täitmise käigust — selle aasta juunis — EKPA, f. 1, nim. 221, sü. 40.

⁴⁰ Selles nõuti: a. Loengulise propaganda ulatuse suurendamist ja ideelise taseme tõstmist; b. Loengute kvaliteedi süstemaatilist kontrollimist; c. Auditooriumi arvestamist, loengute arusaadavust; d. Lektorite ettevalmistamise organisatsiooni parandamist ning uue kvalifitseeritud kaadri kaasatõmbamist. «Eesti Kommunist», 1960, nr. 1, lk. 11—12.

⁴¹ Vt. «Eesti Kommunist», 1960, nr. 20, lk. 22.

Nende otsuste täitmisele pühendati ühingu vabariikliku juhatuse pleenum 18. III 1960 (kusjuures neile dokumentidele lisandus veel ühingu üleliidulise III kongressi otsus) — «Rahva Hääle», 19. III 1960.

⁴² EKPA, f. 1, nim. 211, sü. 9, l. 91.

⁴³ Süsteemikindlalt jätkus lektorite seminaride korraldamine koos EKP Keskkomitee ning ELKNÜ Keskkomiteega. Neil aastail valmistati ette ühiselt 80 uut ateismilektorit; EKPA, f. 1, nim. 211, sü. 10, l. 194; EKPA, f. 1, nim. 198, l. 88 jm.

⁴⁴ EKPA, f. 1, nim. 221, sü. 40, l. 32, 33, 45.

⁴⁵ EKPA, f. 1, nim. 221, sü. 40, l. 103, 104.

⁴⁶ EKPA, f. 1, nim. 221, sü. 40, l. 237.

⁴⁷ EKPA, f. 1, nim. 221, sü. 40, l. 281.

⁴⁸ Vt. ühingu VI kongressi stenogrammi, akad. A. Humala aruannet (10.—11. IV 1961) — ENSV Ühingu «Teadus» juhatuse jooksev arhiiv.

⁴⁹ Sealsamas.

tes. Samas sektsioonis tegutses veel 2 kinolektooriumi teemadel: «Tõde reliikviatest» (30 kinopunktis) ja «Sektantluse praegusest palgest» (31 kinopunktis). Pärnus II linna ja rajooni kultuurimajas toimusid teaduslik-tehnilised konverentsid teemal «Teadus ja religioon maailmaruumi ehitusest», usuvastastel teemadel korraldas sektsioon 15 küsimuste ja vastuste ning 45 temaatilist õhtut.⁵⁰

Üheks oluliseks teadmiste levitamise vormiks said ateistlikud seminarid intelligentsile, samuti mitmesugused ateistlikud klubid.⁵¹ EKP Keskkomitee III pleenumil 1960. a. juunis toodi näiteid sellistest õnnestunud seminaridest.⁵² Neid organiseeriti tavaliselt ühingu ning partei kohalike organisatsioonide ühisel eestvõttel.⁵³

1960. a. andsid juba mitmed kohalikud parteiorganisatsioonid positiivse hinnangu ühingu ateismialasele loengulisele tegevusele. Nii tõstsid Räpina kommunistid esile Satserinna lektori-grupi tööd lastevanemate hulgas.⁵⁴ Kingissepa rajoonis konstateeriti selle töö kvantitatiivset arengut.⁵⁵ Pärnus tehti veelgi enam: 1960. a. 11 kuu vältel loeti seal sektsiooni kohalike parteiorganisatsioonide korraldusel kolm korda rohkem ateistlikke loenguid kui kogu 1959. a. vältel kokku.⁵⁶ Kuid samal ajal Rakvere rajooni riiklikes klubilistes asutustes 1960. a. 9 kuu vältel loetud 203 loengust kuulus teadusliku ateismi temaatikasse vaid 9.⁵⁷ Rida huvitavaid teemasid jäi esitamata lektorite puuduse tõttu.⁵⁸ Osa pedagooge jäi aga sellest tööst hoopis kõrvale.⁵⁹

Ühingu algatusel korraldati rida üritusi, millest väärivad esiletõstmist diferentseeritud loengutsükliid vabariiklikus partei-hariduse majas.⁶⁰ Neist osavõtjatele anti hulk materjale samateemaliste loengute pidamiseks kohtadel.

⁵⁰ Vt. ühingu VI kongressi stenogrammi, akad. A. Humala aruannet (10.—11. IV 1961) — ENSV Ühingu «Teadus» juhatuse jooksev arhiiv.

⁵¹ EKPA, f. I, nim. 198, sü. 40, l. 109 ja V. Mullari õiendit 2. XI 1963 Tartu Riikliku Ülikooli Ateistide Klubi tegevuse kohta (EKP Tartu Linnakomitee propaganda ja agitatsiooniosakonna jooksev arhiiv). Taolisi klubisid loodi sel aastal veel mujalgi.

⁵² EKPA, f. I, nim. 198, sü. 38, l. 53.

⁵³ Aktiivselt kulgesid need seminarid näit. Võru rajoonis.

⁵⁴ EKPA, f. I, nim. 208, sü. 130, l. 40.

⁵⁵ 1960. a. 11 kuuga peeti seal 163 ateistlikku loengut (111 vastu samal perioodil 1959. a.). Samas kõneldi ka loengulise propaganda vormide laienemisest rajoonis. — EKPA, f. 2150, nim. 22, sü. 1, l. 51.

⁵⁶ EKPA, f. 147, nim. 36, sü. 1, l. 45; EKPA, f. 147, nim. 36, sü. 6, l. 72.

⁵⁷ EKPA, f. 2620, nim. 32, sü. 8, l. 221.

⁵⁸ EKPA, d. 2150, nim. 22, sü. 11, l. 22 ja samas, sü. 1, l. 93 (Kingissepa rajoon).

⁵⁹ EKPA, f. 4541, nim. 25, sü. 4, l. 7 (Abja rajoon).

⁶⁰ EKPA, f. I, nim. 189, sü. 55, l. 39.

Võitlus loengulise propaganda kasuteguri suurendamise eest jätkus veelgi ulatuslikumalt 1961. aastal. Sõltuvalt vabariigi parteiorganisatsiooni peatahelepanu keskendumisest ideoloogilises töös NLKP XXII kongressi materjalide propagandale, süvenes partei suunav osa loengulises tegevuses. Mitmel korral arutas EKP Keskkomitee PTTLU vabariikliku organisatsiooni üksikuid ja üldprobleeme ning andis juhtnööre loengulise usuvastase propagandatöö parandamiseks vabariigis.⁶¹ Sedasama tegid ka paljud partei linna- ja rajoonikomiteed. Ühingu osakondade tegevust tervikuna analüüsiti EKP Tallinna ja Tartu Linnakomiteedes ning Tartu, Rapla ja Haapsalu rajoonikomiteedes.⁶² Seda tööd analüüsiti ka külanõukogude või asutustelõikes Haapsalu ja Tartu rajoonis⁶³ ning mitmes ateistliku kasvatustöö kohta vastuvõetud otsuses.⁶⁴ Reeglipäraselt vaadeldi kõikidel juhtudel äsja loodud ateistlike sektsioonide osa usuvastases selgitustöös ning fikseeriti ülesanded selle laiendamiseks.⁶⁵ Kuid rohkesti pöörati tähelepanu ateismi loengulisele propagandale ka partei konverentsidel, koosolekutel jt. üritustel.⁶⁶

PTTLU Vabariikliku organisatsiooni VI kongress 1961. a. aprillis märkis mõningaid organisatsioonilisi kordaminekuid. Toodi näiteid paljudest sisukatest loengutest ja kõneldi vajadusest varieerida loengupropaganda vorme. Kongress seadis edasisteks tegevussuundadeks: 1. paljastada usuideoloogia reaktioonilist iseloomu teaduse uusimate saavutuste põhjal; 2. võidelda otsustavalt usuliste eelarvamuste vastu, materialistliku maailmavaate formeerimise eest; 3. osutada abi uute traditsioo-

⁶¹ Vt. EKPA, f. 1, nim. 199, sü. 188, l. 36 jj.; EKPA, f. 1, nim. 199, sü. 188, l. 167 jj.; EKPA, f. 1, nim. 205, sü. 8, l. 45, 46, 71, 116; EKPA, f. 1, nim. 210, sü. 11, l. 76.

⁶² EKPA, f. 5, nim. 55, sü. 5, l. 147—149; EKPA, f. 148, nim. 50, sü. 17, l. 128 jj.; EKPA, f. 2643, nim. 28, sü. 12, l. 19, 20; EKPA, f. 3303, nim. 32, sü. 64, l. 23—28; EKPA, f. 1701, nim. 29, sü. 15, l. 34—37.

⁶³ Nii arutas EKP Haapsalu Rajoonikomitee büroo loengulise töö olukorda Lihalu näidis-katsesovhoosis, V. I. Lenini nim. kolhoosi parteialorganisatsioonis ja Ridala maalektorigrupis (EKPA, f. 1701, nim. 29, sü. 10, l. 56—59) ja EKP Tartu Rajoonikomitee büroo — loengulist tööd Aksi külanõukogus (EKPA, f. 2643, nim. 28, sü. 12, l. 19, 20). Mõlemal korral käsitleti ateistlikku temaatikat ja intelligentsi osavõttu sellest tööst.

⁶⁴ Vt. EKP Võru Rajoonikomitee büroo otsust «Ateistliku töö läbiviimisest rajoonis» (EKPA, f. 4896, nim. 26, sü. 6, l. 138—140, 154) jm.

⁶⁵ Vt. näit. EKP Rapla RK büroo otsust 27. XII 1961 (EKPA, f. 3303, nim. 32, sü. 64, l. 26) jm.

⁶⁶ Seda tehti kõikidel rajooni- ja linnaorganisatsioonide konverentsidel, (vt. näit. Tartu linna ja Harju rajooni organisatsioonide konverentside materjale — EKPA, f. 148, nim. 50, sü. 1, l. 41—43 ja EKPA, f. 2641, nim. 25, sü. 1, l. 35—37 jm.), samuti EKP Keskkomitee ja kohalikel pleenumitel, vabariiklikel l. 35—37 jm.), samuti EKP Keskkomitee ja kohalikel pleenumitel, vabariiklikel ja kohalikel parteiaktiividel jm., kus käsitleti NLKP XXII kongressi materjalidega seonduvaid ideoloogilise töö küsimusi.

nide ning ilmalike kombetalituste levitamisel.⁶⁷ Kõik need probleemid olid kooskõlas EKP Keskkomitee büroo 17. III 1959. a. otsusega ja tulenesid EKP kongresside ja Keskkomitee pleenumite seisukohtadest usuvastase töö küsimustes.

1961. aastal pühendas ka ühingu vabariiklik juhatus mitmel puhul tähelepanu ateistliku propaganda probleemidele. Riivamisi tehti seda presiidiumi 27. I 1961. a. istungil, kus analüüsiti ühingu Tallinna osakonna tööd ning 5. VI 1961, mil vaadeldi Kingissepa rajooniosakonna tegevust.⁶⁸ Resoluutselt võitles juhatus loengute kvaliteedi eest ning kindlustas organisatsioonisisest distsipliini, üksikjuhtudel ka radikaalseid abinõusid tarvitades.⁶⁹ Tuli võidelda ka ühingu töö diskrediteerimise vastu. 6. IX 1961. a. arutas ühingu juhatuse presiidium oma istungil K. Faizulini kirjutist, mis avaldati ajalehes «Известия» 20. VIII 1961. Ilmnes, et tegemist oli eksliku, kahjuliku artikliga, põhjendamata kriitikaga vabariigi ateistide-aktivistide aadressil. Presiidium tegi kokkuvõttes ulatuslikust kontrollist ateistliku loengulise propaganda üle, aktsepteeris propagandatöö väljakujunenud suundasid ja konstateeris ühingu aadressil tehtud kriitika põhjendamatus ning paikapidamatust. Vastuvõetud otsus ning sellele kaasnev presiidiumi poolt heaks kiidetud protest läkitati «Известия» toimetusele.

10. X 1961. a. võttis presiidium vastu otsuse filosoofia ning teadusliku ateismi sektsiooni reorganiseerimise kohta teaduslik-metoodiliseks nõukoguks (edaspidi TMN).⁷⁰ 28. XI loodi ühingu juhatuse juurde ka loodusteaduste teaduslik-metoodiline nõukogu.⁷¹ Samal päeval kinnitati filosoofia ja teadusliku ateismi teaduslik-metoodilise nõukogu (edaspidi — TMN) isikuline koosseis ja esimene tööplaan.⁷² Selle ümberkorralduse tingis vajadus teaduslik-ateistliku propagandatöö tugeva metoodilise keskuse järele, mille ülesandeid ei suutnud täita juhatuse sektsioon. Väikesekoosseisuline sektsioon (1959. a. oli selles 11 liiget) ei olnud võimeline kindlustama süsteemi- ja plaanikindlat

⁶⁷ Vt. A. Humala aruannet ühingu VI kongressile, M. Pesti, P. Uusmanni, Randrüüdi ja Vakmani sõnavõtte ning kongressi otsust — Eesti NSV ühingu «Teadus» jooksvas arhiivis.

⁶⁸ Vt. ENSV PTTLO vabariikliku juhatuse presiidiumi protokollid 1961. a.; prot. 26, 27. I 1961 ja prot. 2, 5. VI 1961. — sealsamas.

⁶⁹ Nii heideti ühingu ridadest välja vabariikliku juhatuse presiidiumi otsusega lektor P. S. Afanasjev, kes ignoreeris juhatuse korraldusi ja esines omavoliliselt madalakvaliteedilise loenguga. (Tema loeng «Baptismi areng Eestis» tunnistati kõlbmatuks juba 1959. a. retsenseerimisel ja selle autorit ei kasutatud enam lektorina). Afanasjevi kohta ilmus kriitikat ka ajakirjanduses. Presiidiumi otsus tehti 21. II 1961. a.

⁷⁰ ENSV PTTLO vabariikliku juhatuse presiidiumi protokollid, 1961, prot. 10. X 1961, — vt. ENSV ühingu «Teadus» vabariikliku juhatuse jooksev arhiiv.

⁷¹ Vt. sealsamas, prot. 6, 28. XI 1961.

⁷² Sealsamas, Viimases seati mitmeid ülesandeid seoses NLKP XXII kongressi filosoofia- ja ateismi-alaste materjalide propagandaga.

ateistlikku loengulist propagandat vabariigis, osutama metoodilist ja organisatsioonilist abi kohalikele sektiioonidele ning juhtima neid. Tema tegevust iseloomustas mõningate metoodiliste abimaterjalide organiseerimine,⁷³ loengute retsenseerimine,⁷⁴ üksikute organisatsiooniliste ürituste korraldamine kohalikele sektiioonidele⁷⁵ ning Tallinnas — traditsiooniline Kesk-
 lektooriumi ateistlike loengute korraldamine.⁷⁶ Loodud organ-
 kujunes peatselt elujõuliseks ja teovõimeliseks. Tema koosseisu
 kuulus 29 vabariigi nimekat teadlast, ateisti, parteitöötajat, riigi-
 ja ühiskonnategelast.⁷⁷ TMN moodustas oma koosseisust 3 komis-
 joni: 1. dialektilise ja ajaloolise materialismi, 2. teadusliku
 ateismi ja 3. nõukogulike traditsioonide komisjonid. (Neist vii-
 mane oli juba varem loodud juhatuse juurde ja praktiliselt jät-
 kas oma tegevust). Nõukogu protokollide analüüs lubab kõnelda
 ulatuslikust organisatsioonilis-metoodilisest tegevusest aastatel
 1962—1963.⁷⁸ Soovitatud loenguteemade analüüs näitab, et TMN
 lähtus eelkõige NLKP XXII kongressi materjalide propageeri-
 mise ülesandest. Loengute korraldamisel peeti silmas nende
 teaduslikkuse, mõjuvuse ja mitmekesisuse printsiipe. Eriti akt-
 sentueeriti materialistliku maailmavaate propagandat järgmistes
 suundades: 1. teaduse ja usu leppimatus, 2. usumoraali kriitika
 empiirilisel, 3. konfessionaalne religioonikriitika läbi eesti rahva
 ajaloo prisma, 4. usu ja meditsiini vahekordadest ning 5. nõu-
 kogude inimese vaimsest palgest, kommunismiehitaja moraali-
 koodeksist ning noorsootööst. TMN koostas ning levitas mitmeid
 loengute näidistematikaid filosoofia ja teadusliku ateismi vald-
 konnast, avaldas mitmeid metoodilisi abimaterjale ateistlikeks
 massiüritusteks ja ilmalikeks kombetalitusteks. Ta võttis osa
 teadusliku ateismi õpiku täiustamisest ja arutas läbi komisjo-
 nide töötulemused.⁷⁹ Kontrolliti veel sektiioonide tööd kohtadel,
 analüüsiti rahvapäevikoolide programme ning tehti rohket organi-
 seerimistööd (sealhulgas eriti uute lektorite kaardrite ettevalmis-

⁷³ Vt. sektiiooni koosolekute protokolle (sealsamas) nr. 5, (13. III 1961 nr. 6) 5. V 1961 ja nr. 7 (12. V 1961). (Käsitleti kalmistupäevade metoodiliste juhendite ning vanausuliste hulgas tehtava töö metoodilisi probleeme).

⁷⁴ Vt. 1961. a. sektiiooni protokollidele lisatud loenguretsensioone (veeb-
 ruarist) K. Ojalt, V. Haapsalilt, V. Maasikult, H. Paanilt, G. Loognalt.

⁷⁵ Nii viidi läbi 30. IX 1961 sektiioonide esimeeste vabariiklik kokkutulek Tallinnas — samas.

⁷⁶ Vt. sektiiooni tööplaan (sealsamas).

⁷⁷ Vaadeldavate aastate lõpuks suurenes nõukogu koosseis 31, hiljem 33 liikmele. Neil aastail juhtis nõukogu tegevust A. Eller, tema asetäitjateks olid K. Oja, H. Aasmaa ja K. Vimmsaare.

⁷⁸ Mõnevõrra kajastub see analüüs ka A. Elleri aruandes TMN aruande-
 valimiskoosolekul 5. III 1964. a. ja EKP Keskkomiteele esitatud õiendis TMN
 tegevuse kohta 1964. aastast. (neist esimene — sealsamas, teine — EKP Kesk-
 komitee propaganda- ja agitatsiooniosakonna jooksvas arhiivis). Vt. protokolle:
 3. III 1962, 23. VI 1962, 8. IV 1963 jpt.

⁷⁹ Analüüsiti traditsioonide probleemistikku, samuti filosoofia-alast loengu-
 list tööd (15. VI 1963, 2. XII 1961).

tamisel).⁸⁰ Aktiivselt kulges ateismi komisjoni (esimees K. Oja) ja nõukogulike kombetalituste komisjoni (esimees H. Paan) tegevus. Märksa tagasihoidlikumaks jäi filosoofiakomisjoni osa.⁸¹ 1962. a. mais kuulas PTTLÜ vabariikliku juhatuse presiidium filosoofia ja teadusliku ateismi teaduslik-metoodilise nõukogu aruannet. Seal märgiti TMN positiivseid saavutusi, ühtlasi nõuti loengute retsenseerimise paremustamist, noorte suvepäevade kindlustamist loengutega, nõukogu kõikide liikmete aktiveerimist jm.⁸² Kiitev hinnang anti TMN tegevusele ka ühingu VII kongressil.⁸³

Kuna vabariigis puudus ateismialase teadusliku uurimise keskus, omandas TMN metoodiline tegevus neil aastail üsna ulatuslikud mõõtmed. Nõukogu tutvus ateismialase loengulise tegevusega mitmes rajoonis (Rapla, Harju, Kohtla-Järve, Kingissepa, Hiiumaa, Haapsalu rajooniosakondade sektiioonides) ning Narva linnas. Tuginedes saadud informatsioonile orienteeris ta sektiioone viima ateistlikku tööd teaduslikule, filosoofilise üldistuse tasemele. TMN nõudis tegevussfääri laiendamist religioonikriitikal materialistliku maailmavaate kasvatamisele, kusjuures usu kahjulikkust võimalduks selgitada empiirilise materjali alusel.⁸⁴

1962. a. aktiveerus ateismialane loenguline tegevus vabariigis tervikuna. Esirinda kerkisid Pärnu linna ja piirkonna sektiioon, Kingissepa ja Harju rajoonide ning Tartu linna sekt-

⁸⁰ Sel otstarbel jätkati koos EKP Keskkomiteega lektorite seminaride korraldamist ka piirkonniti. (Üks selline toimus Tartus, 11.—12. XII 1961, millest võtsid osa Tartu linna ja rajooni, Elva, Põlva, Võru, Põltsamaa, Jõgeva, Valga ja Viljandi rajoonide lektorid). Ka järgmistel aastatel korraldati niisuguseid üritusi, 1964. a. 9.—10. XII toimus Tallinnas vabariiklik ateismi-liktorite teaduslik-metoodiline konverents «Protestantism tänapäeval», mille initsiaatoriks ja organisatoriks sai TMN.

⁸¹ Ateismikomisjon retsenseeris hulga loenguid ning töötas välja vastavate loengute temaatika, traditsioonide komisjon analüüsis vabariigi kogemusi ilmalike kombetalituste korraldamisel, töötas läbi ilmaliku matuserituaali ja organisatsioonilised küsimused ning tegeles selle repertuaari uuendamisega. Filosoofiakomisjon andis vaid välja 2 numbrit abimaterjale: sellealaste loengute arv vähenes 1963. a. võrreldes 1962. aastaga märgatavalt. Vt. TMN protokolle 15. VI 1963 ja 5. III 1964, sealsamas.

⁸² Ohing kindlustas suvepäevi järgmise temaatikaga: «Usk ja tema reaktsiooniline olemus», «Miks ma olen ateist?» või «Miks me ei usu iumalat?», «Kiriklikest ja ilmalikest kombetalitustest», «Religioon ja ateism», «Usu ja teaduse vastandlikkus», «Kas usk võitleb moraalse laostumise ja kuritegevuse vastu?», «Kommunistliku partei ja Nõukogude riigi suhtumisest ususse ja kirikusse» jt.

⁸³ H. Rajala aruandes märgiti: «Viimaste aastate vältel elavnes ateistlik tegevus eriti, tänu teaduslik-metoodilise nõukogu (sm-d A. Eller, K. Oja, K. Vimmsaare, H. Paan, K. Ojasoo Võrust, V. Timusk Kingissepast, P. Paeväli Pärnust) heale tööle...» Samas märgiti ateistlike ürituste sagedat jõudmist objektile — usklikuni (Vt. VII kongressi aruandekõne, ühingu «Teadus» vabariikliku juhatuse jooksvas arhiivis).

⁸⁴ Vt. K. Vimmsaare sõnavõttu teaduslik-metoodilisel konverentsil 9.—10. XII 1964.

sioonid.⁸⁵ Ateistlik loenguline propaganda laienes Kohtla-Järvel, Võrus ja Viljandis. Märkimist väärivad ühinguorganisatsioonide üha tihenevad sidemed mitmesuguste teiste ideoloogiliste asutustega ja nende ühised ettevõtmised. Samal ja järgmistel aastatel tugevnes ühingu koostöö mitmesuguste kultuuriasutustega, ELKNU organisatsioonidega, mõnede riiklike asutustega (perekonnaseisuaktide bürood). See väljendus sagedasti ateistliku kasvatustöö mitmesuguste vormide rakendamisel, eriti uute olustikutraditsioonide kasutuselevõtmisel. Neil aastail tekkis rohkesti ühiseid ettevõtmisi Kohtla-Järve lektorite, partei- ja kultuuritöötajate hulgas, kes sagedasti korraldasid temaatilisi õhtuid.⁸⁶ (Aastail 1962—1963 organiseerisid Kohtla-Järve lektorid 12 sellist üritust). Viimaste temaatikat esindasid: «Valgus ja varjud»⁸⁷, «Tõde baptistidest»⁸⁸ jt.

Huvitavate loengutsüklite ja perioodilise «elava ajalehe» organiseerimist jätkasid Pärnu lektorid koostöös linna II kultuurimajaga.⁸⁹ Analoomilist koostööd tegid Räpina keskkooli parteialorganisatsioon ja kohalik lektoritegrupp,⁹⁰ samuti Viljandi rajooni Kõpu rahvamaja ja sealne lektorigrupp.⁹¹ Temaatiliste õhtute, loengutsüklite, teoreetiliste konverentside, küsimustevastuste õhtute, elavate ajalehtede jt. sageli rakendatud loengulise töö ühiste vormide kõrval aitasid ateistlikud sektsioonid Tartu, Narva ja Kohtla-Järve linnades ning Harju, Kingissepa jt. rajoonides välja anda kohalike ajalehtede ateistlikke lehekülgi ning toimetada ateismiteemalisi raadiosaateid.⁹²

Tähtsaks ideoloogilise mõjustamise vormiks kujunesid neil aastatel marksismi-leninismi õhtuülikoolide ateistlikud teadus-

⁸⁵ «Eesti Kommunistis», 1962. a. nr. 5, lk. 29; nr. 1, lk. 42—46; nr. 5, lk. 58 ja nr. 2, lk. 53, 54.

⁸⁶ EKP Kohtla-Järve Linnakomitee jooksva arhiivi materjalidel.

⁸⁷ See üritus, mis viidi läbi Kohtla-Järve Ed. Vilde nim. Kultuuriklubis, sisaldas vestluse «Uut maailmaruumist» (lektor Võhna), järgnes värviline dokumentaalfilm samal süžeel. Seejärel kõneles K. Soop teemal «Tõde meie linna baptistidest», mille lõppedes esitas kultuuriklubi draamakollektiiv katkendi J. Smuuli «Least». Fuajees organiseeriti ateistliku kirjanduse ekspositsioon.

⁸⁸ Seda üritust korraldati Kiviõlis, Kohtla-Järvel, V. Kingissepa nim. kultuuriklubis ja Käva kaevanduse agitpunktis. Õhtu avas NSVL TA religiooni ja ateismi ajaloo muuseumi tead, töötaja Narsovitš. Tema järel esines endine (kohalik) baptist M. Jevdokimova. Kaasnes vastavasisuline isetegevus. Nagu eespool kirjeldatud, nii ka sellele õhtule kogunes rohkesti kuulajaid. Viimasel puhul tuli kohale hulk kohalikke baptiste, kusjuures mitmetest nende teravloomulistest küsimustest vallandus kõitev diskussioon. Kõigi nende ürituste kohta on saadud andmed EKP Kohtla-Järve Linnakomitee jooksvast arhiivist ning vestlusest ühe nende organisaatori — J. Spunginiga.

⁸⁹ «Kultuur ja Elu», 1962, nr. 1, lk. 28.

⁹⁰ «Nõukogude Kool», 1964, nr. 2, lk. 98—102.

⁹¹ «Kultuur ja Elu», 1962, nr. 1, lk. 28.

⁹² Vt. ENSV ühingu «Teadus» juhatuses presiidiumi koosoleku otsust 16. VII 1964 — ENSV ühingu «Teadus» vabariikliku juhatuses jooksvas arhiivis.

konnad, ateistlikud õpperingsid, ateistlikud rahva- ja kultuuriülikoolid ning nende vastavad teaduskonnad. Praktiliselt kujunesid viimased loengulise tegevuse uueks populaarseks vormiks just EKP, vabariigi ametiühingute ja ühingu «Teadus» organiseerimistöö toimet. Need uued vormid kasvasid välja ateistlikest loengutsüklitest, mida korraldati ühingu juhatuse ning Eesti NSV Kultuuriministeeriumi algatusel Kohtla-Järve, Põltsamaa, Väike-Maarja kultuuriülikoolides jm. juba 1960—1961. a. 15. X 1961 alustas tegevust AUN Tartu Kultuurihoone juures Tartu rahvaülikooli ateismi- ja loodusteaduskond, mille nõukogu tegevust asutamisest käesoleva ajani on juhtinud TRU dotsent A. Mitt. Võrreldes teiste omataolistega on see teaduskond arendanud stabiilsemat ja plaanikindlamat kasvatus tööd, millel on olnud olulisi positiivseid tulemusi.

1962/1963. õppeaastal tegutsesid vabariigis ateistliku kasvatus tööga Tartu linna, Pärnu, Põltsamaa, Rakvere, Viljandi, Rapla, Kingissepa ja Harju rajooni rahvaülikoolid. Neis õppis ühtekokku 534 kuulajat. (Tegelikult oli see arv märksa suurem, kuna Tartu rahvaülikooli ateismi- ja loodusteaduskonnas kuulajate arv ei piirdunud ainuüksi eelnevalt registreeritute ja üritustest võtis osa rohkesti n.-ö. vabakuulajaid, sealhulgas hulgaliselt usklikke).⁹³ Kõikide nende koosseisulised erinevused olid märgatavad: rahvaülikoolide / teaduskondade kuulajad erinesid vanuselt, haridustasemelt ja sotsiaalselt seisundilt, samuti religioossete või ateistlike veendumuste astmelt.⁹⁴ (Kuulajateks olid töölisel, õpilasel, koduperenaised, pensionärid; esindatud oli alg-, kesk- ja kõrgem haridus). Erinev oli tegevusprogramm⁹⁵ ja õppejõudude kaader. Nii tegutses Tartu rahvaülikoolis sellel õppeaastal ateismi lektoritena 2 akadeemikut, 3 teaduste doktorit, 9 teaduste kandidaati, järgmisel õppeaastal aga 4 akadeemikut, 3 teaduste doktorit, 12 teaduste kandidaati. Teistes rahvaülikoolides lasus samaaegselt loengute pidamine peamiselt kohalikel õpetajatel, arstidel jt. spetsialistidel, samuti partei, komsomoli ja nõukogude töötajatel. Õppeaasta vältel anti korralduselt kõrge hinnang Tartu rahvaülikooli ateismi- ja loodusteaduskonna tegevusele ning tõsteti esile Viljandi ja Rapla ateistlikke rahvaülikooli.⁹⁶

Ideoloogilise võitluse praktika aastail 1957—1963 tekitas hulgaliselt suulise ateistliku massipropaganda vorme. (Loengud,

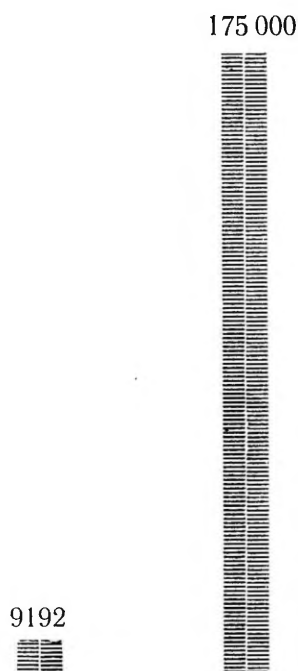
⁹³ Vt. A. Miti ühendit teaduskonna tegevuse kohta 21. V 1964. a. ENSV ühingu «Teadus» Tartu linnaorganisatsiooni jooksvas arhiivis.

⁹⁴ Vt. N. Koltsovi ettekannet üleliidulise ühingu «Teadus» juhatusele «Ateismi rahvaülikoolide tööst Eesti NSV-s» 12. IV 1963. a. (ENSV ühingu «Teadus» vabariikliku juhatuse jooksvas arhiivis).

⁹⁵ Sealsamas.

⁹⁶ Sealsamas, vt. ka «Eesti Kommunist», 1963, nr. 4, lk. 35.

vestlused, küsimuste-vastuste õhtud, lugejate konverentsid, temaatilised õhtud, planetaariumid, kinolektooriumid jms.). Levinuimaks jäi siiski kõigist neist loeng, kui otsese suhtlemise üks vorme, kus lektoril on alati olemas võimalus oma esinemise reaktsiooni vahetult kontrollida. Statistiliselt väljendub ENSV Ühingu «Teadus» vaadeldud aastate ateistliku loengutegevuse suhe jutluste-palvetundide ligikaudse arvuga järgmiselt: summeerides tabelis nr. 2 toodud otseselt ateistliku aadressiga loengud aastatest 1957—1963 saame neid ühtekokku 9192. Võttes arvesse, et vabariigi enam kui 400-s kirikus ja palvemajas kokku korraldatakse igal aastal ca 25 000 jutlust (palvetundi), moodustab viimaste summa neil aastail ca 175 000. Graafiliselt väljendub see nii:

Loengulise tegevuse kasutegur sõltub aga kõigepealt sellest, kuidas lektor oskab oma mõtteid kuulajani viia. Positiivne resultaat tuleneb oskuslikust ettevalmistusest, loengu kohandamisest auditooriumi iseloomule, tema kompositsioonilisest ja keelelisest kujundusest, asjatundlikust reageerimisest kohapealsetele repliikidele, ammendavatest vastustest küsimustele. Hästi argumenteeritud ateistlik loeng võib panna usklikku kahtlema religioossetes dogmades ja nõrgendada tema religioosset dünaamilist stereotüüpi. Suurel määral sõltub selle propagandaliigi efektiiv-

sus tema lihtsusest, sisulisest, kompositsioonilisest ja retoorilisest mõistatavusest, emotsionaalsusest. Viimane aga sõltub oluliselt sellest, kuivõrd südamelähedased on lektorile (propagandistile) endale tema poolt selgitatavad probleemid, kuivõrd veendunult ta neid saab edasi anda. Kui aga veel lisada, et vaa-
deldud aastatel tuli lektorite põua tõttu kohtadel sageli kasutada esinejaid teistest rajoonidest-linnadest, kes ei tundnud kohalikke olusid ja kuulajaskonna iseloomu, võime selles valguses anda kõrge hinnangu Eestimaa Kommunistliku Partei initsiatiivile ateismilektorite kohaliku kaadri kasvatamisel mitmesuguste õppevormide kaudu.

Kuigi sel perioodil ei suutnud loengupropaganda ürituste erikaal veel kvantitatiivset konkurentsi pakkuda religioosse propaganda vormidele, elavdas ta ometi märgatavalt ateistliku mõtte arengut vabariigi üldsuses ja oli kaastegev ateismi edasises levikus rahvahulkades.

АТЕИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА В ЭСТОНСКОЙ ССР В ГОДЫ 1957—1963

Л. Райд

Резюме

В статье анализируются основные направления развития атеистической лекционной работы республики в период после XX съезда КПСС. При помощи многочисленных источников доказано, что основной формой устной атеистической пропаганды в эти годы являлись лекции, организованные, главным образом, республиканским обществом «Знание». Методы лекционной работы становились более разнообразными, заметно углублялась критика религии. Несмотря на то, в рассматриваемый период эта работа по объему не смогла еще предложить существенного противовеса всем формам религиозной пропаганды в республике, она все же заметно оживила атеистическую мысль.

THE ATHEISTIC LECTURES IN THE ESTONIAN S.S.R. IN 1957—1963

L. Raid

Summary

The fundamental directions of the evolution of lecturing work after the XXth Congress of the CPSU in the republic have been analysed in the article. With the help of numerous sources we

have drawn the conclusion that during this period the dominant part in oral anti-religious propaganda was played lectures organized by the republican association «Knowledge». Very different methods and forms have been employed in this work. The religious confessional criticism grew deeper.

Although during the period under review this work could not yet counterbalance the various forms of religious propaganda in its volume, it gave a considerable impetus to atheistic thought in the republic as a whole.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ВНЕШТАТНЫХ ОТДЕЛОВ И ВНЕШТАТНЫХ ИНСТРУКТОРОВ В ПАРТИЙНЫХ КОМИТЕТАХ КП ЭСТОНИИ

И. Сорокин

В условиях периода строительства коммунистического общества привлечение актива к работе партийных органов является закономерностью, нормой партийной жизни. В деятельности Коммунистической партии Эстонии, как и других организаций КПСС, в этот период стали широко применяться разнообразные организационные формы общественной деятельности коммунистов. Важное место среди них заняли внештатные отделы и внештатные инструкторы в горкомах и райкомах партии.

Внештатные отделы как форма привлечения актива получили в основном распространение на важнейшем участке идеологической работы — воспитании подрастающего поколения. Программа КПСС подчеркивает: «В общественном воспитании подрастающего поколения повышается значение школы, которая призвана прививать детям любовь к труду, к занятиям, формировать молодое поколение в духе коммунистической сознательности и нравственности».¹

Партия всегда уделяла внимание улучшению школьного воспитания. Применение новых форм работы актива помогло повысить уровень руководства этим участком идеологической работы. В партийных комитетах КП Эстонии были созданы внештатные школьные отделы. Первые такие отделы были созданы в Ракверском и Пайдеском райкомах партии. В 1963 году в парткомах КПЭ работало 9 внештатных школьных отделов.²

Для работы в школьных отделах во многих парткомах КПЭ привлекались опытные педагоги-коммунисты. Так, инструкторами школьного отдела Вырусского парткома в 1963 году работали директор Вырусской средней школы им. Крейцвальда И. Рейман,

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, XXII съезд КПСС. Стеногр. отчет, ч. 3, стр. 320.

² Текущий архив ЦК КПЭ. Справка о развитии общественных начал в парткомах за 1963 г.

преподаватель Вастселиннской средней школы Л. Тоотс, заведующий районным педкабинетом В. Конд, директор Лухамаской 8-летней школы П. Валгамяэ и др. Во внештатном отделе Раквереского партийного комитета в этом же году работали два преподавателя, один директор средней школы, четыре директора 8-летних школ и др.

Внештатные школьные отделы функционировали как исполнительные органы партийных комитетов, обладая всеми правами штатного отдела. Однако их структура и методы работы были разнообразными. Многие школьные отделы состояли из внештатных инструкторов и возглавлялись заведующим. По такому принципу были построены отделы в Раквереском райкоме, в Пярнуском горкоме партии, в Выруском райкоме и др. В некоторых других парткоммах КПЭ, учитывая местные условия, стремились найти отвечающую им структуру отдела. Вильяндиский райком партии построил работу внештатного школьного отдела несколько по-другому. Внештатный отдел в этом партийном комитете был создан в мае 1962 года. Кроме заведующего и 9 инструкторов в его состав была включена специальная группа из пяти человек.³ Цель этой группы — заниматься крупными перспективными вопросами. Если внештатные инструкторы отдела, как правило, были закреплены за группами школьных первичных партийных организаций, то члены группы за парторганизациями не закреплялись. И такая структура позволила отделу, с одной стороны, вести непосредственную работу в первичных парторганизациях школ силами внештатных инструкторов, а, с другой стороны, заниматься перспективными вопросами, обобщать опыт парторганизаций школ, анализировать те или иные аспекты школьного воспитания.

Внештатные школьные отделы оказывали партийным организациям ощутимую помощь в деле коммунистического воспитания. Квалифицированный состав внештатных отделов позволял осуществлять конкретный анализ деятельности партийных организаций, вскрывать недостатки в их работе и помогать их ликвидации. Многие внештатные отделы проводили работу в школах. Так, внештатный отдел Раквереского райкома партии помог улучшить постановку коммунистического воспитания в Вастаской школе. Инструкторы отдела всесторонне проверили работу школы по коммунистическому воспитанию учащихся. Анализ этой работы показал, что учителя школы не использовали всех возможностей для политической воспитательной работы, классные руководители мало занимались организацией пионерской работы. Были вскрыты и другие недостатки. Важно подчеркнуть, что отдел не только вскрыл недостатки, но и на своем заседании выработал конкретные предложения по улучшению вос-

питательной работы, а инструкторы отдела в дальнейшем помогли провести их в жизнь.⁴

Внештатные школьные отделы партийных комитетов КП Эстонии уделяли большое внимание воспитанию учащихся в духе патриотизма и интернационализма. Так, внештатный отдел Ракверского райкома партии в 1963 году специально изучал состояние интернационального воспитания в городской средней школе № 1. При этом выяснились серьезные недостатки, в устранении которых инструкторы отдела приняли непосредственное участие. С помощью инструкторов в школе был создан кружок по общественным наукам с четырьмя секциями. Для старшеклассников кружок стал проводить теоретические семинары. Была создана в школе лекторская группа из 26 старшеклассников-комсомольцев, которая начала активную работу.⁵ Группа стала читать в школе лекции о дружбе народов, о жизни молодежи в капиталистических странах и др. Инструкторы отдела помогли оживить работу клуба «За мир и дружбу», который существовал в школе. Клуб стал проводить встречи с учащимся средней школы № 2 (с русским языком обучения), вечера дружбы народов.⁶

Большое значение в процессе воспитания патриотизма и интернационализма имеет преподавание истории и обществоведения. Многие внештатные отделы партийных комитетов КПЭ установили контроль за преподаванием этих дисциплин в школе. Так, внештатный школьный отдел Вырусского райкома в 1962 году провел проверку выполнения решения бюро РК «О преподавании истории в средних школах и техникумах».⁷ Группа инструкторов отдела побывала на уроках, беседовала с преподавателями и обобщила лучший опыт. Вопросы улучшения преподавания истории и обществоведения в школе занимались неоднократно внештатные школьные отделы Пярнуского горкома, Вильяндиского райкома и др.

Одним из аспектов деятельности внештатных школьных отделов в горкомах и райкомах КПЭ являлась также подготовка вопросов для обсуждения на бюро партийного комитета. Инструкторы внештатного отдела оказывали помощь в анализе вопроса, вносили при этом конкретные предложения. Внештатный школьный отдел Раквереского райкома партии за короткий период подготовил таким образом для бюро вопросы о воспитательной работе в детском доме, в некоторых начальных школах

³ «Nõukogude Õpetaja», 22 сентября 1962 года.

⁴ «Nõukogude Õpetaja», 27 января 1962 года.

⁵ Текущий архив Раквереского РК КПЭ, информация о развитии общественных начал от 19 марта 1963 года.

⁶ Там же.

⁷ Текущий архив Вырусского РК КПЭ, план работы отдела на май 1962 года.

и др.⁸ Отдел составил соответствующие справки, проекты решения бюро, где намечались меры по улучшению работы.

Внештатные школьные отделы помогали партийным комитетам в осуществлении воспитания молодежи. Но в работе некоторых из них наблюдался такой серьезный недостаток, как стремление подменять в руководстве школами отделы народного образования, заниматься вопросами, входящими в компетенцию последних. Например, внештатный школьный отдел Пярнуского горкома в 1962/63 учебном году провел проверку преподавания русского языка в школах города и зоны. Отдел при этом организовал контрольные работы в 60 школах.⁹ Затем посещались еще уроки в 17 школах и т. д. Подобным же образом проверял ход изучения русского языка в школах района внештатный школьный отдел Вильяндиского райкома партии.¹⁰

Опыт деятельности внештатных школьных отделов в партках КП Эстонии показывает, что эти органы явились действенным средством усиления идеологической работы партии, вовлечения в нее квалифицированных кадров коммунистов в порядке общественной деятельности. Жизненность этой формы работы партийного актива подтверждается и тем, что в настоящее время внештатные школьные отделы успешно функционируют во многих партийных комитетах КПЭ.

Наряду с внештатными отделами в горкомах и райкомах КП Эстонии коммунисты привлекались к работе партийных комитетов в качестве внештатных инструкторов. В постановлении ЦК КПСС от 30 сентября 1958 года партийным комитетам рекомендовалось привлекать к работе активных коммунистов в качестве внештатных инструкторов. Эта форма привлечения коммунистов к работе партийных комитетов не была новой. И раньше в послевоенный период внештатные инструкторы были. Но тогда они мало участвовали в работе партактов, часто существуя формально лишь на бумаге. После принятия постановления ЦК КПСС произошло качественное изменение в положении внештатного инструктора, в его правах и обязанностях, а также и его роли в партийной работе. Если до 1958 года в горкомах и райкомах КП Эстонии внештатных инструкторов были единицы, то к концу 1961 года во всех партийных комитетах числилось 189 коммунистов-внештатных инструкторов.¹¹ К середине 1963 года количество внештатных инструкторов увеличилось до 224 человека.¹² Но необходимо отметить, что в это время во многих

⁸ «Nõukogude Opetaja», 22 сентября 1962 г.

⁹ Текущий архив ЦК КПЭ. Справка о развитии общественных начал в работе Пярнуского ГК за 1963 год.

¹⁰ «Nõukogude Opetaja», 22 сентября 1962 г.

¹¹ ПА КПЭ, фонд 1, оп. 211, ед.хр. 10, л. 193.

¹² Текущий архив ЦК КПЭ, справка о развитии общественных начал в партках за 1963 год.

партийных комитетах КП Эстонии внештатных инструкторов не было. Так, из 28 имевшихся партийных комитетов в 16 не было ни одного внештатного инструктора.¹³ Внештатные инструкторы имелись только в 12 партийных комитетах. При этом в райкомах г. Таллина числилось 74 внештатных инструктора и 84 инструктора были в городских комитетах партии.¹⁴ В сельских же партийных комитетах было всего 55 внештатных инструкторов.

В некоторых партийных комитетах КПЭ имелся положительный опыт работы внештатных инструкторов. В 1959—63 годах такой опыт накоплен Центральным райкомом партии г. Таллина, Йыгеваским райкомом КПЭ и др. Опыт работы Центрального райкома широко пропагандировался и освещался в печати.

Институт внештатного инструктора в центральном райкоме КПЭ г. Таллина был создан в 1959 году. Потребность во внештатных инструкторах возникала у райкома в связи с большим объёмом работы, которая проводилась в первичных партийных организациях. В Центральном районе города Таллина в то время было 217 первичных партийных организаций. Штатных же работников в райкоме было всего 13 человек.¹⁵ Деятельность райкома партии осложнялась еще тем, что профиль первичных организаций был очень разнообразен. В районе были 54 партийные организации на промышленных, строительных и транспортных предприятиях, 30 партийных организаций в учебных заведениях, 16 парт-организаций в научных, проектных институтах, 12 парт-организаций в творческих союзах и театрах, 15 партийных организаций в лечебных учреждениях и др.¹⁶ Задачи улучшения работы райкома требовали строгого учета специфики деятельности первичных партийных организаций. А для этого необходимо было иметь специалистов различных отраслей. Но ввиду малочисленности штатного аппарата такой возможности у райкома партии не было. Именно поэтому райком и стремился восполнить недостаток специалистов за счет привлечения к работе активистов в качестве внештатных инструкторов. В начале 1960 года в Центральном райкоме КПЭ внештатными инструкторами работали 19 коммунистов.¹⁷

Райком партии уделил серьезное внимание подбору коммунистов для работы в качестве внештатных инструкторов. Подавляющее большинство внештатных инструкторов имело высшее, а также среднее образование. Внештатными инструкторами были привлечены коммунисты, имевшие различные профессии, специалисты различных отраслей народного хозяйства и культуры. Среди них были кандидат технических наук, инженеры, техники, вра-

¹³ Текущий архив ЦК КПЭ, справка о развитии общественных начал в парткомах за 1963 год.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Коммунист Эстонии», 1961, № 8, стр. 108.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Rahva Hääl», 24 февраля 1960 г.

чи, учителя, юристы и др. К работе райкома привлекались также пенсионеры.

Активной работой и серьезным отношением к порученному делу многие внештатные инструкторы оказали ощутимую помощь Центральному райкому партии. Одним из лучших и активных инструкторов зарекомендовал себя заместитель главного врача республиканской больницы Ш. Гулордава. За ним, как за инструктором райкома, были закреплены парторганизации медицинских учреждений. В своей работе тов. Гулордава не ограничивался сбором сведений в первичных партийных организациях, а оказывал конкретную помощь в улучшении их работы. Так на одном из пленумов райкома партии должны были отчитываться парторганизации трех больниц. Вместе с бригадой тов. Гулордава проверил и проанализировал работу партийной организации Ныммеской больницы.¹⁸ После пленума внештатный инструктор уделил много внимания выполнению решения пленума райкома в Ныммеской больнице. Он подготовил и провел открытое партийное собрание. А затем помог создать в больнице больничный совет. Сам организовал на первых порах работу этого совета. Будучи медицинским работником, Гулордава смог поделиться опытом работы республиканской больницы и помочь устранить многие недостатки в работе парторганизации Ныммеской больницы. Этот пример только один из работы внештатного инструктора Ш. Гулордавы. Отвечая за работу парторганизаций лечебных учреждений района, внештатный инструктор осуществлял постоянную связь райкома партии с этими организациями, помогал во многих вопросах улучшить их работу. Тов. Гулордава часто посещал первичные партийные организации, оказывал своими советами помощь секретарям, помогал в подготовке партийных собраний, сам в них активно участвовал, вел пропаганду передовых медицинских знаний, выступая с лекциями.¹⁹

В Центральном райкоме г. Таллина в качестве внештатных инструкторов привлекались к работе пенсионеры. Райком использовал их богатый опыт в партийной работе. Пенсионеры оказывали большую помощь райкому в укреплении связи с первичными парторганизациями, в организационной работе. Инструкторы-пенсионеры проводили систематическую и кропотливую работу в первичных партийных организациях. Так, инструктор тов. Кягу помогла райкому партии обобщить опыт развития движения за коммунистический труд в партийных организациях района. Когда началось это движение, то возникли многие вопросы, на которые райком должен был дать указания и ответы парторганизациям. Для выяснения этих вопросов, а также для обобщения первого опыта движения райком поручил тов. Кягу проанализи-

¹⁸ «Коммунист Эстонии», 1961 г., № 8, стр. 110.

¹⁹ ПА КПЭ, фонд 1, оп. 211, ед.хр. 10, л. 74.

ровать этот опыт в некоторых партийных организациях. Внештатный инструктор приложила много сил для того, чтобы собрать материал по этим вопросам. Она побывала на многих предприятиях. На основе собранного материала в райкоме партии был сделан специальный стенд, по каждому предприятию были сделаны альбомы, показывающие развитие движения. С ними были ознакомлены секретари первичных партийных организаций.²⁰

Одновременно с этим тов. Кягу познакомилась с состоянием и формами воспитательной работы в бригадах коммунистического труда на многих предприятиях района. Выводы о постановке этой работы, о формах были доложены на заседании бюро райкома. Тем самым тов. Кягу помогла райкому партии в обобщении первого опыта нового движения. На основе этой работы райком в дальнейшем смог распространять этот опыт в первичных организациях района.²¹ В декабре 1962 года тов. Кягу проверила и проанализировала работу цеховых и первичных парторганизаций фабрики «Балтика» по отбору в партию и воспитанию молодых коммунистов. Результаты изучения были заслушаны на расширенном заседании бюро парторганизаций, а также на собраниях цеховых парторганизаций,²² что помогло выявить недостатки в этой работе и помочь их исправить.

Внештатные инструкторы — пенсионеры помогли также райкому партии в осуществлении контроля за состоянием партийного хозяйства в первичных парторганизациях. В 1962 году внештатный инструктор тов. Тральман провел проверку партийного хозяйства и уплату членских взносов во всех первичных парторганизациях медицинских учреждений.²³ Внештатный инструктор тов. Голубинцев много и систематически помогал сектору партучета в наведении порядка в документах. Он, в частности, помог завести и проверил статистические карточки на всех коммунистов в парторганизациях завода им. Х. Пегельмана, завода «Мянику» и др. Помимо этого во многих партийных организациях он сверил учетные данные коммунистов с учетными карточками.²⁴

Положительный опыт работы внештатных инструкторов был накоплен и другими партийными комитетами КП Эстонии. В Йыегеваском райкоме партии некоторые внештатные инструкторы также помогали райкому в решении важных вопросов. Но работа внештатных инструкторов в этом райкоме была организована несколько по-другому, чем в Центральном РК г. Таллина. За каждым из 8 инструкторов в Йыегеваском райкоме партии

²⁰ «Коммунист Эстонии», 1961 г., № 8, стр. 110.

²¹ Там же.

²² Текущий архив Центрального РК КПЭ, информация о привлечении к общественной работе пенсионеров от 22 июня 1963 года.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

была закреплена одна первичная партийная организация, в которой он и вел работу. Руководство работой внештатных инструкторов осуществлялось заведующим организационным отделом райкома партии.

Хорошо зарекомендовал себя как внештатный инструктор в Йыгеваском райкоме тов. П. Мяги. Он работал инженером в промышленном отделе райисполкома, имел среднее техническое образование. Райком партии поручил ему вести работу в партийной организации ремонтно-строительного управления. Бывая систематически в парторганизации, тов. Мяги большое внимание уделял улучшению воспитательной работы. Он добился того, что первичная партийная организация стала больше заниматься вопросами воспитания рабочих. Эти вопросы стали обсуждаться на партийных собраниях. По инициативе внештатного инструктора партийная организация управления стала больше уделять внимания и работе профсоюза. В результате деятельности тов. Мяги первичная партийная организация окрепла, выросла ее численность. Если в 1960 году в парторганизации было 9 коммунистов, то в апреле 1962 года в ней было уже 18 коммунистов.²⁵

В. И. Ленин, обосновывая задачу создания новых кадров специалистов, указывал: «Больше выдвигать для новой проверки тысячи и тысячи рядовых трудящихся, испытывать их, систематически и неуклонно, сотнями, передвигать на высшие посты, на основании проверки опытом.»²⁶ Институт внештатных инструкторов использовался в некоторых партийных комитетах КП Эстонии для проверки деловых качеств и выдвижения на партийную работу коммунистов. Общественная работа обогащает опытом, помогает вырабатывать нужные для партийного работника качества. С другой стороны, институт внештатного инструктора позволяет партийному комитету иметь постоянный резерв партийных работников. В некоторых партийных комитетах этот резерв успешно использовался. Так, в Вайке-Маарьяском райкоме партии в 1960 году внештатным инструктором работала Ы. Наппу. Как инструктор, она вела работу в партийных организациях совхоза «Рахкла» и колхоза «Сяде».²⁷ Тов. Наппу уделяла особое внимание работе с беспартийным активом в совхозе, помогла улучшить всю политическую работу. Кроме этого, проводила серьезную индивидуальную работу по отбору передовых рабочих в партию. В 1960 году в совхозной парторганизации было принято кандидатами в члены партии 6 рабочих. В результате усиления политической работы в совхозе повысилась роль партийной организации. Много внимания тов. Наппу уделила и улучшению работы колхозной первичной партийной организации.

²⁵ Текущий архив ЦК КПЭ, справка о развитии общественных начал в партийной работе Йыгеваского райкома партии за ноябрь 1962 г.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 242.

²⁷ ПА КПЭ, фонд 1, оп. 211, ед.хр. 10, л. 75.

Учитывая активную и хорошую работу тов. Наппу, райком партии выдвинул ее штатным инструктором.

В партийных комитетах КП Эстонии за 1960 год из внештатных инструкторов были выдвинуты на партийную работу 3 коммуниста и один — на работу в аппарат республиканского Совета профсоюзов.²⁸

Таким образом, в некоторых партийных комитетах КП Эстонии внештатные инструкторы своей работой помогали укреплять связи с первичными партийными организациями, помогали улучшать организационную работу горкомов и райкомов партии. Использование партийного актива в качестве внештатных инструкторов помогало партийным комитетам и в осуществлении контроля за деятельностью первичных партийных организаций.

Однако не во всех партийных комитетах КП Эстонии эта форма привлечения актива себя оправдала. Во многих партийных комитетах, особенно в сельских райкомах, в середине 1963 года внештатных инструкторов не было. Во многих же парткомах, где внештатные инструкторы были, они часто работали плохо, иногда только формально считались инструкторами, числились на бумаге. Такое положение было в конце 1961 года в Валгаском райкоме, в Вяндраском РК, в Пайдеском и Кейласком райкомах партии и др.²⁹ Числились лишь на бумаге внештатные инструкторы и в Тартуском горкоме партии. Плохая работа внештатных инструкторов в горкомах и райкомах КПЭ имела свои причины.

Положение внештатного инструктора в партийном комитете во многом отличается от положения члена внештатной комиссии или совета. Последний является членом коллективного органа, работает над решением вопросов вместе с другими членами, в ходе работы знакомится с опытом других членов комиссии, совета и, главное, характер работы в комиссии часто требует у него меньше времени для выполнения своих функций. Внештатный инструктор партийного комитета работает один, не в составе комиссии, объем работы, которую он выполняет, часто большой, круг вопросов, с которыми он сталкивается, более разнообразен. Для успешной работы внештатного инструктора в связи с этими факторами важное значение имеет организация его деятельности. Работа внештатного инструктора может быть построена на основе двух различных принципов. В некоторых партийных комитетах КП Эстонии внештатные инструкторы использовались для выполнения отдельных поручений, они не имели постоянного участка работы. Они при этом помогали готовить вопросы к заседанию бюро или пленума, проверяли и помогали улучшить работу в первичных партийных организациях по тем или иным конкретным вопросам внутрипартийной работы. В других же партийных

²⁸ ПА КПЭ, фонд 1, оп. 211, ед.хр. 10, л. 75.

²⁹ ПА КПЭ, фонд 1, оп. 199, ед.хр. 136, л. 127—128.

комитетах за внештатными инструкторами закреплялись определенные первичные партийные организации, в которых инструктор и вел постоянную работу.

На первый взгляд закрепление за внештатным инструктором первичных организаций является наиболее целесообразной формой его работы. Однако такой метод предполагает систематическую, плановую работу внештатного инструктора. Фактически он должен при этом заниматься всеми вопросами жизни первичных организаций, закрепленных за ним. Не каждый коммунист может справиться с постоянной работой в первичных организациях. Для этого он должен помимо способностей иметь еще свободное время. Вот почему в тех партийных комитетах КП Эстонии, где внештатным инструкторам поручались определенные парторганизации, лучше всего справлялись со своими обязанностями коммунисты-пенсионеры или инструкторы, которые имели укороченный рабочий день на основной работе (врачи и др.) В частности, в Центральном райкоме г. Таллина именно такие люди подбирались для работы на постоянном участке. Думается, что организация деятельности внештатных инструкторов во всех партийных комитетах только по принципу закрепления их за отдельными первичными организациями без учета возможностей инструктора вести постоянную работу может принести только вред. В этом случае, не имея возможности вести постоянную работу, такой инструктор будет лишь носить это звание. С другой стороны, как показывает практика, возможно для успешной работы внештатного инструктора поручение ему отдельных заданий по решению конкретных вопросов. Такая организация работы инструктора должна получить законные права на существование. Это подчеркивается потому, что, как правило, при анализе работы партийного комитета с активом распространенной точкой зрения является то, что использование внештатного инструктора на поручениях есть недостаток работы партийного комитета.

Успешная работа внештатных инструкторов определяется не только правильной организацией его деятельности. Важным условием является также подбор на эту должность людей. Внештатный инструктор должен обладать многими качествами для того, чтобы успешно справляться с порученным ему делом. Среди этих качеств важнейшими, как свидетельствует опыт, являются образование, знания в специальной области, опыт партийной работы. Как был осуществлен подбор внештатных инструкторов в партийных комитетах КП Эстонии в рассматриваемый период с точки зрения этих качеств?

В конце 1961 года в горкомах и райкомах КП Эстонии внештатными инструкторами работали 187 коммунистов.³⁰ Из них с

³⁰ Здесь и последующие данные по составу внештатных инструкторов взяты из ПА КПЭ, фонд. 1, оп. 211, ед.хр. 10, л. 193.

высшим и незаконченным высшим образование — 82 человека (43,8%), со средним — 75 человек (40,1%) и с образованием ниже среднего — 30 человек (16%). Однако в сельских районах партии почти четвертая часть всех внештатных инструкторов (23,7%) имела образование ниже среднего. Думается, что состав внештатных инструкторов по образованию во многом не отвечал предъявляемым требованиям, особенно в сельских партийных комитетах.

Еще хуже обстояло дело со специальными знаниями внештатных инструкторов. Необходимость таких знаний у инструктора для проведения успешной работы является бесспорной. В современных условиях в городских первичных партийных организациях секретари, как правило, являются специалистами в той или иной области производства. В первичных партийных организациях колхозов и совхозов также много специалистов. Поэтому, чтобы оказать действительную помощь в решении вопросов партийной работы, осуществлять инструктаж в первичных организациях, внештатный инструктор должен обладать и специальными знаниями. От так называемого «общего» руководства польза может быть самая минимальная. В конце 1961 года в городских комитетах и городских райкомах КП Эстонии было 77 внештатных инструкторов. Из них только 16 человек были специалистами промышленности, строительства, транспорта и связи, что составляло всего 20,7 процента. Еще хуже выглядел состав в сельских райкомах партии. Из 110 внештатных инструкторов только 18 коммунистов были специалистами различных областей сельского хозяйства (16,3%).³¹

Недостатки в подборе внештатных инструкторов отражали часто формальное отношение некоторых партийных комитетов к выбору коммунистов для общественной работы. Партийные комитеты часто увлекались количественными показателями, стремясь показать, что они используют новую форму работы партийного актива. По мнению автора, в этом заключается одна из причин того, что во многих партийных комитетах КП Эстонии внештатные инструкторы только числились на бумаге.

Другой причиной плохой работы внештатных инструкторов в некоторых горкомах и райкомах КП Эстонии являлась недостаточная помощь внештатным инструкторам со стороны партийных комитетов. Успешная работа внештатного инструктора во многом зависит от систематического руководства и контроля со стороны штатных органов партийного комитета. Внештатный инструктор в партийном комитете находится на таком же положении, что и штатный. Но штатный инструктор работает в отделе комитета. Очень важно, чтобы внештатный инструктор не превратился в одиночку, чтобы он систематически обогащался опытом

³¹ ПА КПЭ, фонд 1, опись 211, ед.хр. 10, л. 193.

партийной работы, был в курсе дел партийного комитета. Те партийные комитеты, которые были по-настоящему заинтересованы в эффективной работе внештатного инструктора, организовывали постоянную учебу внештатных инструкторов (теоретические семинары, обмен опытом, совещания и т. д.), что дало известный положительный эффект. Но во многих партийных комитетах КП Эстонии в погоне за численностью никакой помощи в этом смысле со стороны штатного аппарата внештатным инструкторам не оказывалось и работу их часто никто не контролировал. Так было, например, в 1962 году в Пайдеском райкоме партии. В нем числилось 12 внештатных инструкторов. И добрая половина из них не только не контролировалась, но в течение целого года даже не имела ни одного поручения, не говоря уж о постоянной работе.³² Райком в этом случае «отдал дань» модному увлечению общественными началами. Действительная же необходимость во внештатных инструкторах для работы парткомом не учитывалась.

Серьезной причиной, которая также мешала успешной работе внештатных инструкторов в некоторых парткомах КПЭ, являлась чрезмерная загруженность многих из них другими общественными поручениями. Во многих партийных комитетах, особенно в сельских, получило довольно широкую практику явление, когда внештатный инструктор помимо своей работы имел целый ряд других «нагрузок» и поручений, что не давало ему возможности серьезно заниматься работой в первичных парторганизациях. В том же Пайдеском райкоме партии несколько внештатных инструкторов имели дополнительно еще по 5—6 поручений. Такое же положение было с некоторыми внештатными инструкторами в Йыгеваском райкоме партии. О том, что чрезмерная перегрузка внештатных инструкторов получила широкое распространение свидетельствует и тот факт, что секретариат ЦК КП Эстонии в своем решении в январе 1962 года специально обратил внимание партийных комитетов на недопустимость такого положения.³³

Опыт работы внештатных инструкторов в партийных комитетах КП Эстонии показывает, что во многих случаях институт внештатных инструкторов оправдывает себя как форма использования партийного актива, как средство укрепления связи горкомов и райкомов с первичными партийными организациями. Подтверждением этого является тот факт, что эта форма работы активных коммунистов и сейчас находится на вооружении партийных организаций. В конце 1969 года в райкомах и горкомах КП Эстонии работало 163 внештатных инструктора.³⁴

³² ПА КПЭ, фонд 1, оп. 199, ед.хр. 136, л. 128.

³³ Там же.

³⁴ А. Вадер. КП Эстонии на боевом посту. Таллин, 1969, стр. 46.

Этот же опыт свидетельствует и о том, что институт внештатного инструктора для успешной работы требует целого ряда обязательных условий. Отсутствие их приводит к формализму и тому, что внештатные инструкторы существуют в данном парткоме только на бумаге. Поэтому вопрос о необходимости внештатных инструкторов должны решать прежде всего сами партийные комитеты, исходя из своих потребностей и возможностей.

EKP PARTEIKOMITEEDE MITTEKOOSSEISULISTE OSAKONDADE JA INSTRUKTORITE TÖÖKOGEMUSTEST

I. Sorokin

Re s ü m e e

Artiklis valgustatakse EKP parteikomiteede mittekoosseisuliste osakondade ja instruktorite tegevust. Arhiivi ja perioodika materjalide põhjal üldistatakse mittekoosseisuliste kooliosakondade töökogemused.

Samuti analüüsitakse antud artiklis EKP linna- ja rajoonikomiteede mittekoosseisuliste instruktorite töö positiivseid kogemusi, kusjuures näidatakse nende osa parteiorganisatsioonide võitlusvõime tõstmisel. Autor püüab lahata üksikutes parteikomiteedes esinenud puudusi nimetatud organisatsioonilise töövormi kasutamisel ja määrata tingimused, mis teevad mittekoosseisulise instruktoriga tööd efektiivseks.

WORK EXPERIENCE OF SUPERNUMERARY SECTIONS AND INSTRUCTORS AS OBSERVED IN PARTY COMMITTEES OF THE ESTONIAN COMMUNIST PARTY

I. Sorokin

S u m m a r y

In the present article light has been thrown upon the activities of supernumerary sections and instructors as observed in Party Committees of the Estonian Communist Party organization. On the basis of archivalia and periodical articles work experience of supernumerary school sections has been summarized and generalized.

In the article also progressive methods of the party instructors of Estonian city and district committees have been analysed. The author has shown their importance strengthening our first party organizations' fighting efficiency. At the same time he has aimed at uncovering the shortcomings in the application of their organization form by some Estonian Party Committees and at fixing the conditions which warrant the efficiency of a supernumerary instructor's work.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЙОННЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КП ЭСТОНИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РУКОВОДСТВА СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ (1965—1968 ГГ.)

И. Волков

На основе решений XXIII съезда партии, мартовского (1965 г.), майского (1966 г.), октябрьского (1968 г.) и июльского (1970 г.) Пленумов ЦК КПСС принят целый ряд мер, направленных на дальнейшее укрепление сельского хозяйства: растет его техническая оснащенность, осуществляется широкая программа химизации и мелиорации земель, подъема культуры земледелия и животноводства. При всемерной помощи государства сельскохозяйственное производство приобретает все более индустриальный характер. Выработанная и последовательно осуществляемая партией ленинская политика в деревне полнее раскрыла возможности колхозов и совхозов как социалистических предприятий. Новый порядок планирования производства и заготовок продуктов, применение более совершенных форм организации и оплаты труда повысили творческую инициативу колхозников и работников совхозов.

Постоянно заботясь об укреплении материально-технической базы сельского хозяйства, партия вместе с тем уделяет большое внимание дальнейшему развитию и воплощению в жизнь ленинских положений о стиле, формах и методах политической и организационной работы. В решениях XXIII съезда КПСС нашли отражение такие основные черты партийного руководства, как научный подход к делу, коллективность и деловитость, глубокий и всесторонний анализ действительности, опыта масс. Эти черты стали прочно входить в практику партийной работы. Большое влияние на улучшение партийного руководства сельским хозяйством оказало восстановление сельских райкомов партии в качестве полноправных политических органов.

За прошедшие годы сельскими райкомами накоплен значительный опыт партийного руководства хозяйственной деятельностью, проведения живой организаторской и политической работы в массах, направления деятельности массовых общест-

венных организаций. Обобщение этого опыта в наши дни имеет не только теоретическое, но и практическое значение в деле дальнейшего повышения активности и инициативы производственных коллективов на местах. На основе материалов партийного архива КП Эстонии, а также текущих архивов районных комитетов партии и периодической печати в настоящей статье делается попытка обобщить некоторые наиболее характерные новые формы и методы партийного руководства сельским хозяйством. По этому вопросу в печати стали появляться отдельные работы.¹ Но в целом опыт сельских партийных организаций обобщен еще недостаточно.

Сельское хозяйство Эстонии к 1965 году достигло определенных положительных результатов. Однако крупные недостатки и ошибки, вскрытые Центральным Комитетом КПСС и выражавшиеся в нарушении экономических законов развития производства, принципов материальной заинтересованности, необоснованных перестройках руководящих органов, субъективизме в руководстве, — отрицательно сказались и на развитии сельского хозяйства Эстонии. Колхозы и совхозы республики отставали от плановых заданий по производству основных видов продукции животноводства, росту поголовья и его продуктивности.

Программа деятельности парторганизации Эстонии по дальнейшему подъему сельского хозяйства была определена XV съездом КПЭ и пленумами ЦК КПЭ. Обсудив решение мартовского Пленума ЦК КПСС, VII Пленум Центрального комитета Компартии Эстонии (апрель 1965 г.) обязал все партийные, советские сельскохозяйственные, комсомольские и профсоюзные органы республики проявлять повседневную заботу о развитии экономики колхозов и совхозов, об улучшении материальных и культурно-бытовых условий тружеников села, не допускать администрирования и подмены руководителей и специалистов, развивать их инициативу в управлении производством.² XV съезд Компартии Эстонии (март 1966 г.) нацелил райкомы партии на дальнейшее совершенствование стиля и методов работы, направленных на повышение трудовой активности сельских работников, повышение урожайности, продуктивности животноводства, лучшее использование техники, дальнейшее повышение рентабельности производства.³

¹ Наиболее солидными публикациями является статья первого секретаря ЦК КП Эстонии И. Г. Кэбина «Компартия Эстонии в борьбе за подъем социалистического сельского хозяйства» («Вопросы истории КПСС», 1969, № 10), а также книга А. Вадера «КП Эстонии на боевом посту», Таллин, 1969. Некоторые разделы этой книги посвящены партийному руководству сельским хозяйством. В разное время в печати были опубликованы статьи руководящих партийных и других работников, ссылки на которые даются в дальнейшем изложении.

² ПА КПЭ, ф. 1, оп. 234, ед.хр. 10, л. 8.

³ ПА КПЭ, ф. 1, оп. 234, ед.хр. 17, л. 2.

Эффективность партийной работы на селе, как и всюду, в решающей степени зависит от кадров, их состава, политической зрелости и опыта. Требования к партийным и хозяйственным кадрам чрезвычайно высоки: они должны быть людьми авторитетными, компетентными, идейно вооруженными, показывать образцы трудолюбия, принципиальности и дисциплины. Новые условия, созданные решениями партии в области сельского хозяйства, еще более увеличили роль и значение кадров. Для того, чтобы эффективно использовать огромные средства, направляемые государством в колхозы и совхозы, правильно выявить и схватить сложные процессы, происходящие в жизни села, требовался уже не прежний организаторский и хозяйственный навык, а умение строить свою деятельность на основе научного подхода.

В 1965—1966 годах районными партийными организациями была проделана определенная положительная работа по укреплению колхозов и совхозов руководящими кадрами и специалистами. При этом главные усилия были направлены на укрепление отстающих хозяйств, которых в республике насчитывалось более ста. К 1966 году райкомами партии было подобрано и направлено в эти хозяйства свыше 250 руководящих работников и специалистов. Более чем в 80 колхозах были введены должности освобожденного секретаря парторганизации.⁴ Однако в эти годы в работе с кадрами имелись серьезные недостатки.

Большую помощь партийной организации республики оказало принятое в январе 1967 года на секретариате ЦК КПСС постановление «О работе ЦК Компартии Эстонии с руководящими кадрами».⁵ ЦК КПСС отметил, что вопросы подбора, выдвижения и воспитания кадров еще не стали главными в деятельности многих партийных комитетов. В республике наблюдалась большая сменяемость среди руководящих партийных, советских и хозяйственных кадров, были серьезные недостатки в создании резерва кадров. ЦК КП Эстонии недостаточно требовал от партийных и советских органов строгого соблюдения ленинских принципов работы с кадрами.

V Пленум ЦК Компартии Эстонии (март 1967 г.) подробно обсудил вопрос о работе с руководящими кадрами в республиканской партийной организации. Важнейшей задачей партийных органов, указывается в решении Пленума, является улучшение идейно-политического воспитания руководящих кадров, их марксистско-ленинской закалки. Необходимо воспитывать у каждого работника чувство высокой партийной и государственной дисциплины, строгой ответственности за выполнение директив партии и правительства и творческого подхода к делу, обеспечить пра-

⁴ ПА КПЭ, ф. 1, оп. 234, ед.хр. 17, л. 315.

⁵ «Партийная жизнь», 1967, № 6, стр. 8—12.

вильное сочетание единоначалия с широким привлечением трудящихся масс к управлению производством.⁶

Вопросы улучшения работы с кадрами в свете постановлений ЦК КПСС и ЦК КПЭ обсуждались на пленумах всех райкомов партии, собраниях первичных организаций. Силами аппарата ЦК КПЭ была изучена практика подбора и воспитания кадров в Раквереской, Пайдеской и некоторых других парторганизациях. Это изучение проводилось при широком участии аппарата райкомов и секретарей первичных парторганизаций. Так коллективно были выработаны меры по коренному улучшению работы с кадрами сельского хозяйства.

Общее внимание было обращено на улучшение состава районных комитетов и секретарей парторганизаций колхозов и совхозов. В 1968 году все секретари и абсолютное большинство работников аппарата райкомов имели высшее, незаконченное высшее или среднее образование. Многие из них окончили Высшую или республиканскую партийную школу. Почти 80 процентов секретарей первичных организаций были с высшим и средним образованием.⁷ Работу партийных комитетов КПЭ стал отличать более вдумчивый подход к изучению политических и деловых качеств работников в процессе их деятельности.

Положительным результатом проделанной райкомами партии работы явилось также улучшение качественного состава руководящих кадров колхозов и совхозов. К 1969 году имели высшее, незаконченное высшее и среднее образование 70 процентов председателей колхозов, 95 процентов директоров совхозов и 93 процента управляющих объединениями и отделениями «Эстсельхозтехника». Все начальники районных производственных управлений сельского хозяйства имели высшее специальное образование. Лишь 9 процентов председателей колхозов были с начальным образованием, но они обладали богатым опытом руководства. В сравнении с прошлыми годами заметно улучшился состав бригадиров полеводческих бригад и заведующих животноводческими фермами, среди которых в колхозах 42 процента и в совхозах 46 процентов были специалистами.⁸

Новые условия значительно расширили и усложнили поле деятельности руководящих партийных и сельскохозяйственных кадров. Они должны были с глубоким знанием дела решать общие и конкретные вопросы экономики, идеологии, просвещения, бытового и культурного обслуживания, постоянно сталкиваться с человеческими взаимоотношениями. Поэтому ЦК КПЭ и райкомы партии стали больше обучать партийные и другие кадры

⁶ ПА КПЭ, ф. 1, оп. 234, ед.хр. 25, л. 11.

⁷ А. Вадер. Важнейший участок партийной работы. — «Коммунист Эстонии», 1968, № 6, стр. 6.

⁸ И. Г. Кэбин. Компартия Эстонии в борьбе за подъем социалистического сельского хозяйства. — «Вопросы истории КПСС», 1969, № 10, стр. 21—22.

овладевать методами политического влияния, научного хозяйствования, организации и воспитания людей. Широко развернулась учеба кадров в Пылъваском, Пярнуском, Раквереском и других райкомах. На занятиях изучались вопросы партийного строительства, основы психологии, социологии, педагогики. В последние годы получили распространение теоретические конференции руководящих партийных и других работников на темы: о ленинском стиле в партийной и государственной работе, о единстве идеологической и организационной работы, научной организации труда в сельском хозяйстве и другие. Конференции создали возможность научно проанализировать новые процессы в жизни партии, сложившиеся методы и формы ее деятельности, сравнить их с собственной практикой, более широко взглянуть на все поле деятельности районных партийных организаций.

Сельский райком партии — это орган политического руководства, призванный политически обеспечивать выполнение хозяйственных и культурных задач, действуя присущими партийному органу методами организаторской и воспитательной работы. Свое повседневное влияние на все стороны жизни села райкомы оказывают прежде всего через первичные партийные организации. XXIII съезд КПСС особо подчеркнул, что партийные комитеты должны повысить боеспособность первичных партийных организаций, «прочно опираться на них, помогать им в налаживании внутрипартийной работы и развертывании массово-политической деятельности среди трудящихся».⁹

В июне 1965 года VIII Пленум ЦК Компартии Эстонии принял постановление «Об улучшении организаторской и массово-политической работы первичных партийных организаций колхозов и совхозов», в котором были указаны серьезные недостатки в их работе. Во многих колхозах партийные организации были малочисленны и не оказывали должного влияния на политическое воспитание людей. В 37 колхозах парторганизации насчитывали до 5 коммунистов, а в 168 парторганизациях — от 6 до 10 коммунистов. Недостаточная партийная прослойка была среди кадров ведущей отрасли — животноводства, а также среди механизаторов. Не проявлялось должной заботы о повышении авангардной роли коммунистов на производстве, в общественно-политической жизни, строгом соблюдении требований Устава КПСС.¹⁰

VIII Пленум ЦК КПЭ определил как важнейшую задачу Центрального комитета КПЭ и райкомов партии дальнейшее укрепление и повышение роли первичных партийных организаций колхозов и совхозов, поднятие их боевитости и целеустремленности в работе. Каждая партийная организация, указывается в

⁹ Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, стр. 196.

¹⁰ ПА КПЭ, ф. 1, оп. 234, ед.хр. 11, л. 10.

постановлении Пленума, должна жить полнокровной, содержательной, активной жизнью, влиять на все стороны производства, вести постоянную воспитательную работу с людьми. Пленум подчеркнул обязанность партийных организаций всемерно поднимать авангардную роль коммунистов на производстве, вовлекать каждого из них в активную партийную жизнь. Центральный комитет КПЭ определил также ряд конкретных мер по совершенствованию руководства первичными организациями со стороны райкомов партии, а именно: постоянно поддерживать живую связь со всеми первичными организациями, больше заниматься вопросами обучения и воспитания секретарей парторганизаций, оказывать им повседневную помощь в повышении роли партийных собраний, расстановке коммунистов на производстве, улучшении экономической работы в хозяйствах, совершенствовании форм и методов демократического управления делами хозяйств.¹¹

В результате большой организационной и политической работы партийные организации на селе количественно выросли и организационно окрепли. За период после XXIII съезда партии районными организациями было принято в ряды партии более 4 тысяч человек, среди которых более половины рабочие и колхозники. Если в 1965 году в колхозном и совхозном производстве было занято 10 355 коммунистов,¹² то к концу 1968 года непосредственно в сфере сельскохозяйственного производства работало около 14 тысяч коммунистов,¹³ что составляло около 19 процентов от всех коммунистов республики. Следует иметь в виду, что в сельском хозяйстве Эстонии было занято лишь 16,3 процента трудящегося населения республики.¹⁴ В среднем на каждую партийную организацию колхоза в 1969 году приходилось по 21 коммунисту и совхоза — по 28 коммунистов. Численный рост партийных организаций на селе позволил создать 16 партийных комитетов и 420 партийных бюро, в том числе в 171 совхозе и 249 колхозах.¹⁵

Приведем примеры роста парторганизаций по некоторым районам. Если в период с 1963 по 1965 годы в Пыльваском районе было принято в ряды партии 102 человека, то в последующие два года коммунистами стали 173 передовика района, в том числе 43 рабочих, 42 колхозника и 69 специалистов сельского хозяйства.¹⁶

¹¹ ПА КПЭ, ф. 1, оп. 234, ед.хр. 11, л.л. 11—15.

¹² ПА КПЭ, ф. 1, оп. 234, ед. хр. 10, л. 94.

¹³ А. Вадер. КП Эстонии на боевом посту. Таллин, 1969, стр. 123.

¹⁴ Eesti NSV rahvamajandus 1969. aastal. Statistiline aastaraamat. Tallinn, 1970, lk. 205.

¹⁵ И. Г. Кэбин. Цитированная статья. — «Вопросы истории КПСС», 1969, № 10, стр. 18.

¹⁶ Текущий архив Пыльваского РК КПЭ за 1965—1967 гг. Материалы VI партийной конференции от 27 ноября 1965 г., л. 1 и VII партийной конференции от 23 декабря 1967 г., л. 40.

Большую помощь райкому оказало постановление секретариата ЦК КПЭ «О работе с беспартийным активом и приеме в партию в Пыльваской районной партийной организации» (июль 1967 г.). Уже в 1968 году во всех колхозах и совхозах района имелись первичные партийные организации, возглавляемые бюро. В среднем на каждую первичную организацию в колхозе приходилось по 24 и в совхозе по 34 коммуниста.¹⁷

В Вильяндиском районе с 1965 по 1967 год было принято в партию 252 человека, что на 100 человек превышает рост парторганизации за предшествующие два года.¹⁸ В Харьюском районе в 1965 году только в 10 парторганизациях имелись партийные бюро, а два года спустя партийные бюро работали уже в 55 организациях.¹⁹

Во всех райкомах были разработаны перспективные планы занятий секретарей парторганизаций. Вот некоторые из тем, которые изучались на занятиях: ленинские принципы работы с кадрами; партийный контроль хозяйственной деятельности администрации; задачи первичных парторганизаций в развитии сельскохозяйственного производства. В ряде райкомов занятия проводились не только с секретарями, но и с партгруппорганами.

Повышению боеспособности первичных парторганизаций содействовало преодоление серьезных недостатков прошлого в стиле и методах руководства со стороны партийных комитетов. Большую помощь в совершенствовании форм партийной работы оказало постановление ЦК КПСС (1968 г.) «О работе Добринского райкома партии Липецкой области».²⁰ Отмеченные в этом постановлении недостатки в руководстве сельским хозяйством были присущи и многим райкомам КПЭ.

Вот как характеризует прежний стиль работы первый секретарь Харьюского райкома Герой Социалистического труда Х. Ильвес: «Работникам райкома раньше приходилось много заниматься хозяйственными вопросами. Они звонили в хозяйства, давали распоряжения по ремонту машин, заготовке удобрений, засыпке семян, по агротехнике и многим другим вопросам, несмотря на то, что за все это несут ответственность сами хозяйственные руководители. Партийные работники вмешивались в функции специалистов, контроль же за их работой и оказание

¹⁷ Текущий архив Пыльваского РК КПЭ. Материалы пленума райкома от 20 декабря 1968 г., л. 24.

¹⁸ Текущий архив Вильяндиского РК КПЭ за 1965—1967 гг. Материалы XV партийной конференции от 20 ноября 1965 г., л. 94 и XV партийной конференции от 2 декабря 1967 г., л. 92.

¹⁹ Текущий архив Харьюского РК КПЭ за 1965—1967 гг. Материалы XVI партийной конференции от 13 ноября 1965 г., л. 6 и XVII партийной конференции от 2 декабря 1967 г., л. 7.

²⁰ «Партийная жизнь», 1968, № 18, стр. 3—8.

их помощи были недостаточны. Теперь эти ошибки преодолены». ²¹

Характерной особенностью деятельности сельских райкомов КПЭ являлся творческий активный поиск наиболее эффективных и действенных форм воздействия партии на массы, дальнейшее совершенствование стиля и методов партийной работы. Оставаясь организующими, направляющими и контролирующими органами, райкомы стали постепенно преодолевать известный шаблонный подход, мелочную опеку и подмену советских, хозяйственных и других органов, они стремились как можно шире развивать их инициативу, повышать ответственность работников за порученное дело. Много положительного опыта накоплено в практике работы Харьковского, Пярнуского, Пылъваского, Раквереского и других райкомов.

Заметно повысилась роль коллективных органов — пленумов райкомов партии. Шире стал диапазон вопросов, которые выносятся на пленумы, изменилось их содержание и характер. Если в прошлом преобладали чисто хозяйственные вопросы, то теперь пленумы райкомов стали больше рассматривать вопросы принципиального характера — стиля и методов работы первичных организаций, вопросы работы с кадрами, авангардной роли коммунистов, их ответственности за выполнение уставных требований. Например, с 1965 по 1967 годы на пленумах Пылъваского райкома рассматривались вопросы: о работе с молодыми коммунистами и беспартийными активом, идейно-политическом воспитании роли интеллигенции в воспитании трудящихся, задачах партийных организаций в улучшении жилищно-бытовых условий колхозников, о воспитании молодежи. ²²

В центре внимания пленумов Вильяндиского райкома партии в 1968 году находились вопросы о выполнении партийных поручений и проверке исполнения, роли руководящих работников и специалистов в коммунистическом воспитании трудовых коллективов, итоги октябрьского (1968 г.) Пленума ЦК КПСС и задачи партийной организации района. ²³ Харьковский райком партии в 1966—1967 годах сосредоточил внимание на вопросах повышения авангардной роли коммунистов в производстве и общественной жизни, улучшении партийного руководства комсомолом, задачах районной партийной организации в формировании марксистско-ленинского мировоззрения у коммунистов. ²⁴

²¹ Х. Ильвес. Два года спустя после мартовского Пленума КПСС. — «Коммунист Эстонии», 1967, № 4, стр. 51.

²² Текущий архив Пылъваского РК КПЭ за 1965—1967 гг. Материалы пленумов от 12 июня, 30 сентября 1965 г., 17 февраля 1966 г., 28 марта, 27 апреля, 22 сентября 1967 г.

²³ Текущий архив Вильяндиского РК КПЭ за 1968 г. Материалы пленумов райкома от 12 марта, 27 июня, 4 октября и 12 декабря 1968 г.

²⁴ Текущий архив Харьковского РК КПЭ за 1966—1967 гг. Материалы пленумов райкома от 15 июня, 30 ноября 1966 г. и 19 апреля, 23 августа 1967 г.

Пленумы на селе стали готовиться квалифицированнее, с глубоким, всесторонне продуманным подходом. Например, работники названных ранее райкомов, как правило, перед пленумом вместе с партийным активом и специалистами сельского хозяйства изучали положение на местах. Затем материалы проверки рассылались составу пленума и членам ревизионной комиссии райкома. Это создало возможность заранее ознакомиться с содержанием вопроса, проанализировать состояние работы у себя в колхозе, совхозе, придумать предложения. При такой тщательной подготовке пленумы приобрели деловой характер, выступающие вносили много полезных предложений и принимались продуманные, обоснованные решения.

Тщательной подготовкой характеризовались и пленумы Раквереского райкома. Так, в марте 1968 года на пленум был вынесен вопрос об авангардной роли коммунистов в производстве и общественной жизни. В ходе подготовки к этому пленуму была проанализирована работа 40 первичных партийных организаций.²⁵ Изучение положения на местах позволило райкому конкретнее руководить деятельностью первичных организаций по укреплению коммунистами решающих участков производства.

На многих пленумах работники райкомов информировали о своей работе, о выполнении решений партийных конференций и предыдущих пленумов, о том, как райкомы реагируют на критические выступления коммунистов. В Пыльваском районе, например, на пленумах слушалась информация руководителей тех районных организаций и учреждений, в адрес которых была высказана критика на предшествующей партийной конференции.

Более целенаправленными стали заседания бюро райкомов партии. Вопросы деятельности партийных организаций колхозов и совхозов в целом, а также анализ отдельных сторон их деятельности составляли одно из главных направлений работы бюро райкомов. Опыт подтвердил, что такая форма руководства и оказания помощи оказалась достаточно действенной. В течение 1968 года на бюро Пыльваского райкома, например, обсуждались отчеты парторганизации колхозов «Югисыйуд» и имени ХХII съезда КПСС об идейно-политическом воспитании коммунистов, о работе парторганизаций совхоза «Вярска» и колхоза «Кюльвая» с политинформаторами, информация парторганизаций совхоза «Ряпина» и колхоза «Выйтья» о руководстве комсомолом, информация партийных организаций колхозов имени Калинина и «Лееви» о выполнении принятых решений, отчет о работе партийной организации совхоза «Орава», информация о партийном руководстве общественными организациями в кол-

²⁵ Ю. Нийзукке. Коммунист должен подавать пример. — «Коммунист Эстонии», 1968, № 10, стр. 41—42.

хозах «Таеваскода» и «Сыпрус». ²⁶ В целом по Эстонии в 1967—1968 годах на бюро райкомов партии были заслушаны отчеты почти двухсот первичных парторганизаций. ²⁷

В деятельности райкомов был преодолен прежний шаблонный подход, когда на бюро заслушивались только парторганизации, в которых имелись крупные недостатки. Райкомы стали изучать также парторганизации передовых хозяйств как с точки зрения выявления положительного опыта, так и для выяснения и исправления имеющихся там недостатков. Например, Пайдеский райком партии в 1968 году заслушал отчет секретаря первичной парторганизации колхоза «Эстония». Это передовое в республике хозяйство, которое в течение многих лет успешно справляется с производственными заданиями. Однако за хозяйственными успехами скрывались недостатки в работе парторганизации. Коммунисты не всегда выполняли партийные поручения, их общественная активность была низкой. Слабо была поставлена работа с беспартийным активом, поэтому рост парторганизации был незначительным, хотя в колхозе имелось немало передовиков, достойных быть в рядах партии. ²⁸

Правильно поступил Харьюский райком, заслушав на бюро отчет парторганизации передового колхоза «Ания», где было чему поучиться коммунистам других колхозов. Вместе с тем райком выявил такие недостатки, как неудовлетворительную посещаемость партийных собраний, слабое руководство комсомолом. ²⁹

Почти все райкомы стали практиковать проведение заседаний бюро на местах. К примеру, одно из очередных заседаний бюро Пайдеского райкома по вопросу о распространении передового опыта состоялось в опорно-показательном совхозе «Вийсу». Здесь действует школа передового опыта, в которой пополнили свои знания и получили специальность 1266 работников сельского хозяйства района, проводилось много различных краткосрочных курсов. Внимательно изучив положение на месте, бюро сочло работу по передаче передового опыта недостаточной. Совхоз не имел плана научной организации труда, не анализировались результаты внедрения передовых приемов. Решение райкома помогло парторганизации совхоза устранить недостатки. ³⁰

Выезды партийных работников в первичные организации и изучение состояния дел в них состоялись не только по поводу подготовки к бюро или пленуму. Частые беседы с коммуниста-

²⁶ Текущий архив Пылваского РК КПЭ за 1968 г. Материалы заседаний бюро от 9 февраля, 18 марта, 12 апреля, 24 мая, 7 июня, 6 сентября, 11 октября, 27 декабря 1968 г.

²⁷ А. Вадер. КП Эстонии на боевом посту. Таллин, 1969, стр. 32.

²⁸ «Коммунист Эстонии», 1968, № 6, стр. 44.

²⁹ Текущий архив Харьюского РК КПЭ за 1967 г. Материалы заседаний бюро от 19 июня 1967 г.

³⁰ «Коммунист Эстонии», 1968, № 2, стр. 39.

ми, помощь секретарям парторганизаций советом и практическими делами на местах стало одним из важнейших принципов деятельности сельских райкомов КПЭ. Собранный на местах материал райкомами обобщался и анализировался на семинарах секретарей парторганизаций и совещаниях работников аппарата партийного комитета. Зачастую полученная на местах информация служила исходным пунктом для обсуждения тех или иных вопросов на заседаниях бюро или пленумов райкомов.

Важным условием партийного руководства является расширение осведомленности всех коммунистов о работе выборных органов, хорошо поставленная партийно-политическая информация. Одной из наиболее действенных форм информирования масс о важнейших вопросах политики партии и правительства, о насущных местных проблемах является постоянное личное общение руководителей с рядовыми коммунистами и трудящимися. XXIII съезд КПСС указал на необходимость регулярных выступлений руководящих работников перед партийным активом, коммунистами и трудящимися по проблемам хозяйственного и культурного строительства, внутренней и международной жизни.

В сельских организациях установилась полезная практика выступлений секретарей и ответственных работников аппарата ЦК КПЭ. На селе часто выступали И. Кэбин, А. Вадер, А. Веймер, В. Клаусон и ряд других работников. Группы докладчиков работали при всех сельских райкомах. В общей сложности в них состояло около 700 человек.³¹

В Пярнуском районе, например, группа докладчиков насчитывала 98 человек, в том числе 45 ответственных работников районных органов и 53 руководителя хозяйств. Выезжая в колхозы и совхозы, они не только разъясняли важнейшие решения партии и правительства, но иногда на месте принимали соответствующие меры по критическим замечаниям и предложениям трудящихся. В задушевных групповых и индивидуальных беседах с людьми они интересовались их настроениями, условиями труда и отдыха. Для проведения работы на местах докладчики разбивались на группы по 3—4 человека и в последнюю пятницу каждого месяца выезжали на целый день в определенный колхоз или совхоз. На следующий день в райкоме подводились итоги. По материалам таких встреч райком партии рассмотрел вопросы об улучшении бытового обслуживания населения, организации пионерского лагеря для детей колхозников и работников совхозов.³²

Многие партийные работники вели пропагандистскую работу в сети партийного просвещения. Контакт с коммунистами и тру-

³¹ ПА КПЭ, ф. 1, оп. 234, ед.хр. 9, л. 22.

³² П. В а с и л о в. Совершенствуем формы работы. — «Коммунист Эстонии», 1966, № 2, стр. 52—53.

дящимися помог им более полно учитывать их мнения, способствовал укреплению коллективности в подходе к решению всех актуальных задач.

Современный этап развития сельского хозяйства сопряжен с многообразием, масштабностью и сложностью задач, которые приходится решать партийным комитетом. Это настоятельно диктует необходимость научного подхода к совершенствованию форм и методов партийной работы. Одной из предпосылок научного подхода является перспективное планирование партийной работы. Возникший по почину ленинградцев, этот метод получил широкое распространение в Эстонии. На страницах республиканской печати, а также между райкомами партии по этому вопросу происходил широкий обмен мнениями. В практике работы райкомов и раньше составлялись планы на более длительный срок по отдельным отраслям партийной работы, например, планы проведения партийных конференций, пленумов, а также проведения в жизнь важнейших решений вышестоящих органов. Однако недостатком было то, что наличие нескольких планов расплывало внимание райкомов и часто новый план оставлял без внимания ранее намеченные мероприятия. Кроме того, такие планы не охватывали партийной работы в целом, поэтому при выполнении одних задач создавались трудности в выполнении других.

Суть перспективного планирования состоит в том, что районные комитеты и первичные партийные организации определяют перспективу своей деятельности на более длительный период — в основном на два года. Перспективные планы Вильяндиского и Пылваского райкомов содержат лишь главные вопросы и мероприятия, на которые обращается внимание всех организаций и партийного комитета. Это способствует координации работы отделов партийного комитета, местных парторганизаций. Перспективный план оставляет возможность дальнейшей его детализации, дополнения или изменения, ибо невозможно все предвидеть на два года вперед. На основе перспективных планов райкомы составляют календарные планы мероприятий на более короткое время. Важно подчеркнуть, что перспективное планирование партийные комитеты тесно увязывают с контролем и информированием о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Внедрение в партийную работу принципов научной организации труда способствовало появлению и других новых форм, повышающих эффективность партийного руководства. Более совершенно стала планироваться работа инструкторского состава. Некоторые райкомы стали внедрять регламент работы комитета, его бюро, отделов, обязанности членов райкома.

Дальнейшее совершенствование работы партийных комитетов должно базироваться на данных конкретных социологических исследований. При ЦК КП Эстонии работает Общест-

венный институт социологии, призванный координировать проведение социологических исследований в республике, в том числе в области организационно-партийной работы. Однако социологические исследования еще недостаточно охватывали сферу деятельности сельских райкомов партии. Кроме того, в исследованиях партийной работы часто встречался поверхностный подход, чрезмерное увлечение анкетированием.

Существенные изменения в формах и методах работы партийных комитетов положительно сказались на деятельности партийных организаций колхозов и совхозов, находящихся на переднем крае борьбы за подъем сельского хозяйства. Возросла роль и значение партийных собраний, которые являются школой воспитания коммунистов. Именно здесь обсуждаются решения вышестоящих органов, намечаются пути к исправлению недостатков, даются конкретные поручения коммунистам.

В прошлом на собраниях первичных организаций нередко обсуждались чисто хозяйственные вопросы, принятые решения напоминали скорее решения правлений колхозов или приказ директора совхоза. Например, в Харьском районе в парторганизации колхоза имени Лауристана обсуждался вопрос «о хранении картофеля», в колхозе «Майдла» — «О ремонте сельскохозяйственных машин», в совхозе «Харку-Ярве» — «О положении в животноводстве и балансе кормов».³³ Такой стиль работы являлся в известной степени следствием существовавшего тогда производственного принципа построения партийных организаций.

После решений мартовского Пленума ЦК КПСС на партийные собрания стали выносятся вопросы партийной дисциплины и выполнения Устава партии, работы с руководящими кадрами хозяйств, политечебы, руководства комсомолом, выполнения социалистических обязательств, культурно-массовой, спортивной работы в хозяйствах и другие, требовавшие коллективного решения. Больше внимания на партийных собраниях стало уделяться информации о выполнении принятых решений.

Проделана значительная работа по повышению активности коммунистов на партийных собраниях. По инициативе райкомов партии проводились специальные обследования по этому вопросу. В Раквереском районе, например, выяснилось, что из 747 коммунистов 175 в течение года ни разу не высказали своего мнения. Одной из причин пассивности являлось отсутствие у коммунистов партийных поручений. Первичные организации навели порядок в этом деле, каждый член партии был вовлечен в повседневную общественную жизнь.³⁴

Руководство хозяйственной жизнью характеризовалось более

³³ ПА КПЭ, ф. 1, оп. 234, ед.хр. 10, л. 38.

³⁴ Ю. Нийзукке. Коммунист должен подавать пример. — «Коммунист Эстонии», 1968, № 10, стр. 43.

деловым и квалифицированным подходом парторганизаций к решению задач производственной деятельности. Как райкомы, так и первичные парторганизации колхозов и совхозов главное внимание уделяли перспективным вопросам развития сельскохозяйственного производства и экономики. Так, Вильяндский райком нацелил партийные организации хозяйств на решение таких важнейших проблем, как лучшее использование полей, изменение структуры посевных площадей, развертывание строительства животноводческих помещений, серьезное улучшение анализа хозяйственной деятельности колхозов и совхозов.³⁵ Первичные партийные организации решали эти задачи не сами непосредственно, а через коммунистов-руководителей и специалистов, путем улучшения организационной и массово-политической работы среди колхозников и работников совхозов. При этом главный упор делался на воспитание кадров, повышение всех ответственных за доверенную работу, а также на проверку исполнения директив партии и правительства.

В Йыгеваском районе в 1968 году пленум райкома обсудил вопрос о внедрении передового опыта и достижений сельскохозяйственной науки в производство. Всесторонняя подготовка, деловое обсуждение на пленуме помогли принять конкретное решение, на основе которого в хозяйствах были разработаны практические мероприятия по внедрению передового опыта и достижений науки. За ходом их выполнения первичные парторганизации установили повседневный строгий контроль. Гибко использовались средства морального и материального поощрения людей. На механизированных работах была применена дополнительная оплата труда за качество. Все это в значительной мере повлияло на улучшение результатов труда. В хозяйствах района урожайность зерновых составила 24, картофеля — 200 и полевых трав — 32 центнера с гектара. Надои молока на одну корову составили 3324 килограмма.³⁶

Много внимания уделялось вопросам внедрения основ научной организации труда в сельскохозяйственное производство. В Кохтла-Ярвеском районе, например, службы НОТ созданы во всех колхозах и совхозах. В них состоит почти пятьсот человек, из которых четверста являются рабочими и колхозниками. Ведется активный поиск путей более рационального ведения хозяйства.³⁷ Систематическую работу по внедрению научной организации труда в бригадах и на фермах вела партийная организация колхоза «Рахва Выйт» Харьюского района, колхоза

³⁵ Текущий архив Вильяндского РК КПЭ за 1967 г. Материалы XVI партийной конференции от 2 декабря 1967 г., л. 58—65.

³⁶ В. Тинт. Сельские райкомы партии. — «Советская Эстония», № 24, от 29 января 1969 г.

³⁷ См. «Коммунист Эстонии», 1966, № 12, стр. 50 и «Советская Эстония», № 24, от 29 января 1969 г.

«Суйслепа» Вильяндиского района и многие другие. По их инициативе правление колхоза и специалисты разработали и внедрили систему дополнительной оплаты труда для полеводов, животноводов и механизаторов.

Деятельность партийных организаций совхозов по руководству хозяйственной жизнью хорошо видна на примере совхоза «Камара» Вильяндиского района. С внедрением хозяйственного расчета в совхозах (с июля 1967 года все совхозы ЭССР были переведены на полный хозяйственный расчет) партийная организация стала обучать специалистов и рабочих глубокому проникновению в экономику. «На партийных собраниях, — говорит секретарь партбюро совхоза «Камара» А. Хейнсалу, — мы постоянно, будь то отчет руководителя производственного подразделения или обсуждение хода той или иной работы, делаем упор на экономику. А как хозяйствуем, об этом все хорошо осведомлены. Каждый квартал проводим анализ производственной деятельности на совместном заседании администрации и партбюро, ежемесячно итоги работы обсуждаются и на рабочих собраниях в отделениях». ³⁸

Главное в хозрасчете — это борьба за экономию и снижение себестоимости продукции. Тут свою главную цель парторганизация совхоза «Камара» видела в том, чтобы развивать творческую инициативу рабочих, направлять их усилия на поиск скрытых резервов. Примером здесь служили коммунисты — телятница М. Рийет, доярка С. Коккар, трактористы Ю. Роозма и Л. Раба. Трудясь с полной отдачей сил, они старались свести до минимума производственные затраты. За режим экономии постоянно боролась и группа народного контроля совхоза. Большое внимание уделялось повышению производительности труда, внедрению передового опыта, механизации работ в животноводстве. Свой вклад в сокращение затрат вносят и рационализаторы совхоза, среди которых немало коммунистов. ³⁹

Не подмена хозяйственных руководителей, не их мелочная опека, регламентация каждого их шага, а повышение персональной ответственности за порученный участок работы, развитие инициативы и самостоятельности как руководителей, так и рядовых тружеников — это направление стало преобладающим в деятельности первичных парторганизаций в последние годы.

Усиление влияния партийных организаций на развитие экономики проявлялось также в личном участии коммунистов в производстве. Работая на важнейших участках, они служат примером для беспартийных. Уже более 20 лет работает в Раквереском районе скотницей-дойяркой Герой Социалистического Труда Лайне Вайксалу. Она первой в Эстонии взялась ухаживать за значи-

³⁸ «Советская Эстония», от 25 декабря 1969 г.

³⁹ Там же.

тельно большей, чем обычно, группой коров и не раз выходила на первое место в республике. Наряду со своим нелегким трудом коммунист Л. Вайксалу находит время для активного выполнения обязанностей члена райкома партии. В числе передовиков сельского хозяйства Эстонии немало коммунистов — комбайнер Э. Мяннисалу, свиновод Э. Сыэрде, птичница Э. Аун (Харьюский район), доярка А. Кярнер, механизатор Э. Отсман (Вильяндиский район), доярка А. Лиивамяги, тракторист К. Лутсар (Пылваский район) и тысячи других, которые трудом на полях и фермах претворяют в жизнь программу партии по развитию сельского хозяйства.

Первичные партийные организации много сделали по вовлечению колхозников и рабочих совхозов в социалистическое соревнование. Этому содействовало проведение открытых партсобраний, тщательный анализ социалистических обязательств, а также организаторская работа коммунистов. Более ста человек участвовало в движении за коммунистический труд в опорно-показательном совхозе имени Ю. Гагарина. По итогам соревнования этот совхоз неоднократно выходил на первое место в республике и в Советском Союзе.⁴⁰

В сравнении с прошлым более целенаправленной стала деятельность первичных партийных организаций по активизации масс, привлечению их к участию в управлении производством. Во многих колхозах и совхозах активно работали группы народного контроля, а также группы контроля за деятельностью администрации. Так, в колхозе «Сяде» Вильяндиского района в группе народного контроля состояло 11 человек, в том числе 6 коммунистов. Возглавлял группу коммунист В. Таркус. В течение 1967 года группа несколько раз осуществила проверку выполнения колхозного Устава, сохранения колхозной собственности, условий содержания скота. Выявленные недостатки обсуждались на партсобраниях и в правлении колхоза и были устранены.⁴¹

Партийные организации стояли на страже колхозной демократии, правильного сочетания личных и общественных интересов, коллективности в руководстве хозяйством. Они добились, что колхозники все активнее участвуют в решении проблем повышения эффективности коллективного производства. Колхозные собрания во многих районах в последние годы все в большей степени стали выполнять функции коллективного экономиста. Это, пожалуй, одна из самых характерных особенностей колхозных собраний. К примеру, отчетное собрание в колхозе «Тулевик»

⁴⁰ Тесущий архив Вильяндиского РК КПЭ за 1967 г. Материалы общих собраний парторганизации опорно-показательного совхоза имени Ю. Гагарина за 1967 г.

⁴¹ Там же. Материалы общих собраний парторганизации колхоза «Сяде» от 26 мая, 31 июня, 8 сентября 1967 г.

Харьуского района чем-то напоминает экономическую конференцию. На стенах таблицы, диаграммы, выступающие оперируют такими понятиями, как себестоимость, хозрасчет, прибыль, рентабельность. Выступления носят деловой тон, аналитический подход к положению дел. Рядовые колхозники — доярки, механизаторы, полеводы были теми, кто подсказал правлению разработать шкалу распределения прибылей между отделениями, а также порядок индивидуального премирования. Они вносят предложения о путях дальнейшего повышения культуры производства, укрепления трудовой дисциплины, рационального использования техники, экономного расходования электроэнергии. Утверждая отчеты и планы производства, колхозники заложили ту базу, которая дала возможность колхозу поднять уровень рентабельности.

Все это не пришло само собой, а явилось результатом большой работы парторганизации колхоза «Тулевик». По ее инициативе анализ годового отчета проводится сразу после того, как он составлен. Колхозники заранее могут ознакомиться с его результатами. На совместном заседании партбюро и правления рассматривается отчетный доклад председателя, определяются меры материального и морального поощрения лучших. Если на отчетном собрании решается какой-либо организационный вопрос, коммунисты прежде всего изучают мнение колхозников. Благодаря усилиям партийной организации, колхозное собрание превратилось в школу социального воспитания. Здесь дается высокая оценка трудовых успехов передовиков, вручаются им премии и грамоты, вносятся коррективы в пенсионное обеспечение.⁴²

Приведенный пример лучшего в республике хозяйства не является единичным. Дальнейшее развитие колхозной демократии все более прочно становится нормой жизни, особенно после принятия нового Устава колхоза. В свою очередь развитие колхозной демократии расширяет базу для повышения роли первичных организаций партии в руководстве экономикой и общественными делами колхозов.

Многое изменилось в стиле и методах деятельности колхозных и совхозных парторганизаций в связи с созданием парткомов. Они решали вопросы подбора и расстановки кадров, много внимания уделяли идеологическому воспитанию работников, учебе секретарей парторганизаций отделений, заслушивали их отчеты о выполнении партийных решений.

Почтителен опыт работы парткома совхоза-техникума «Тюри» Пайдеского района. Здесь хорошо была поставлена работа комиссий по контролю деятельности администрации. В разное время партком создавал эти комиссии в зависимости от того,

⁴² В. Ефимов. Колхозное собрание — коллективный экономист и организатор. — «Коммунист», 1968, № 1, стр. 53.

какие узкие места в хозяйстве внушали тревогу. В совхозе работали комиссии за внедрением передового опыта и новой техники, за учебно-воспитательной работой, по контролю за внедрением научной организации труда. Партком координировал работу комиссий так, чтобы они не дублировали групп содействия народному контролю.

Много усилий приложил партком «Тюри», чтобы обеспечить деятельность общественных организаций, руководство движением за коммунистический труд. Не всегда и не все выходило гладко. Но одно центральное направление работы парткома всегда оставалось неизменным — это обучение и воспитание кадров. В 1968 году в совхозе было создано 10 политкружков, в которых занималось около двухсот слушателей. В 7 кружках животноводы и механизаторы повышали свою квалификацию, одновременно получая и политические знания. Люди проявляли к занятиям живой интерес. И не только потому, что с ними беседовали и договорились о форме учебы. Сама атмосфера активности, созданная партийной организацией, рождает у людей вопросы, на которые самостоятельно ответ найти нелегко.

В течение ряда лет избиравшийся секретарем этого парткома О. Тамм считает, что главным качеством партийного работника и коммуниста является умение подойти к человеку, проявить к нему максимум внимания. Директор, например, решая оперативные вопросы хозяйствования, не всегда может вникнуть в настроение каждого работника, а секретарь должен это делать. Он должен всех знать. А для этого нужны терпение и выдержка. «Что касается меня, — говорит О. Тамм, — то я чувствую наибольшее удовлетворение, когда ко мне приходят люди, если я могу им чем-нибудь помочь, что-нибудь разъяснить... Если они приходят, значит я им нужен. А вот если с тобой не ищут контакта, можешь сделать безошибочный вывод, что люди не видят в твоей работе никакого смысла. Кстати такая ситуация возникает довольно легко. Стоит только некоторое время засидеться в канцелярии, или вообще начать больше печется о формальной стороне своей работы, оторваться от повседневных людских забот, глядишь, уже и дошел до такого положения...»⁴³

Без преувеличения можно сказать, что в работе сельских партийных организаций стало больше творчества, исчез так называемый дежурный пафос. Все с большей силой дает себя знать стиль работы, соответствующий новым задачам, поставленным решениями XXIII съезда КПСС.

Положительным результатом деятельности сельских партийных организаций КПЭ являются значительные успехи трудящихся Эстонии в развитии сельского хозяйства. Используя

⁴³ Э. Пыги с. Секретарь парткома. — «Коммунист Эстонии», 1968, № 12, стр. 40.

огромные капиталовложения государства в сельское хозяйство, мелиорацию земель, увеличившиеся поставки минеральных удобрений и техники, труженики колхозов и совхозов добились роста продуктов земледелия и животноводства. Среднегодовые валовые сборы в 1966—1969 годах по сравнению с предшествующим пятилетием составили: по зерну — 147,1, картофелю — 105 и овощам — 122,2 процента. При этом важно отметить, что этот рост шел главным образом за счет повышения урожайности. В 1969 году средняя урожайность зерновых по всем категориям хозяйств составляла 24,8, по картофелю — 165 и овощам — 181 центнер с гектара. Среднегодовое производство продуктов животноводства в 1966—1969 годах в сравнении с предыдущим пятилетием составляло: по мясу 123,8, молоку — 118,5, по яйцу — 124,1 процента. Средний удой молока на одну корову в 1969 году в колхозах и совхозах составил 3176 килограммов против 2968 в 1965 году.⁴⁴

Совершенствование стиля и методов партийной работы — это не кратковременное мероприятие, а постоянно развивающийся процесс, который в современных условиях требует к себе строго научного подхода. Именно в этом плане хочется указать на существенный недостаток, имевший место как в рассматриваемые годы, так и в настоящее время. Речь идет о достоверности и оперативности партийной информации. В Уставе КПСС указывается, что систематическая информация высшего партийного органа и отчетность перед ним о своей работе является обязанностью партийных организаций и партийных комитетов. Особое значение в партийном руководстве имеет информация, исходящая из первичных партийных организаций. Хорошая осведомленность райкома в делах партийных организаций помогает принять конкретное решение, быстро устранить недостатки, ослабить или предупредить их последствия.

В ряде хозяйств республики — совхозах «Винни», «Сымерпалу», «Вярска», «Тарту», колхозах «Вуртсъярве», имени Минчурина и многих других секретари парторганизаций хорошо знают положение в хозяйствах, стремления и настроения людей, не закрывают глаза на недостатки, смело берутся за самые острые и трудные задачи, своевременно и объективно информируют об этом райкомы. Поэтому и помощь со стороны партийных комитетов здесь действительна.

К сожалению, еще нередки случаи, когда райкомы партии не знают истинного положения вещей в той или иной парторганизации. Бывает, что парторганизацию колхоза или совхоза считают в числе передовых, ее секретаря хвалят, а на самом деле парторганизация работает слабо. Кохтла-Ярвеский райком, напри-

⁴⁴ Eesti NSV rahvamajandus 1969. aastal. Statistiline aastaraamat. Tallinn, 1970., lk. 148, 149, 153, 154.

мер, длительное время не был информирован о положении в парторганизации колхоза «Пейпси», в которой были крупные недостатки: партийные собрания готовились плохо и проходили формально, отсутствовал должный контроль за исполнением решений, активность коммунистов была низкая. И хотя эти недостатки были потом вскрыты на заседании бюро райкома и принято деловое решение, но авторитету колхозной парторганизации принесен явный ущерб. Недостаточная осведомленность Хаапсалуского райкома о деятельности парторганизации совхоза «Вормси» привела к тому, что она занималась лишь узко хозяйственными вопросами, упустив из виду политическое руководство коллективом. Необъективность информации, замазывание недостатков и ошибок со стороны бывшего секретаря парторганизации колхоза «Койт» Вильяндиского района явилось причиной несвоевременного вскрытия неправильного стиля руководства со стороны председателя, насаждавшего противозаконные порядки. В результате колхоз из передового опустился в отстающие.⁴⁵

В последние годы районные комитеты КПЭ серьезно занялись улучшением внутрипартийной информации. Состоялись собрания работников аппарата, семинары секретарей первичных парторганизаций с вопросом о совершенствовании службы партийной информации. В Тартуском райкоме, например, утверждено специальное положение о порядке партийной информации в районе, где четко определена система приема и обработки информации по всем важнейшим вопросам жизни и деятельности первичных организаций. Однако предстоит еще много сделать. Райкомы партии еще недостаточно используют в качестве источника информации протоколы партийных собраний. Под лозунгом борьбы с «излишней писанной» некоторые райкомы вообще отказались от обязательного представления протоколов первичных организаций. Оформление протоколов оставляет желать много лучшего. Встречается и такие протоколы, которые кроме повестки дня и фамилий выступавших не несут никакой информации.

Работа инструкторов партийных комитетов нуждается в совершенствовании и внедрении продуманной системы в области накопления и обобщения информационного материала. Инструкторы являются главным связующим звеном между райкомом и первичными парторганизациями. Но их знакомство с положением на местах нередко носит односторонний характер, по узко заданному вопросу. Даже опытные инструкторы не всегда располагают всесторонней информацией и часто вынуждены по каждому, казалось бы ясному вопросу, ехать в организацию за ответом.

Июльский (1970 г.) Пленум ЦК КПСС, отметив достигнутые за последние годы существенные результаты в сельском хозяй-

⁴⁵ «Советская Эстония», от 4 апреля 1968 г.

стве, вместе с тем подчеркнул, что темпы развития советской экономики, неуклонное повышение жизненного уровня народа предъявляют к сельскому хозяйству новые, более высокие требования. В постановлении указывается, что «более быстрое развитие сельского хозяйства на основе всемерного укрепления его материально-технической базы является одной из главных и первоочередных задач на ближайший период».⁴⁶

XXIV съезд КПСС одобрил широкую комплексную программу развития сельского хозяйства, его всесторонней интенсификации, выработанную ЦК КПСС. Более ускоренный подъем сельского хозяйства партия рассматривает не только как хозяйственную, но и как политическую, общегосударственную задачу. Ее решение требует повышения уровня политической и организационной партии, дальнейшего совершенствования стиля и методов их работы.

EKP RAJONIORGANISATSIOONIDE TEGEVUS PÕLLUMAJANDUSE JUHTIMISE TÄIUSTAMISEL (AASTAIL 1965—1968)

I. Volkov

Resümee

NLKP XXIII kongressi ja keskkomitee pleenumite otsustes pööratakse suurt tähelepanu poliitilise ja organisatsioonilise töö stiili, vormide ning meetodite täiustamisele ja leninlike seisukohtade elluviimisele nendes küsimustes. Arhiivimaterjalide, samuti jooksva perioodika alusel on artiklis üldistatud kõige iseloomulikumat parteilise juhtimise vormid ja meetodid, mis väljenduvad kollektiivsuses ja asjalikkuses, reaalse olukorra ja masside kogemuste sügavas ning igakülgses analüüsis.

Konkreetsete näidete alusel iseloomustatakse neid muutusi, mis on toimunud EKP rajoonikomiteede tööstiilis, sealhulgas pleenumite ja büroode tegevuse sisulises küljes, maa juhtiva kaadri kasvatamise vormides ning meetodites.

Olulisel kohal on artiklis kolhooside ja sovhooside parteiorganisatsioonide tegevuse tõhustamise ning nende osatähtsuse suurenemise küsimused põllumajandusliku tootmise ees seisvate ülesannete lahendamisel. Esitatud näited parteikomiteede ja algorganisatsioonide kogemustest näitavad veenvalt, et rajoonikomiteed kindlustasid poliitiliselt majanduslike ning kultuurliste ülesannete lahendamise, kasutades selleks parteile omaseid organisatsioonilisi ja kasvatuslikke töömeetodeid.

⁴⁶ «Очередные задачи партии в области сельского хозяйства». Постановление Пленума ЦК КПСС от 3 июля 1970 года. — «Коммунист», 1970, № 10, стр. 4.

ACTIVITIES OF THE DISTRICT PARTY ORGANIZATIONS OF THE C. P. OF ESTONIA IN IMPROVING PARTY MANAGEMENT OF AGRICULTURE (IN THE YEARS 1965—1968)

I. Volkov

S u m m a r y

On the basis of archivalia as well as periodical publications the most characteristic lines of party management of agriculture are summed up here, which occur in collectivity and business-like efficiency, in comprehensive regard for reality and mass experience. In the present article great attention is paid to analysing the styles of work of party committees and local party organizations in collective and state farms. The convincing examples given here serve to show that agricultural district party organizations politically secured the fulfilment of their economic and cultural tasks with their inherent organizational and educational methods of work.

PARTEIORGANISATSIOONI ÜLESANNETEST NOORTE LEKTORITE ETTEVALMISTAMISEL KÕRGEMAS KOOLIS

J. Kalits

Kommunistliku ühiskonna edukas ehitamine oleneb kahe tähtsa teguri — ühiskonnaliikmete teadlikkuse ja nende loomingu-
luse aktiivsuse vastastikusest seostatusest. Kõrgem teadlikkus
tagab kahtlematult kiirema kommunismi materiaalse tehnilise
baasi loomise ja uute inimestevaheliste suhete kujundamise. See-
pärast märgitaksegi Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei
programmis, et «partei püstitab ülesande kasvatada kogu elanik-
konda teadusliku kommunismi vaimus, taotledes, et töötajad
sügavalt mõistaksid maailma arenemise käiku ja perspektiive,
õigesti orienteeruksid meie maal ja rahvusvahelisel areenil toi-
muvates sündmustes ning teadlikult ehitaksid elu kommunist-
likult.»¹

Selle ülesande täitmiseks on parteiorganisatsioonide käsutu-
ses propagandistide, agitaatorite, ajakirjanike, televisiooni- ja
raadiotöötajate, lektorite ja paljude mitmesuguste kasvatustööga
tegelevate asutuste ja spetsialistide kaader. Suur osa on siin
täita suulisel, eriti aga loengupropagandal. 1905. a. revolutsiooni
eel kirjutas V. I. Lenin kirjas A. V. Lunatšarkile, et «isiklik
mõjutamine ja koosolekutel esinemine on poliitikas määratu
suure tähtsusega. Ilma nendeta ei ole poliitilist tegevust ja isegi
kirjutamine muutub vähem poliitiliseks.»² Sellest ajast möödunud
rohkem kui poole sajandi vältel on partei andnud erinevaid
hinnanguid ühe või teise propagandatöö vormi suhtes. Nii näi-
teks rõhutatakse ÜK(b)P otsuses 14. novembrist 1938. a., et «rin-
gide meetod propagandas oli omane peamiselt partei illegaalsuse
ajajärgul, partei töötingimuste tõttu sel ajal, kuna nõukogude
võimu tingimustes, kus bolševike partei käes on nii võimas propa-
gandarelv, nagu ajakirjandus, on loodud hoopis uued tingimused

¹ Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei programm. Tallinn, 1961, lk. 109.

² V. I. Lenin. Teosed. 34. kd., lk. 289.

ja võimalused piiramatu ulatusega propagandaks ning selle tsentraliseeritud juhtimiseks».³ Samal ajal aga antakse kõrge hinnang suulise propaganda alal tehtavale tööle mitmesugustes partei otsustes ja dokumentides. NLKP Keskkomitee otsuses 27. aug. 1959. a. Üleliidulise Poliitiliste ja Teadusalaste Teadmiste Levitamise Ühingu⁴ töö kohta kriipsutatakse alla, et «partei- ja ühiskondlikud organisatsioonid peavad vaatama kommunistide ja parteitute osavõtule ühingu tööst kui parteiliste ja ühiskondlike ülesannete täitmisele. Töölisele, kolhoosnikutele ja teenistujatele loengute ja ettekannete pidamine on iga nõukogude haritlase üllas ja austav kohustus!»⁵

Loengulise töö vormi aegumise küsimus on mõnevõrra aktuaalseerunud seoses partei programmi seisukohaga, kus kasvatustöö süsteemis peavad tähtsat osa etendama «trükisõna, raadio, kino ja televisioon.»⁶ Tegelikult aga ei tähenda nelja vormi esiletõstmine ülejäänute tagasilükkamist, vaid seda, et märgitute osas on võimalikust tunduvalt väiksem kasutamisisensiivsus. Seega siis ei saagi küsimust püstitada propagandatöö ühe või teise vormi prioriteedist, vaid kõigi vormide komplekssest kasutamisest kommunistliku kasvatustöö eesmärgil. Sealjuures on igal vormil selliseid iseärasusi, mida ei suuda asendada ükski teine vorm. Nii näiteks on loengulise töö vaieldamatuks eeliseks vahetu kontakt kuulajatega, võimalus neid mõjutada ja suunata kogu esinemise käigus. See võib anda üllatavaid tagajärgi. Oma mälestustes kirjutab M. Vassiljev-Juzin ühest V. I. Lenini esinemisest, et see sundis alistuma isegi vaenlasi: «Kuid Lenini loogikal oli selline jõud, et kõik sellele alistusid. Alles järgmisel päeval, olles toibunud, hakkasid menševikud ägedalt vastu vaidlema nendele seisukohtadele, mis Iljitš oma ettekandes oli esitanud.»⁷ Siit on mõistetav, et vabariigi partei- ja komsomoliorganisatsiooni juhtivad organid peavad pidevalt silmas loengulise propaganda suunamist ja juhtimist. Seejuures lähtutakse partei programmi nõudest, et «eriti tähtsaks peab partei sirguva põlvkonna kasvatamist.»⁸ Oma ettekandes EKP Keskkomitee pleenumil 1969. aasta aprillis märkis EKP Keskkomitee esimene sekretär J. Käbin, et «täites EKP Keskkomitee III pleenumi otsust organiseerivad EKP linna- ja rajoonikomiteed, ELKNU Keskkomitee ja Eesti NSV ühingu «Teadus» juhatus loengulist tööd noorsoo hulgas ulatuslikumalt ja läbimõeldumalt.»⁹

³ Propaganda ja agitatsioon ÜK(b)P otsustes ja dokumentides. Tallinn, 1949, lk. 381.

⁴ Praegu ühing «Teadus».

⁵ Parteitöötaja käsiraamat III. Tallinn, 1963, lk. 432—433.

⁶ Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei programm, lk. 108.

⁷ Lenin kui revolutsioonilise propaganda meister. Tallinn, 1966, lk. 41—42.

⁸ Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei programm, lk. 108.

⁹ J. Käbin. Noorsoo kommunistliku kasvatamise ülesannetest ja komsomoli parteilise juhtimise parandamisest vabariigis. «Rahva Hääle», 11. aprill 1969.

Loengulise tegevuse kõige olulisemaks komponendiks on lektorite koosseis. Oma kirjas Kapri parteikooli õpilastele näitas V. I. Lenin, et igas koolis on kõige tähtsam loengute ideelis-polii-tiline suund ja et selle määravad lektorid. «Igasugune «kontroll», igasugune «juhtimine», igasugused «programmid», «põhikirjad» ja muud», rõhutas V. I. Lenin, «... see kõik on tühipaljas jutt lektori-koosseisu kõrval.»¹⁰ See kehtib ka igasuguse loengulise tege- vuse kohta, kus organiseerimistööga seotud küsimused on küll olulised, kuid lektorite koosseisu kõrval on teisejärgulise tähtsu- sega. Seetõttu ei seisne parteiorganisatsioonide juhtimistegevuse raskuspunkt mitte niivõrd loengulise töö arvuliste näitajate paran- damises kui võrd võitluses lektorite koosseisu järjekindla tugev- damise eest.

Uute lektorite ettevalmistus on olnud tähelepanu objektiks mitmesugustel partei- ja komsomolivoorumitel. Ka EKP Kesk- komitee pleenumil 1969. a. aprillis rõhutas sm. J. Käbin, et palju- del teemadel, nagu filosoofia, majanduse, teaduslik-tehnilise revo- lutsiooni, rahvusküsimuse, demokraatia jm. aladel «valmistatakse vähe ette uusi lektoreid, eriti noorte spetsialistide hulgast.»¹¹ Se- ses sellega kerkib aga küsimus, kus peaks siis toimuma uute lek- torite peamine ettevalmistamine.

1969. a. viidi vabariigi lektorite hulgas läbi ulatuslikum küsit- lus.¹² Selle kohaselt oli linnalektorite hulgas 77,7 ja rajoonilekto- rite hulgas 52,5% kõrgema haridusega lektoreid.¹³ Lektorite koos- seisu edasine tugevdamine eeldaks toodud protsentide suurene- mist. Seega peaksid partei- ja komsomoliorganid, samuti aga ka ühingu «Teadus» algorganisatsioonid peamist tähelepanu osu- tama noorte kõrgema haridusega spetsialistide ettevalmistamisele lektoriteks. Enamikel juhtudel aga kohtadel vastav kaader puu- dub ja neid ollakse sunnitud hankima väljastpoolt. Nii näiteks töötas 1970. a. loodud Valga lektorimeisterlikkuse kool põhi- liselt TRÜ õppejõudude baasil. Siit tuleneb otsekohe teine, ots- tarbekohasem lahendus — kanda uute lektorite ettevalmistamise põhiraskus kõrgematesse koolidesse.

Teatud suuna selleks andis ELKNU Keskkomitee. 1970. a. juu- nis arutas ELKNU Keskkomitee büroo üliõpilaste-lektorite ette- valmistamist vabariigi kõrgemates õppeasutustes. Selline küsi- muse püstitamine oli hädavajalik, kuna üliõpilasleyktorite tegevu- ses oli märgata tunduvat allakäiku. Kui 1964. a. oli Eesti NSV ühingu «Teadus» liikmeks 193 üliõpilast, siis 1968. aastaks oli

¹⁰ V. I. Lenin. Teosed. 15. kd., lk. 433—434.

¹¹ «Rahva Hää», 11. aprill 1969.

¹² EKP Keskkomitee, ENSV vabariikliku ühingu «Teadus» ja TRÜ uuri- jategrupi poolt küsitleti 1716 vabariikliku alluvusega linena- ja 2460 rajooni- lektorit. Küsitluse tulemused töötas läbi TRÜ Arvutuskeskus.

¹³ J. Kalits. Abiks lektorile nr. 7. Eesti NSV ühingu «Teadus», Tallinn, 1970, lk. 3.

nende arv langenud 87 üliõpilaseni.¹⁴ Samal ajal aga ELKNU TRÜ XVI komsomolikonverents oma otsuses ei puudutanud sõnagagi seda tööloiku.¹⁵ Tingituna vahepeal ELKNU Keskkomitee poolt astutud sammudest, märgitakse TRÜ komsomoliorganisatsiooni XVIII konverentsi otsuses juba rida konkreetseid ülesandeid selles valdkonnas. Nii nähakse ette «lähtudes ELKNU Keskkomitee büroo otsusest, koostada konkreetne kava üliõpilastest lektor-propagandistide ettevalmistamiseks. Lektorite ettevalmistamisele tõmmata kaasa ELKNU TRÜ Komitee klubid ja ringid. Kasutada propagandas laialdasemalt üliõpilaste ühiskonnateadustealase teadusliku uurimistöö materjale.»¹⁶

ELKNU Keskkomitee büroo analüüsis ulatuslikumalt vabariigi kõrgemate koolide komsomoliorganisatsioonide tegevust noorte lektorite ettevalmistamise alal. Üheks noorte lektorite ettevalmistamise kanaliks kõrgemas koolis on ühiskondlike elukutsete teaduskonnad, kus valmistatakse ette lektor-propagandiste. 1969/70. õppeaastal võttis nendest osa TRÜ-s 20, TPI-s — 14 ja EPA-s 15 üliõpilast.¹⁷ See on aga väga väikese arvuline kanal. Kui 1970. aastal õppis ENSV kõrgemates koolides üle 12000 üliõpilase, siis on lektor-propagandistide koguarv sellest ainult 0,4% ümber. Nagu rõhutab TRÜ lektor-propagandistide juhendaja H. Palamets, «näitavad senised kogemused, et võimekad noored lektorid selekteeruvad just tegeliku töö käigus.»¹⁸ Kuid ka see tegelik töö oli napivõitu — 1969. aastal esines loengutega 31 üliõpilast.¹⁹ Kogu vabariigi ulatuses tegutsesid ühingu «Teadus» lektoritena ühingu liikmetest 33 üliõpilast.²⁰

Teise kanalina märkis ELKNU Keskkomitee büroo üliõpilaste teaduslikku tööd. Kui arvestada ühiskonnateaduste alast konkursi, millest võtsid osa paljude erialade üliõpilased, siis 1969/70. õppeaastal esitati näiteks TRÜ-s õppeasutuse sisesele konkursile 27 teaduslikku ja 37 referatiivset tööd, TPI-s 33 teaduslikku ja 114 referatiivset tööd. Vabariiklikule konkursile pääses neist TRÜ-s 40 ja TPI-s 12.²¹ Seda pole eriti palju. Kui aga vaadelda UTÜ tööd kõrgemates koolides tervikuna, siis enamik nende liikmete poolt tehtud ettekannetest on jäänud oma teadusliku ringi raamidesse ja ainult vähesed on pääsenud populaarteaduslike ettekannetena avalikkuse ette.

Teatav osa noorte lektorite ettevalmistamisel on ka komsomoliorganisatsioonide juhtimisel tegutsevatel klubidel ja ringidel.

¹⁴ Kongressist kongressini. Eesti NSV ühing «Teadus», Tallinn, 1968, lk. 5.

¹⁵ «Tartu Riiklik Ülikool», 1. november 1968.

¹⁶ ELKNU TRÜ Komitee jooksev arhiiv. XVIII konverentsi otsus. lk. 2.

¹⁷ ELKNU Keskkomitee jooksev arhiiv. Oiend büroole 8. juunil 1970. a., lk. 3.

¹⁸ «Tartu Riiklik Ülikool», 13. veebruar 1970.

¹⁹ Sealsamas.

²⁰ ELKNU Keskkomitee jooksev arhiiv. Oiend büroole 8. juunil 1970, lk. 7.

²¹ Sealsamas, lk. 3.

Häid kogemusi on siin TRÜ Rahvusvaheliste Suhete Ringil. Kuid ka nende klubide ja ringide kaudu ei toimu massilisemat lektorite ettevalmistamist.

Loengutega esimeiemine on tähtis ühiskondlik ülesanne. Samal ajal aga on üliõpilaste koormatus ühiskondlike ülesannetega suhteliselt väike. Nii näiteks ei omanud TRÜ-s 1488 küsitletud üliõpilasest 1967. a. 40,72% ühtki ühiskondlikku ülesannet. Tallinna Polütehnilises Instituudis oli see % küsitlusel 55,2²²

Analoogilisest olukorrast kõnelevad ka teistes liiduvabariikides korraldatud uurimused. Rostovi ülikoolis tehtud sotsioloogiliste uurimuste baasil kirjutavad B. Rubin ja J. Kolesnikov, et teatavas ajalisel löikes ühiskondliku tööga on hõivatud keskmiselt 50% üliõpilastest.²³ Gorki Riikliku Ülikooli uurijad arvestavad ühiskondlikust tööst osavõtjaid umbes 70 protsendile.²⁴ Seega üliõpilaste ühiskondliku töö alakoormus lausa nõuab üliõpilaste senisest ulatuslikumat rakendamist loengulises tegevuses, kuna viimane on tihedalt seotav ka üliõpilaste erialaga.

Nagu eespool toodust selgus, on üliõpilaste loenguliseks tegevuseks ettevalmistamise ulatus vabariigi kõrgemates koolides üsna väike. Mida võiksid anda siin teiste liiduvabariikide kõrgemate koolide kogemused? Vastavate materjalidega tutvumine näitab, et üheks küllaltki avaraks lektorite ettevalmistamise teeks on vastav töö ühiskonnateaduste kateedrites. Nii näiteks tegutseb Kiievi Polütehnilises Instituudis NLKP ajaloo kateedri ja instituudi komsomolikomitee juhtimisel noorte lektorite kool. 1969. a. mais olid noored lektorid kaheksas rajoonis. Kolme päevaga loeti 110 loengut 6636 kuulajale.²⁵ Turkmeenia kõrgemates koolides on ühiskonnateaduste kateedrite juures ateistide klubid, mille koosseisu kuuluvad üliõpilased esinevad loengutega elanikkonna hulgas.²⁶ Iževski Põllumajanduse Instituudi lõpetajad pöördusid ühiskonnateaduste kateedrite poole sooviga: «Meil on diplomis vaja veel ühte märkust — kvalifitseeritud lektori, propagandisti eriala omandamine». Seal loodi üliõpilaste propagandist-lektori kool.²⁷ Mõningal määral on seda suunda arendatud ka meie vaba-

²² M. Sõnno. Ühiskondlike ülesannete osa üliõpilaste kommunistlikul kasvatamisel. Tallinna Polütehnilise Instituudi Toimetised. Seeria B, nr. 32, 1970, lk. 67.

²³ Б. Рубин, Ю. Колесников. Студент глазами социолога. Ростов, 1968, стр. 178.

²⁴ В. И. Мишин, В. М. Яценко. О перспективном планировании воспитательной работы со студентами. — Социология и высшая школа 11. Горький, 1970, стр. 121.

²⁵ «Вестник высшей школы», № 12, стр. 64.

²⁶ Н. В. Бондарева. К вопросу о более действенных формах внеаудиторной воспитательной работы со студентами. — Материалы симпозиума «Современные задачи коммунистического воспитания студенческой молодежи». Бельцы, 1969, стр. 83.

²⁷ «Вестник Высшей Школы», 1969, № 3, стр. 71.

riigis. Nii märgitakse ELKNU Keskkomitee büroo otsuses, et kõrgemate koolide komsomoliorganisatsioonidel tuleks «teha senisest intensiivsemalt ettepanekuid UTU ühiskonnateaduste ringidele üliõpilaste teaduslike ja referatiivsete tööde temaatika osas.»²⁸ Kuid küsimus ei ole ainult ühiskonnateaduste ringides. Ühiskonnateadustes on referaatide valmistamine ja seminarides esitamine kujunenud õppeprotsessi lahutamatuks osaks. Paljud seminarijuhatajad arutavad seminarides mitte ainult referaatide sisu vaid esitamisega seotud meisterlikkuse küsimusi. Kui seda teha süsteemaatilisel ja senisest paremas organisatsioonilises vormis, peakski see olema suureks sammuks edasi noorte lektorite kasvatamisel.

Kuid mitte ainult ühiskonnateaduste kateedrid, vaid ka teised võiksid selle tööga edukalt tegelda. Nii loodi 1966. a. Rovno Pedagoogilises Instituudis pedagoogika ja psühholoogia kateedrite juurde noorte lektor-propagandistide kool. 1969. a. õppis selles üle 500 füüsika-matemaatika ja filoloogia teaduskonna üliõpilase.²⁹ Kogu tööd võib viia veelgi laiemale pinnale. Tšuvaši ülikoolis ja pedagoogilises instituudis viidi katse korras sisse fakultatiivne kursus «Propagandatöö alused».³⁰ Odessa Põllumajanduse Instituudis on kateedrid ja dekanaadid tehtud vastutavaks selle eest, et III kursuse üliõpilased oleksid haaratud referaatide ja ettekannete ettevalmistamisega majanduslikel ja agrotehnilistel teemadel, et nendega võiks esineda üliõpilaste või oblasti elanike ees.³¹ Selline küsimuse asetamine kõige laiemale tasapinnale peaks kujunema edukaks, arvestades üliõpilaste elavat huvi loengulise meisterlikkuse omandamise vastu. Ka TRÜ-s katsetati 1969/70. õppeaastal vastava kursuse lugemist. Selle kohta märgib ühingu «Teadus» TRU algorganisatsiooni esimees H. Palamets: «Kõnekunstist huvitatud noori kogunes dotsent Valmar Adamsi fakultatiivkursuse loengutele sedavõrd, et küllaltki avar peahoone 139. auditorium ei tahtnud kõiki neid ära mahutada.»³² Ometi aga ei ole need kogemused küllaldest edasiarendamist leidnud, sest 1970. a. detsembris toimunud EKP Tartu linna parteiorganisatsiooni XXI konverentsi otsuses märgitakse, et lektorite järelkasv linnas jätab soovida.³³

²⁸ ELKNU Keskkomitee jooksev arhiiv, ELKNU Keskkomitee büroo otsus. 8. juunist 1970 «Üliõpilaste-lektorite ettevalmistamisest vabariigi kõrgemates koolides ja selle töö parandamisest», lk. 2.

²⁹ К. П. Кундрат. Школа молодого лектора — действенная форма внеаудиторной воспитательной работы. — Материалы симпозиума «Современные задачи коммунистического воспитания студенческой молодежи», Белцы, 1969, стр. 111.

³⁰ «Вестник высшей школы», № 6, стр. 5.

³¹ Перспективный план идейно-воспитательной и культурно-массовой работы Одесского сельскохозяйственного института на 1968—1973 гг., Одесса, 1968, стр. 19—20.

³² «Tartu Riiklik Ülikool», 13. veebruar 1970.

³³ EKP Tartu Linnakomitee jooksev arhiiv, EKP Tartu linna organisatsiooni XXI konverentsi otsus, lk. 16.

Suur osa kõrgema kooli lõpetanud noori spetsialiste lülitub oma töökohal aktiivselt ühiskondlikku ellu. Nende hulgas on ühiskondliku tööga haaratute protsent tunduvalt kõrgem kui üliõpilaste hulgas. TRÜ 1966.—1968. a. lõpetanute hulgas korraldatud küsitlus näitas, et kõigi erialade lõpetanud võtavad osa komso-moliorganisatsiooni, ametiühingute, kohalike nõukogude jm. tegevusest valitud ametikohtadel, tegutsevad propagandistidena, lektoritena jne. Ajaloo osakonna lõpetanute, kes küsitlusele vastasid, olid 89% seotud ühiskondliku tööga, võõrfiloloogia osakonna lõpetanuist 85% jne.³⁴ Siit tõusetubki vajadus välja selgitada, mida peaks siis kõrgemad õppeasutused selleks sisuliselt tegema, et tema lõpetajad võiksid edukalt esineda loengulise töö alal. Püüaksime sellele vastust leida 1969. a. vabariigi lektorite hulgas läbi viidud küsitlusel saadud materjalide kaudu.

Võiks arvata, et kõrgema haridusega lektoril on paremad eeldused loenguliseks tööks. Tõstab ju kõrgem haridus omandatava spetsiaalsuse kõrval ka noore spetsialisti ideelis-teoreetilist taset, samuti annab õppetöö mitmesuguseid meetoodilisi kogemusi materjali leidmiseks, loengu koostamiseks jne. Kui aga vaadelda küsitluse tulemusi, selgub, et kõrgem haridus ei avalda mõju loengu ettevalmistamise ajale. Kõrgema haridusega lektorite loenguks ettevalmistamise aeg langeb põhiliselt kokku ajaga, mida kulutavad loenguks ettevalmistamisele kõik küsitletud lektorid. Suhteliselt vähe esineb erinevusi üldistest keskmistest ka meetoodilise abi vajamise osas. 6,28% kõrgema haridusega rajoonilektoritest märselt vähe esineb erinevusi üldistest keskmistest ka meetoodilise abi 35,66% Üldised keskmised abi mittevajavate lektorite osas on 6,78 ja väga vajavate osas 35,36%. Linnalektorite hulgas on kõrgema haridusega lektorite hulgas meetoodilist abi mittevajavaid 9,85%, väga vajavaid 29,57%. Vastavad üldised keskmised linnalektorite hulgas on 10,48% ja 28,37%. Lahkumineku te väike ulatus kõneleb eelkõige sellest, et kõik see, mida andis kõrgem kool lektori meetoodika alal on kergesti omandatav ka iseseisvate praktiliste kogemuste kaudu. Kui aga samal ajal kõrgema haridusega lektoritest ühe kolmandiku ümber tunnevad teravat vajadust meetoodilise abi järgi, siis võib lõppjäreldeusena öelda, et lektori-meetoodika alalt on kõrgemates koolides antud väga vähe. Siit tulenebki noorte lektorite ettevalmistamise kõige olulisem sisuline vajadus — anda neile kõrgemates koolides just meetoodilisi näpunäiteid, kasutades selleks ühelt poolt teoreetilisi õppusi, teiselt poolt aga praktilist loengulist tegevust. Selline mitmekülgne ettevalmistus tagab lektori tõsise suhtumise oma töösse. Propagandistil on aga vaja, nagu rõhutas V. I. Lenin «... teostada oma tööd läbikaalutult, suurima püsivuse, visaduse ja süstemaatilisusega. Ilma nende omadusteta ei saa poliitharidustöö juurde isegi

³⁴ ELKNÜ Keskkomitee jooksev arhiiv, õiend büroole 8. juunil 1970. a., lk. 1.

asuda.»³⁵ Sellest aspektist on mõistetavad ka EKP Tartu Linna-
komitee I sekretäri J. Loti sõnad linna parteiorganisatsiooni XXI
konverentsil: «Süsteemaatiliselt noorte lektorite ettevalmistami-
sega on tegelenud seni ainult Tartu Riiklik Ülikool ning sedagi
ainult väikese murdosaga üliõpilaskonnast. Kõrgemad koolid
peaksid aga eelkõige olema noorte lektorite taimelavaks ning
andma vajaliku ettevalmistuse poliitiliseks tööks igale tulevasele
spetsialistile.»³⁶

Suunates ja juhtides noorte lektorite ettevalmistamist kõrge-
mates koolides peaksid parteiorganisatsioonid enam tähelepanu
osutama ka loengulisele põhispetsiaalsusele. Selle protsessi jät-
mine stiihilisuse hõlma toob kaasa kõrgema haridusega lektorite
defitsiidi ühel või teisel alal. Rajoonilektorite hulgas, nagu näitas
küsitlus, on filosoofilistel teemadel lugevaist lektoreist 72,72%
kõrgema haridusega (neist teadusliku kraadiga 4,54%). See on
tunduvalt kõrgem rajoonilektorite keskmisest näitajast. Samal
ajal aga ateistlikke loenguid pidavate lektorite hulgas on kõrgema
haridusega lektoreid ainult 37,77% (kraadiga lektorid üldse puu-
duvad). Linnalektorite hulgas on vastavad näitajad paremad, kuid
ateistliku töö vajadus on paraku rajoonides suurem kui linnades.
Kõige väiksem on kõrgemat haridust omavate lektorite protsent
sisepoliitilistel teemadel loenguid pidavate lektorite hulgas. Rajoo-
nides on vastava ala lektoreid kõrgema haridusega 24%, linnades
pisut üle 32%. Selline olukord ei ole kooskõlas V. I. Lenini poolt
antud juhtnõuudega propagandatöö kohta. «Kogu kommunismi
propageerimine,» rõhutas V. I. Lenin oma kõnes poliitharidustöö-
tajate ülevenemaalisel nõupidamisel, «peab olema korraldatud nii,
et see oleks suunatud riikliku ülesehitustöö poliitilisele juhtimi-
sele.»³⁷ Temalt on pärit ka mõte, et iga agitaator peaks olema riik-
likuks juhtijaks.³⁸ Spetsialiseerumine kindlatele teemadele nõuab
juba loengulise tegevuse alguse sidumist vastavate probleemidega.
Seepärast rõhutatakse ka ELKNU Keskkomitee büroo otsuses
8. juunist 1970: «ELKNU linna- ja rajoonikomiteedel, kõrgemate
koolide komsomolikomiteedel koos ühingu «Teadus» noortekomis-
jonidega leida võimalused üliõpilastele-lektoritele esinemiseks»³⁹,
kusjuures tõstetakse esile just ühiskondlik-poliitilisi teemasid.

Kokkuvõttes tuleks märkida, et kõrgemate koolide parteiorga-
nisatsioonid on õigesti lahendanud küsimuse loengulise propa-
ganda kohast kommunismi ehitamise protsessis ning asunud seni-

³⁵ V. I. Lenin. Teosed, 33. kd., lk. 56.

³⁶ EKP Tartu Linnakomitee jooksev arhiiv, aruanne EKP Tartu linna orga-
nisatsiooni XXI konverentsile, lk. 23.

³⁷ V. I. Lenin. Teosed, 31. kd., lk. 340.

³⁸ Sealsamas, lk. 339.

³⁹ ELKNU Keskkomitee jooksev arhiiv, ELKNU Keskkomitee büroo otsus
8. juunist 1970 «Üliõpilaste-lektorite ettevalmistamisest vabariigi kõrgemates
koolides ja selle töö parandamisest», lk. 3.

sest suuremal määral tähelepanu osutama noorte lektorite ettevalmistamisele kõrgemates koolides.

Nagu näitab analüüs, ei suuda noorte lektorite ettevalmistamise senine käik rahuldada praktilisi vajadusi, millest tõusetub ülesanne siduda kõrgemates koolides toimuv õppeprotsess senisest ulatuslikumalt üliõpilastele loengulise töö teoreetiliste ja praktiliste teadmiste andmisega. Kasutamata reserve leidub selles osas kõrgemate õppeasutuste ühiskonnateaduste, samuti aga mitmesuguste teiste kateedrite (pedagoogika, psühholoogia) töös. Mitmesugused sotsioloogilised uurimused näitavad, et noorte lektorite ettevalmistamise organisatsioonilise taseme tõstmise kõrval tuleks rohkem tähelepanu osutada ka sisulistele küsimustele — eelkõige aga loengu metoodilisele küljele. Praktika vajadused kõnelevad ka sellest, et vaja on mitte niivõrd lektoreid üldse kui just lektoreid kindlast ainevallast. Eelkõige aga tuleks laiendada üliõpilaste osa praktilises loengulises tegevuses. Leninlikus pärandis on pidevalt rõhutamist leidnud, et «partei peab väga tähtsaks noorsoo teadlikku osavõttu ühiskondlik-poliitilisest elust, usub tema jõusse ja võimalustesse.»⁴⁰ Seda põhimõtet saaks senisest suurema ulatusega rakendada ka loengulise töö arendamisel ning noorte lektorite kasvatamisel.

ЗАДАЧИ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ ПО ПОДГОТОВКЕ МОЛОДЫХ ЛЕКТОРОВ В ВУЗАХ

И. Калитс

Резюме

Вузовские парторганизации правильно оценивают значение лекционной пропаганды, но относительно мало внимания обращают на подготовку молодых лекторов. Задачей парторганизации можно считать объединение подготовки лекторов с учебным процессом, особенно на кафедрах общественных наук. Социологические исследования показывают, что подготовка лекторов в вузах не дает им в нужной мере опыта, также не обращается должного внимания на подготовку по определенной лекционной специальности. Большое значение имеет предоставление студентам возможности выступить.

⁴⁰ Vladimir Iljitš Lenini 100. sünniaastapäevaks. Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei Keskkomitee teesid. Tallinn, 1970, lk. 52.

TASKS OF THE PARTY ORGANIZATION IN TRAINING YOUNG LECTURERS-PROPAGANDISTS AT A HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT

J. Kalits

S u m m a r y

Party organizations of higher educational establishments appreciate lecture propaganda highly, but up to the present time relatively little attention has been paid to the training of young lecturers-propagandists. The Party organizations, particularly those at the chairs of social sciences, should to a greater extent combine the training of lecturers-propagandists with studies. The results of sociological studies indicate that during the training of young lecturers-propagandists they do not receive sufficient methodical experience and rather often too little attention has been paid to the training of lecturers-propagandists in a narrower speciality. It is also of considerable importance to give students practical possibilities to deliver lectures.

SISUKORD — ОГЛАВЛЕНИЕ

O. Рождественский. Ленинские принципы подбора, расстановки и воспитания кадров	3
O. Roždestvenski. Kaadri kasvatamise, valiku ja paigutamise leninlikud printsiibid. <i>Resümee</i>	13
O. Rozhdestvensky. Lenin's Principles of Training Specialists, Selecting and Placing of Personal. <i>Summary</i>	13
C. Исаков. О марксистских кружках в Тарту в 1890-е годы	14
S. Issakov. Marksistlikud ringid Tartus 1890. aastail. <i>Resümee</i>	50
S. Issakov. On Marxist Circles in Tartu in the 1890s. <i>Summary</i>	50
J. Ant. Eesti revolutsioonilise töölislükkumise saadikud III ja IV Riigikogus	52
Ю. Ант. Депутаты революционного рабочего движения Эстонии в III и IV Государственной думе. <i>Резюме</i>	68
J. Ant. Deputies of the Estonian Revolutionary Workers Movement to the III and IV Parliament. <i>Summary</i>	69
F. Kinkar. EKP ideelis-poliitilisest kasvatustööst talurahva hulgas	70
Ф. Кинкар. Об идейно-политической работе КП Эстонии среди крестьянства. <i>Резюме</i>	108
F. Kinkar. On the Ideological and Political Education Carried out by the CPE among the Rural Population. <i>Summary</i>	108
L. Raid. Ateistlikud loengud Eesti NSV-s aastail 1957—1963.	110
Л. Райд. Атеистическая лекционная пропаганда в Эстонской ССР в годы 1957—1963. <i>Резюме</i>	123
L. Raid. The Atheistic Lectures in the Estonian S.S.R. in 1957—1963. <i>Summary</i>	125
И. Сорокин. Из опыта работы внештатных отделов и внештатных инструкторов в партийных комитетах КП Эстонии	127
I. Sorokin. EKP parteikomiteede mittekoosseisuliste osakondade ja instriktorite töökogemustest. <i>Resümee</i>	139
I. Sorokin. Work Experience of Supernumerary Sections and Instructors as Observed in Party Committees of the Estonian Communist Party. <i>Summary</i>	139
И. Волков. Деятельность районных партийных организаций КП Эстонии по совершенствованию руководства сельским хозяйством (1965—1968 гг.)	140
I. Volkov. EKP rajooniorganisatsioonide tegevus põllumajanduse juhtimise täiustamisel (aastail 1965—1968). <i>Resümee</i>	160
I. Volkov. Activities of the District Party Organizations of the C.P. of Estonia in Improving Party Management of Agriculture (in the years 1965—1968). <i>Summary</i>	161
J. Kalits. Parteiorganisatsiooni ülesannetest noorte lektorite ettevalmistamisel kõrgemas koolis	162
И. Калитс. Задачи парторганизации по подготовке молодых лекторов в вузах. <i>Резюме</i>	170
J. Kalits. Tasks of the Party Organization in Training Young Lecturers-Propagandists at a Higher Educational Establishment. <i>Summary</i>	171

Цена 1 руб.

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00191741 0

Märgatud trükivigu

Lk.	Rida	On	Peab olema
10 93	9 сверху 5. alt	храняющей 24 instruktorist keskharidusega, ¹⁰⁸ ,	хранящей 24% instruktoritest keskharidusega, ¹⁰⁸

Tell. nr. 2536.